

"Мой возлюбленный враг (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Мой возлюбленный враг

Цикл «Шестой межгалактический союз»

Мамлеева Наталья

Пролог

Я привалилась к стене и поменяла зарядные устройства на бластере. Это последний. Если я использую заряд в воздух, то ничем хорошим для меня это не кончится. Только я выглянула из-за стены, как мимо пронесся лазерный луч. Перекатившись, я спряталась за покореженным оборудованием.

— Любимая, выходи. К чему эти игры? Я скучал!

Я знаю, как ты скучал. Именно поэтому отплачу тебе за свою боль сполна!

— Боюсь, что мы оба эмоционально неустойчивы для новой встречи! — прокричала я и выпустила несколько лазерных лучей в переключатель рядом с мужем.

Переключатель заискрил, прежде чем расплавиться, и противнику пришлось перебежками покинуть укрытие, пока я отстреливала его.

— Родной мой, как тебе встреча? Уже счастлив? Скука прошла?

— О да, с тобой скучать не приходится, милая! И да, встреча жаркая! Тебе удалось задеть ткань защитного костюма!

— Я старалась! — прокричала я и настроила свои очки на тепловидение, но мужа так и не нашла.

Куда он испарился. Где же ты, родной мой?

— Любимый, выходи же! Я жду!

В следующее мгновение к моему горлу приставили острое лезвие, и над самым ухом прозвучал голос, не суливший мне ничего хорошего:

— Я не заставлю тебя долго ждать.

Я похолодела. Как ему удалось?

Часть 1

За пять лет до событий в прологе

1

Рассветное уже проснулось. Я с самого утра находилась в возбужденном состоянии: сегодня мне предстоит навсегда покинуть родной дом. Тайна, которую хранили мои родители на

протяжении двадцати лет, стала явью, открыв мне дороги в другой мир.

В мир свободных людей.

Рассветное было небольшим сельскохозяйственным образованием на планете с теплым климатом и хорошей почвой — Орео. Эта планета находилась на окраине конфедерации — Шестого межгалактического союза, поэтому была законсервирована, новости и новшества доходили сюда последними, но зато здесь можно было насладиться тишиной и спокойствием.

"Утопия" — именно так я называла свою жизнь, потому что все было слишком хорошо. Пусть мои приемные родители и были *зависимыми*, они никогда не нуждались в еде — вот он, плюс жизни на Орео.

Но вместе с тем моя душа рвалась к приключениям, а жизнь здесь — это консервация. Каждый новый день похож на старый, каждый день — улыбающиеся добрые лица, однообразные разговоры и самое противное — отсутствие какого-либо движения.

Здесь время будто остановилось. Люди даже не плачут, когда кто-то умирает. Все принимают это как данность. Даже если случаются несчастные случаи в поле с техникой, медицина способна решить эти проблемы. Если же она бессильна, о подобных случаях быстро забывают.

И все вновь счастливы. Утопия.

Но теперь для меня все изменилось. Теперь я жаждала перемен и знала, что они непременно скоро последуют. Двадцать один год — прекрасная дата для начала новой жизни.

В Орской системе жили преимущественно ороситы, отличавшиеся чуть оттопыренными ушами, похожими на кошачьи, алебастровой кожей, белыми зрачками и треугольной формой лица. Я обладала всеми этими качествами, но ко всему прочему у меня были еще и огромные радужные глаза, свойственные фаэртам.

Последние были представителями фаэрской системы, которая была центром конфедерации, как политическим, так и светским. Они отличались загорелой кожей, заостренными ушами и высоким IQ.

Но их главной слабостью были яркие радужные глаза, выдающие любые их эмоции: желтый — радость, оранжевый — симпатию, красный — любовь, зеленый — неприязнь, голубой и синий — грусть, фиолетовый — ярость. Так и я была открытой книгой, пусть зрачок и переливался всеми цветами радуги но периодически один из цветов преобладал над другими, выдавая мои эмоции.

Все гуманоиды нашей конфедерации были совместимы между собой, как и представители еще нескольких союзов. Раньше я была уверена, что в родственниках родителей наследили фаэрты, но вчера все встало на свои места: я — приемная.

Проверив, всё ли сложила в рюкзак, я вышла в гостиную и с улыбкой посмотрела на своих родителей.

Наш дом представлял собой землянку с открытым люком посередине, который закрывался полиуретаном во время выпадения осадков. Комнат было две, из-за чего сверху дом представлял собой шар с двумя полукруглыми "ушками". Посередине совмещались и столовая, и кухня, и гостиная.

Родители сидели за столом и тихо переговаривались. Едва шумели кондиционер и кофеварка. Я окинула комнату печальным взглядом и прошла вперед, придерживая рукой лямку рюкзака. Родители прервали разговор и осмотрели мою тоненькую фигуру обеспокоенным взглядом. Я неуверенно улыбнулась, присев напротив них за стол.

— Может, съешь чего-нибудь? — с надеждой спросила мама, поджав губы.

— Нет, — отрицательно мотнула я головой, — ничего не хочется!

— Ты же голодная будешь! — всплеснула руками родительница.

— Тогда давай я возьму с собой бутерброды с арахисовым маслом и позже обязательно позавтракаю? — предложила компромисс я.

— Хорошо, — согласилась родительница, поднялась со своего места и принялась возиться на кухне.

Мне было больно от беспокойства родителей. Лететь в столичную систему было правильной идеей, но как же тяжело бросать любящих людей! Было чувство, что я их больше не увижу, и от этих мыслей я никак не могла избавиться. Родители скопили достаточно денег для того, чтобы отправить дочь в летное училище, живя строго по карману. И это с учетом того, что зависимые работают, считай, даром.

И вот сегодня на мне была новая недорогая одежда, которую купили у проезжего торговца. Он уверял, что сейчас это модно в столице: укороченные брюки бежевого цвета, белая туника с длинными рукавами и мягкие ботфорты.

На Орео в такой одежде было жарко, но скоро я сяду на шаттл, который доставит на космодром. И уже оттуда осуществится моя мечта — прилет на Фарэт, столицу Фаэра и всего Шестого союза. В столице находились лучшие учебные заведения, и было множество бюджетных мест. Уверена, что мне хватит сил поступить, ведь по-другому просто не может быть!

— Худенькая же совсем, а еще не завтракаешь, — пробурчал мама, укладывая бутерброды в контейнер.

Я виновато улыбнулась, встала и подошла к маме, обняв её за талию.

— Обещаю тебе, что буду хорошо питаться. И как только получу первую стипендию, то куплю коммуникатор и буду звонить вам так часто, как вы сможете бывать в сельхозуправлении.

— Доченька, — развернувшись к нам, начал отец.

Его щеки порозовели, и я догадалась, что разговор будет далеко не о пушистых кроликах, поэтому вновь села за стол, а отец продолжил:

— Ну... ты... В общем, обороне я тебя обучил, поэтому сдачу маньякам ты дашь. А вот устоять перед обаятельными франтами столицы будет сложнее, но ты смотри, не разменивай себя понапрасну. Ищи настоящую любовь, которую ни за что не купишь. Так же не стесняйся и спрашивай у нас с мамой все, что будет касаться... Ну... В общем, внуку или внучке мы всегда рады.

С каждым его словом красных пятен на моем лице прибавлялось, а к концу речи я сидела

пунцовая. Подобные разговоры были непривычны. Парни в нашем селе были, но все они смотрели больше на моих сверстниц — они были менее образованными и более доступными.

Моим обучением занималась мать, которая до замужества была свободной, а оттого и образованной. В свободное время я много читала в общественном хранилище информации при поддержке старого друга отца. Так что пока сверстники развлекались с друзьями и работали в поле, я, благодаря поощрению со стороны родителей, отправлялась в библиотеку, где с электронных носителей читала различные книги.

Буду надеяться, что они достаточно расширили мой кругозор для поступления в летное училище.

Летное! Разве может быть что-то прекраснее? Я столько об этом слышала, смотрела голограммы и читала!

— Пап, ну о чем ты говоришь? — совладав со смущением и заерзав на стуле, пробурчала я. — Не за этим еду в столицу! И о парнях даже слышать не хочу!

— Ох, до поры до времени, доченька, — ласково улыбнулась мать и подала мне контейнер. Я положила его в рюкзак. — Украдет твое сердце какой-нибудь вор, и только поминай, как звали!

Недоверие со стороны родителей могло быть оскорбительным, если бы я не понимала, сколько они сделали для меня. Я посмотрела вверх, где в проеме потолка можно было увидеть голубое небо, и вздохнула, поднимаясь на ноги.

— Пора идти. Шаттл должен скоро прилететь.

— Позволь проводить тебя, — предложил отец, тоже поднимаясь.

— Нет, — упрямо мотнула я головой, — так будет тяжелее расставание, и я вовсе не смогу улететь!

На глазах матери заблестели слезы. Она обошла стол и сжала меня в крепких объятиях, то же самое проделал и отец. Как бы мы не хотели остаться вместе но каждый из нас понимал необходимость подобного поступка. Мне нельзя здесь больше оставаться, эта жизнь не для меня.

— Только береги себя, — прошептала мама, и я уверенно кивнула.

Сердце сжималось, словно в тисках. Окинув комнату прощальным взглядом, я, сдерживая слезы, постаралась приободрить их своей улыбкой и выбежала из землянки. Казалось, еще минута промедления, и я никогда уже не смогу оставить Орео.

Солнце палило нещадно, разгар сезона. Сейчас самое время спеть клубнике, семена которой были завезены из Солнечной системы другого галактического союза. Когда-нибудь я побываю за пределами родной конфедерации, ведь теперь я свободна.

Накинув на голову капюшон, я уверенно пошла по грунтовой дорожке к остановке шаттла. Из других землянок меня провожали любопытные взгляды. Ороситы глядели на меня с недоверием, ведь они прекрасно понимали, что я собираюсь улететь отсюда. И с их точки зрения моё бегство — настоящее самоубийство!

Утренний шаттл обычно привозит сюда агрономов. И вот сейчас в конце улицы ученые мужчины, представители различных рас конфедерации, покинули шаттл, о чем-то весело переговариваясь.

И если шаттл кого-то привез, значит, может и забрать? Раньше никто отсюда не улетал, ведь зависимые не имеют права покидать мест отработки. К счастью, у меня не было вживленного чипа, и я могу покинуть Орео. Если родители, конечно, не обманули.

Будто в насмешку моим мыслям раздался оклик отца. Пытаясь утихомирить поднимающуюся панику, я как можно спокойней развернулась и удивленно посмотрела на родителя, который спешил ко мне. Его лицо выражало беспокойство, словно он сомневался в собственном решении. Моё сердце учащенно забилося, готовое выпустить мечту. Неужели?..

— Что случилось? — поникшим голосом спросила я, когда отец поравнялся со мной, пытаюсь отдышаться.

Воровато оглянувшись, он достал из нагрудного кармана кулон на тоненькой цепочке. Синий камень в филигранной оправе из серебра блестел на солнце и привлекал внимание. Вещица была не из дешевых. Что она делала у моих родителей?

— Что это? — спросила я.

— Возьми, — приемный отец вложил в мою раскрытую ладонь кулон и согнул пальцы, чтобы я и не вздумала выбрасывать украшение. — Это мы нашли на тебе в тот день. Мы не знаем, откуда он у тебя, но храни его и никому не показывай, хорошо?

Отец был серьезен. Это заставляло меня хмуриться и придумывать теории о том, как бы у меня могла оказаться эта вещица. Наконец я разорвала зрительный контакт с отцом и повесила кулон на шею.

— Хорошо, я сохраню его, хотя не понимаю твоего беспокойства.

— Когда-нибудь ты найдешь многие ответы с помощью него, — серьезно заявил отец и добродушно улыбнулся, сделав шаг назад и махнув рукой. — Ну, беги. Смотри, шаттл уже разгрузили.

Я обеспокоенно оглянулась и со всех ног помчалась в нужном направлении. Когда остановилась и вновь взглянула назад, то увидела, с какой обреченностью смотрит отец. Сегодняшний день определенно станет одним из самых тяжелых в моей жизни.

Помахав отцу на прощание, я вновь побежала вперед и еле успела перед тем, как закрылся шлюз. Дыхание сбилось, и я с трудом пыталась отдышаться перед удивленным пилотом. Тот усмехнулся, терпеливо подождал, когда у меня закончатся проблемы с дыханием, и спросил:

— Ну? Чего хотела?

— Хотела с вами отправиться, — выдохнула я, улыбнувшись.

Мой ответ поверг оросита в шок, поэтому он несколько мгновений изучал меня удивленным взглядом, явно ожидая от меня подтверждения, что сказанные ранее слова не более чем шутка. Но шутить я была не намерена, поэтому молча ждала ответа.

— Не могу, — отрицательно качнув головой, ответил пилот. — Ты же знаешь правила:

зависимым запрещено покидать место обитания, иначе чип, вставленный в твоё тело, разорвет артерию на шее, и ты погибнешь.

Я никак не отреагировала, поэтому оросит облокотился о стену шлюзового отсека и добавил:

— Это вовсе не шутки, я уже наблюдал подобную картину. Хочу сказать тебе, что зрелище не из приятных.

— Нет, со мной такого не случится, — уверила я его. — Во мне нет чипа, можете просканировать. Мне очень нужно добраться до космопорта, возьмите меня, пожалуйста, с собой.

Он смотрел на меня испытующе, особенно приглянулись ему мои глаза. Разумеется, они были свойственны фаэртмам, а не ороситам, но вслух говорить мысль не стал.

— Жди здесь, — бросил мужчина и скрылся в рубке.

Вышел он оттуда уже с небольшим сенсорным устройством. Проведя вдоль шеи чувствительным прибором, он с немалым удивлением признал, что чипа во мне действительно нет. Признаться, я сама всё еще сомневалась, поэтому вердикта оросита ждала с беспокойством.

— Действительно, ты свободная. Тогда прошу на борт.

Мужчина кивнул на пассажирское отделение и прошел к креслу пилота в рубке. Я, подпрыгнув от радости, заняла свободное место и пристегнулась, с интересом посмотрев в иллюминатор. Кажется, вот так и начинается новая жизнь! Главное, что я — свободна! Как ветер!

Шлюз закрылся, и шаттл поднялся в воздух. Мне выпала возможность рассмотреть родное село с высоты птичьего полета. Раньше для меня было счастьем подняться на кран уборочной машины и оглядеть окрестности, а увидеть всё вот так, когда весь мир на ладони, было невероятным! И это только подстегнуло моё желание стать пилотом. Теперь в голове прочно поселились картинки из заветной мечты.

Время полета прошло достаточно быстро, но я успела искушать себе все губы, хотя с лица не сходила блаженная улыбка. Когда мы приблизились к городу, я с восхищением взирала на «муравейник» и поражалась: как здесь может уместиться столько людей?

По воздуху летали гравициклы и аэромобили, высотки жилых и общественных зданий устремлялись шпилями вверх, некоторые конструкции из-за остекления выглядели совсем хрупкими и внушали страх. Поэтому сейчас я с жадностью впитывала каждую деталь нового для меня мира, уже зная, что полюблю его.

Выйдя из рубки и увидев моё состояние, пилот усмехнулся. Наверное, ему кажется смешным моё поведение, ведь я полна надежд и мечтаний, как и всякий путешественник. Я искренне улыбнулась и поднялась со своего места, забыв отстегнуться, отчего вновь рухнула вниз, придавленная жесткими ремнями.

Пилот негромко рассмеялся. Я же, смущаясь, теперь сделала все последовательно, поднялась на ноги и произнесла:

— Спасибо вам огромное! Я очень благодарна вам!

— Да не за что, — отмахнулся мужчина, сложив руки на груди и перекатившись с пятки на носок. — Не заблудишься? В городе-то, наверное, ни разу не была.

— Не была, — согласилась я и резонно добавила: — Но я много читала.

— Читала, — передразнил пилот беззлобно, — и много вычитала? Впрочем, неважно. Смотри, остерегайся воров и мошенников. Не доверяй здесь никому, сумки без присмотра не оставляй.

Я едва сдержалась от порыва закатить глаза.

— Ну я же не настолько наивная!

— Ладно, — хохотнул оросит, открывая шлюз, — будем считать, что ты умная и опытная, только, главное, дурочку не включай. Космодром где, знаешь?

Я отрицательно покачала головой, пилот вздохнул, вновь усмехнувшись своим мыслям, и принялся активно жестикулировать, объясняя дорогу.

— Значит, выходишь сейчас и идешь направо до рекламного щита энергетической компании «КосмоЭнерго», потом поворачиваешь налево и забираешься по эскалатору наверх. Садись на «скорый», и он домчит тебя со станции до космопорта.

Я старалась всё запомнить, и это мне даже удалось.

— Спасибо вам большое! — еще раз поблагодарив его, я поспешила в указанном направлении.

Мне казалось, что каждая минута промедления убивает моё будущее.

— Осторожнее! И удачи! — крикнул мне вслед мужчина, улыбаясь.

Выйдя с трапа, я обернулась к нему и чуть не потеряла равновесие. Мужчина было дернулся, чтобы меня поймать, но я выпрямилась и отсалютовала рукой. И он неожиданно поделился со мной:

— Почему-то меня не покидает ощущение, что я еще узнаю о тебе. Таких целеустремленных людей, пылающей идеей, видно издалека. И именно вы зажигаете звезды.

Я не знала, как реагировать на его слова, а мужчина, еще раз улыбнувшись, закрыл шлюз, прервав наш зрительный контакт. Слова пилота еще долго звучали в моей голове, пока я следовала озвученным ороситом маршрутом.

По пути меня привлек рекламный стенд, на котором прокручивался ролик самой крупной компании, занимающейся добычей и снабжением топливом всей конфедерации, «КосмоЭнерго». Даже представить себе боюсь, какие деньги крутятся в руках директоров этой компании!

Поднявшись по лестнице, я увидела остановившийся электропоезд и тут же поспешила к двери. Но перед входом в вагон передо мной встала проблема: как оплатить проезд? Безусловно, я читала об этом в книгах, но там никогда не выдавалась подробная инструкция. Вдруг спишутся все деньги с моего счета? Я не могла этого допустить!

Интересно, а сколько стоил проезд? Наверняка меньше, чем у меня было, но вот не ущемит ли это сильно мой собственный лимит? Все эти вопросы проносились в моей голове, пока я

тупила. Сзади начали кричать люди, стоящие в очереди за мной.

— Не умеешь пользоваться? — удивленно спросил парень за моей спиной. Я смущенно кивнула, держа денежную карточку в руках. — Из черной дыры свалилась, что ли?..

Он приложил свою денежную карту к турникету и подтолкнул меня в вагон. Я горячо поблагодарила спасителя и, когда он прошел следом за мной, предложила перечислить нужную сумму. Парень отмахнулся, сел на свободное место и вставил в уши беспроводные наушники. Не надо так не надо.

Вздыхнув, я встала у окошка, держась за поручни, и с улыбкой разглядывала город. «Скорый» тронулся, пересек мост и помчался к космодрому под учащенное биение сердца одной девушки, жаждущей приключений...

2

— Недостаточно средств, — отдавая мне карточку, раздраженно ответила через динамик кассирша в космопорте.

— Как же нет? Но мне очень надо попасть на этот космолет! — отчаянно выдохнула я, умоляюще посмотрев через стекло на женщину.

— Девушка, не задерживайте очередь!

Я обернулась: за мной никого не было, и сказано это было явно, чтобы бесперспективная пассажирка убралась куда подальше с глаз кассира. Практически все гуманоиды предпочитали покупать билеты в терминалах, но я боялась, что терминал попросит идентификацию личности, в то время как при личной покупке этого не требовалось.

Забрав свою денежную карточку, я развернулась на пятках и прошла к креслам ожидания. Было обидно до слез, но я не из тех, кто просто так сдается! Насупившись и подперев щеку ладонью, я разглядывала гуманоидов вокруг себя.

Шестой межгалактический союз включал в себя семь систем и, соответственно, семь рас. Главной системой была Фаэрская, со столицей -планетой Фарэтом, куда я и направлялась. Так же была Алская, представители которой отличались высоким ростом, дистрофичностью и огромными глазами различных оттенков радуги.

Алсанцы в своем преимуществе были деятелями искусства, а не воителями, поэтому союз с Фаэром был им жизненно необходим. Самыми загадочными были тартарианцы — малочисленная, но опасная раса телепатов. С ними не то что воевать, а просто замышлять что-то против них не решались!

Отвлек от размышлений меня голос справа. Алсанец с длинными выбеленными волосами, наклонившись ко мне, обеспокоенно спросил на межгалактическом:

— Что-то случилось, милая девушка? Я могу чем-то помочь прекрасной незнакомке?

Я немного отодвинулась, прижав к себе рюкзак. Вроде улыбка у незнакомца была располагающая, но я вспомнила слова предостережения пилота, поэтому отрицательно покачала головой.

— Благодарю, всё в порядке.

— Но я настаиваю...

Выдавив вежливую улыбку, я поднялась с места, стремительно отдалилась от приставучего алсанда и только потом задумчиво огляделась, поправив на плече рюкзак.

Мне нужно попасть на космолет, причем как можно скорее, ведь неизвестно, когда закончится прием в летное училище. Есть два пути: заработать на билет или попасть на корабль инкогнито. Но кем я могла тут работать без опыта и знаний? Только в качестве зависимой, а они много не зарабатывают, это я знала по собственным родителям.

Нет, я обязательно найду лазейку, хотя бы ради родителей! Они так хотят, чтобы я добилась многого в жизни, так что я обязана попасть на корабль!

Так что же мне делать?..

Внезапно вспомнила о кулоне, который вручил отец. А что если продать его? Вроде выглядит достаточно дорого, может, и денег хватит до столицы? Зачем он мне нужен? Какая-то побрякушка, чтобы парней привлекать! Я даже закатила глаза, вспомнив папину предостерегающую речь.

Нет, только не кулон. Отец сказал, чтобы я берегла его. И пусть настоящих родителей я искать не собиралась, ведь у меня уже были самые лучшие и любящие, исполнить волю отца я была обязана. Значит, всё-таки придется исхитриться и проникнуть на космолет.

Вылет был через двадцать минут. Если не поторопиться, то можно вовсе опоздать. А это был самый скоростной рейс на космолете последней модели компании «ПассажирсКосмоАвиа», на нем можно было добраться до столицы всего за две недели! Это невероятная удача, и её просто необходимо поймать за хвост!

Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления. Выдохнув, собираясь тем самым с силами, я опрометью бросилась к посадочной платформе на двадцатом этаже. Отстояв очередь перед турболифтом, поднялась наверх и в потоке таких же пассажиров вышла на нужном этаже. Воровато огляделась на вход для пассажиров, потом — для персонала. Шлюзы были открыты, только вот проскочить вряд ли удастся. Что же в этом случае делать?

Пока никакой план на ум не приходил, поэтому я двинулась в сторону основного входа. Я заметно нервничала, когда моё внимание отвлек шипящий звук. Опустив голову вниз, увидела водное пресмыкающееся средних размеров, которое скалилось в мою сторону. Неслыханная наглость от представителя фауны!

— Малечка, не пугай прохожих, — тут же услышала я писклявый голос хозяйки, которая дёрнула за поводок своего питомца.

Но не прошло и секунды, как тот вновь развернулся ко мне, поэтому я не нашла ничего умнее, как прижаться к другому боку женщины, чтобы та в случае чего смогла разделить меня и это существо. Опасный индивид, между прочим! Мало того, что сам имеет целую пасть клыков, так еще и такого покровителя в лице этой тетки!

Сглотнув, я двинулась дальше в очереди. Глядишь, так я и смогу разжалобить проверяющего, если не сработает, пойду к шлюзу для персонала. И я уже собиралась развернуться и отправиться ко входу для персонала, когда очередь дошла до дамы с питомцем, она зачем-то

подала два билета (видимо, такие дамы любили придавать значимость своим любимцам), после чего контролер пропустил её.

— Девушка, поторопитесь, очередь идет, — сделав приглашающий пас рукой, обратился ко мне парень.

Я даже оглянулась по сторонам, проверяя, точно ли ко мне обращались? Рядом никого женского пола не оказалось, поэтому я, не веря в собственное счастье, проскочила внутрь, быстрым шагом направившись за женщиной с земноводным, с которым она в данный момент о чем-то оживленно беседовала, будто тот мог ей ответить.

Удача определенно на моей стороне!

Свернув в один из длинных полукруглых коридоров, чтобы скрыться с глаз контролера, я подошла к сенсорной панели. На ней было голосовое управление.

— Компания «ПассажирсКосмоАвиа» рада приветствовать вас на своем корабле! Я буду счастлив ответить на любой ваш вопрос. Пожалуйста, приложите указательный палец к желтому полю, чтобы мы могли идентифицировать вас.

Услышав последнее, я шарахнулась в сторону и постаралась уйти дальше от бортового компьютера. Теперь следует подумать, как поступить дальше. Естественно, в жилые комнаты меня никто не пустит, значит, нужно идти в подсобку или багажное отделение. Пожалуй, так и сделаю. Отлично, план есть, осталось узнать, где тут находится багажное отделение.

Так как я всё же хотела поступать в летное, то примерную конструкцию космического корабля знала, поэтому двинулась в правильном направлении, стараясь не выдать свою нервозность. К счастью, экипаж был сильно занят, поэтому никто не обратил внимания на чудаковатую девушку.

Во время остановки шлюзы были открыты, и вход в багажное отделение был свободным. На маленькую ороситку никто не обратил внимание. Я без труда спряталась за новыми спейс-шаттлами, укрытыми тяжелым тканевым материалом. Нырнув под ткань, я затаилась под днищем одного из полукруглых шаттлов, молясь богам глубокого космоса, чтобы меня никто не нашел.

Когда совсем рядом раздались голоса, я внутренне сжалась, прислушиваясь к окружающим звукам. Разговаривали на незнакомом квакающем языке, скорее всего, наемники прилетели в конфедерацию для поиска работы в охранных службах. Наконец, они прошли мимо, и я смогла облегченно выдохнуть, но расслабляться не спешила.

К моему счастью, багажное отделение было рядом с турбинным, поэтому я, услышав звук мотора, смогла уловить момент, когда космолет поднялся в воздух. Сегодня я была невероятно удачлива! Лишь бы удача преследовала меня до самого Фаэра!

Спустя пару часов у меня затекли мышцы, поэтому я приподняла полы ткани, укрывающей меня от ненужных взглядов, и выглянула наружу, оценив обстановку. Здесь царили полумрак и тишина, нарушаемые стуком работы газа на лопатках турбины.

Выбравшись наружу, я скинула полог с шаттла и подошла к приборной панели. Попыталась открыть кабину, но сенсор запросил пароль. Пораскинув мозгами, я сделала логический вывод, что они новые, значит, пароль будет легким. Восьмизначное число либо слово.

Дано три попытки, после чего система автоматически заблокируется и сообщит о взломе. Так, спокойствие и только спокойствие. У меня есть право только на две ошибки. Глупых оплошностей совершать нельзя, но и угадать верный ответ даже из простых возможных — задача нелегкая.

— Численный ряд — это именно то, что ввести легко и быстро, — прошептала вслух я, закусив губу и водя пальцами над сенсорной панелью в порядке возрастания чисел. — Ладно, пусть будет так...

Я чуть не выругалась, когда экран замигал красным. О нет, не подошло! Что же теперь делать далее? Осталось одно право на ошибку, но лучше совсем её не допускать, ибо это сильно сокращает жизнь моим нервным клеткам.

Теперь я более тщательно задумывалась над паролем. Одинаковые числа вводили бы вряд ли, потому что от нажатия в одну точку панель заедает на долю секунды и может пропустить одно действие. Можно попробовать ввести число, диаметрально противоположное вводимому в первый раз, но обратный порядок не приемлет человеческий мозг, поэтому намного легче вводить по возрастанию.

— Восьмизначные слова, — шептала я, неотрывно смотря на панель, будто там найду нужный ответ. Хохотнув, я для самой себя пошутила: — Мое имя вряд ли есть в списке используемых паролей. Это должно быть что-то быстро проходящее на ум. Шаттл, металл, каркас, космопорт, космолет. Почему бы и нет? Космолет...

Я даже почти подпрыгнула от неожиданности, когда введенное слово оказалось верным и экран замигал зеленым, а шлюзовая дверь открылась. Мне не верилось в невообразимую удачу, но я была ей рада. Наверное, это благословение богов глубокого космоса, не иначе!

Нажав на разблокировку, я зашла внутрь и огляделась. Шаттл был небольшим и индивидуальным, но для перелетов между системами, поэтому разделен на две половины: спереди приборная панель, иллюминатор и кресло пилота, в которое я и села, не удержавшись от соблазна.

С трепетом провела ладонью над множеством радаров и сенсорных панелей, после чего положила руки на штурвал, почувствовав некую власть. Но радость моя была недолгой, ее омрачил жалобный стон желудка. Вот так я вспомнила, что за весь день сегодня так и не поела. Сначала находилась в состоянии эмоционального возбуждения, а потом мне пришлось несколько часов скрываться под днищем шаттла. Нужно срочно исправлять это упущение!

Я развернулась в кресле и окинула оставшуюся часть корабля оценивающим взглядом: здесь была капсула для сна, шкаф с одной стороны, скорее всего, с продовольствием, а дальняя дверь, видимо, вела в уборную с биотуалетом и душем.

Поднявшись и проверив их, я пришла к правильному выводу: был сухой паек, вода и несколько тюбиков с непонятным содержимым. Решив, что сначала нужно избавиться от бутербродов, чтобы они не пропали, я взяла воду и поужинала. Спать я легла на койке, постоянно вздрагивая во сне и опасаясь, что кто-то узнает о моем местонахождении.

Даже на седьмой день полета я всё еще не верила, что мне могло так повезти и никто не заметил на борту лишнего пассажира. Может быть, Боги глубокого космоса, узнав о том, что я свободная, решили одарить везением? Это было бы просто чудесно!

Пообедав, я бросила взгляд на запасы, решая, стоит ли мне положить немного еды в дорожную сумку? Все-таки неизвестно, когда нужно будет покушать. Конечно, совесть у меня была, и сейчас она меня грызла за такой поступок, а именно — кражу чужой собственности, но совесть ведь не кормит, а кушать хочется всегда.

Поэтому я всё же положила два сухих пайка и закрыла сумку, решая, что мне делать дальше. Вход-то я нашла, но разве пассажиров не проверяют перед их выходом с борта корабля?

С этим могла возникнуть проблема. Я живо представила, как на моих руках и шее застегиваются кандалы и меня отводят на какой-нибудь изолированный спутник на пожизненный срок. Или на срок отработки задолженности, присваивая мне статус зависимой.

Жуть! Нет-нет, я этого не хочу! Нужно срочно что-то придумать!

Пока я размышляла над планом, снаружи послышалась шаги и чьи-то переговоры. Они разговаривали о спейс-шаттлах. Испугавшись, что могу быть обнаруженной, я забралась в капсулу, затемнила прозрачное стекло и задержала дыхание. И только потом вспомнила, что забыла взять с собой рюкзак, но выходить уже было поздно: кто-то открыл шлюз.

О боги, наградите меня удачей и в этот раз, прошу вас!

— Макс, меняем план. Уходим во второй сектор, — раздался чей-то голос снаружи шаттла.

— Понял, — был короткий ответ, после чего мужчина быстро вошел, закрыв за собой шлюз. Кажется, сел в капитанское кресло.

Я боялась дышать. Шаттл приподнялся, шлюзы багажного отделения открылись. О боги, неужели мы вылетаем в открытый космос?! Что происходит, скажите мне?!

— Чо, слезки не было? — спросил мужчина, которого тот, второй, назвал Максом.

Красивое имя. Надеюсь, его обладатель будет еще и великодушным!

— Проверяю радары. Мы ушли незамеченными, — отозвался Чо, и разговор прекратился.

3

Я продолжала тихо лежать и сдерживалась из последних сил, чтобы не чихнуть и тем самым создать шум. Глаза заслезались, я зажала ладонью рот и нос, испуганно смотря на потемневшее стекло капсулы.

Мне конец. Я не могу больше терпеть. Так же зажимая нос, я чихнула, но получилось достаточно громко. В шаттле стало слишком тихо, а потом бортовой компьютер известил о переключении управления в автоматический режим. Я вжала голову в плечи, ожидая своего приговора.

Крышка капсулы отъехала, и я сначала увидела небольшой летающий дрон, окруженный энергетическим полем и создававший тем самым щит, и только потом его хозяина с бластером в руках. Фаэрт, схватив меня за грудки, вытащил из капсулы и прислонил к стене, перекрыв предплечьем кислород и нацелив бластер мне в живот.

Я захрипела, схватившись ладонями за руки незнакомца, и фаэрт ослабил хватку, но не отпустил полностью. Мы неотрывно смотрели друг на друга, нас разделял максимум десяток сантиметров.

Его глаза притягивали. Нижняя часть лица была скрыта черной маской, но даже без неё можно с уверенностью сказать, что он космически красив. Оттенки радужных глаз были теплые, значит, ему нравится то, что он видит?

Моё сердце забилося чаще, и я, смущаясь собственных мыслей, прошептала:

— Прошу, отпустите. Дайте объяснить.

Фаэрт не ответил, продолжая смотреть на меня испытующим взглядом. Я отметила, что у него красивые синие татуировки на скулах, узоры которых хочется очертить пальцами. Он был крепко сложенный, жилистый и высокий настолько, что ему пришлось нагнуться ко мне.

Казалось, что воздух между нами можно было резать ножом. Незнакомец молчал, лишь оранжевые глаза выдавали его эмоции. И как же я боялась, что у меня сейчас такие же! Неужели можно быть вот такой равнодушной к мужчине, которого увидела первый раз в своей жизни?

— Макс, что там у тебя? — раздался со стороны приборной панели уже знакомый электронный голос. — Почему я не вижу тебя за штурвалом?

— Включен автопилот. У меня нежданный гость, — ответил мужчина достаточно громко и спросил уже меня, не сводя своего взгляда и бластера: — Кто ты и как попала на корабль?

У него был такой тягучий приятный голос, что я не сразу нашлась с ответом. А когда сообразила, поспешно воскликнула:

— Случайно! Пожалуйста, опустите бластер. Мне страшно.

Вместо этого Макс надавил бластером мне на живот. Мои глаза увлажнились, и перед мысленным взором встала небольшая деревенька Орео и родители. И почему боги глубокого космоса так жестоки?! Зачем дарить надежду, чтобы отобрать её?

Я закрыла глаза, чтобы унять слезы. Но те всё равно заструились по щекам. Какая несправедливость! Мои родители даже никогда не узнают, что я погибла на шаттле, куда попала тайком из-за нехватки денег!

В рубке повисла тишина, которую разорвал удивленный голос напарника:

— Она там что, плачет?

Я открыла глаза и встретилась с мученическим взглядом фаэрта. Он наклонился ниже, касаясь маской моих губ. Если бы её не было, то был бы поцелуй. Наконец, прочтя что-то в моих глазах, Макс убрал бластер и отпрянул. Я тут же опустилась по стенке, сев на пол.

— Она безопасна, — ответил Макс собеседнику, окинул меня еще одним заинтересованным взглядом и прошел к креслу пилота, вновь приняв управление на себя.

Про меня он не забыл, поэтому оставил позади себя дрон, который смог бы предотвратить неожиданный удар, если тот последует. Я же не могла поверить, что моя удача вновь

подхватила меня на свои дрейфующие волны. Я еще боялась, что меня убьют, но слезы тем не менее проходили, уступая место апатии и пустым всхлипам.

— Успокоить чем-нибудь ее можешь? — раздраженно спросил Чо.

— Только выстрелив ей в голову, — ответил Макс, и я вздрогнула.

Он усмехнулся, будто почувствовал мой взгляд, и поставил связь между шаттлами на минимальный уровень. И даже потрудился объяснить мне свои планы:

— Я пошутил, можешь не бояться. Убивать тебя не входит в мои планы. По крайней мере, пока ты не мешаешь мне.

— Спасибо, — тихо ответила я.

Перспектива быть убитой в любую минуту тоже не прельщала, но она была куда лучше мгновенной смерти в данный момент. Утерев слезы, я затаила дыхание. Напряжение витало в воздухе, пока фаэрт миролюбиво не спросил:

— Как твое имя?

— Филисити, — прошептала я.

— Красивое, — искренне ответил мужчина, — а меня зовут Макс.

«Догадалась», — хотелось мне ответить едко, но я прикусила губу, промолчав и внимательно посмотрев на фаэрта. У него были черные коротко стриженные волосы, лишь сзади спускалась тонкая длинная косичка. Но даже та аура уверенности делала из него привлекательного мужчину. Хотя много ли я видела представителей противоположного пола?

Макс был молод, чуть старше меня. Разумные расы в Шестом межгалактическом союзе могли доживать до двухсот лет, а если хватало денег, то омолаживались в возрасте ста пятидесяти, но подобных процедур могло быть не более трех за всю жизнь. Поэтому сказать точно, сколько лет этому фаэрту, я не могла.

— Макс — это полное имя? — спросила я, чтобы заполнить затянувшуюся паузу.

— Нет, — ответил он. — Но полное я тебе не скажу, пока не буду полностью доверять. Скажи мне, Филисити, что ты делала на этом шаттле?

— Пряталась, — смутившись, ответила я.

— Неудачное место ты выбрала для игр.

— Я не ребенок, чтобы играть в игры! — обиженно воскликнула я и тут же прикусила язык.

Ну что за дура, а? Лучше бы он меня за ребенка принял, меньше бы проблем было. Но тут так некстати во мне разыгралась женская гордость перед симпатичным мужчиной примерно моего возраста. Глупости какие!

Макс обернулся и перевел взгляд с упрямо вздернутого подбородка ниже, на грудь. Я смутилась и скрестила руки на груди, поздно сообразив, что этим только привлекаю его внимание.

— Верю, — с усмешкой отозвался пилот и вновь обернулся к приборной панели. — Но от кого ты тут пряталась?

На моих щеках вновь выскочил румянец. Вот и что за несправедливая судьба?

— У меня не хватило денег на билет, — еле слышно выдавила я.

— Да, космоаэрокомпания сильно завышают цены, не соразмерно стоимости топлива, — искренне ответил фаэрт, без капли презрения в голосе. — Тебе нужно было идти в маленькие частные компании, там приемлемые цены. Конфедерация же забирает со своих подданных непозволительно много.

— Ты хочешь сказать, что частники берут меньше государственных учреждений? — изумилась я, и Макс бросил на меня удивленный взгляд через плечо.

— Ты как будто вчера родилась. Сколько тебе лет?

— Двадцать один. Тебе, наверное, немного больше?

— Больше, — согласился он. — В два раза.

— Вы закончили лясы точить? — раздался голос Чо. — Мы подлетаем к кораблю.

Макс не ответил и начал перебирать какие-то команды на сенсорной панели. Я же смотрела на него с затаенным страхом и между тем искренне любовалась его спокойными, но вместе с тем быстрыми и четкими движениями.

Парни в моем поселке были здоровыми увальнями, сильными, но между тем в их движениях не было резкости и решимости. Макс же разительно отличался от всех, кого я видела до этого. Может, это потому что он фаэрт? Эта раса всегда вызывала особое уважение.

Макс резко поднялся с места, и я отвернулась, чтобы не быть пойманной за подглядыванием. Мужчина подошел ко мне и помог выбраться из капсулы, после чего развернулся к другой стене и снял оттуда две плотные сферы. Нажав на кнопку, он развернул их в состояние «скелета».

— Делать с тобой нечего, полетишь со мной, — констатировал мужчина. Бросив мне один из «скелетов», он приказал: — Надевай.

— Но как? — удивленно поймав скафандр, спросила я.

— Закрепи основные точки на коленях, локтях и груди, после чего костюм сам развернется.

Я так и сделала, и вскоре пластичный материал обхватил меня. Я повторила действия Макса: нажала на кнопки на пятках и запястьях — образовалась обувь и перчатки, дотронулась до выемки на шее, и мою голову обхватил шлем с прозрачной форменной пленкой спереди.

Я огляделась в поисках своих вещей, и Макс проследил за моим взглядом, после чего совершил галантный поступок — положил мои вещи в свой рюкзак, сделанный из плотного материала, внешне напоминающего кожу, но обладающего куда более полезными свойствами.

— Спасибо, — выдохнула я, но Макс меня даже не услышал, вместо этого он надел свой рюкзак на плечи, закрепил трос к своему скафандру и взял меня за руку.

Я молчаливо последовала за ним. Он открыл шлюз и крепко обнял меня. Я обхватила его за плечи, прижавшись плотнее, и мы вместе прыгнули в открытый космос.

Я заворожено смотрела в бездонные глаза недавнего знакомого, которые остались для меня единственным неподвижным объектом в беспорядочном движении Вселенной. Вокруг был необъятный космос, и было что-то безмерно романтичное в том, что сейчас моя жизнь зависит от едва знакомого мужчины.

Как же моя судьба успела сделать такой резкий поворот? И почему мне вовсе не страшно, когда практически незнакомый фаэрт так крепко прижимает меня к себе?

Макс, удерживая одной рукой меня, второй рукой выпустил дрона, оставив у себя в руке шпильку с нерастяжимой нитью. Дрон легко прикрепился к каркасу неизвестного мне корабля, и фаэрт дернул рукой, проверяя прочность и сцепление. И с первым и вторым было всё в порядке, поэтому он, нажав на рычаг, начал сматывать катушку.

Нас стремительно притягивало к кораблю с открытым шлюзом. Как только мы оба оказались на борту, позади нас закрылись створки и тут же открылись спереди другие. Макс скинул с себя рюкзак и скафандр. Его примеру последовала и я, только более медленно и настороженно. Мужчина проследил за моими действиями и, только я закончила, отправил скафандры в систему очистки, после чего обратился ко мне:

— Идем, но не отходи от меня далеко.

Это был приказ, и я не думала ослушаться.

Макс, к моему удивлению, взял меня за руку, будто я могу потеряться. Кажется, его действия были удивительны даже для него, потому что он резко остановился и посмотрел на наши сцепленные руки. Встретившись со мной взглядом, он никак не прокомментировал свои действия и руку не отпустил. А мне было настолько лень говорить, что это не обязательно, что я согласилась с волей фаэрта.

— А мы где? — чтобы скрыть смущение, полюбопытствовала я.

— На корабле моего друга. Здесь тебе не угрожает опасность, если ты не шпионка.

— Нет-нет, — энергично замотала головой я, — я не шпионка! Как тебе такое только в голову могло прийти?!

Макс негромко рассмеялся.

— Да верю я тебе, верю. Не может такая наивная простота быть двойным агентом, — подмигнул он.

— Не такая уж я простая, — обиженно отозвалась я, хотя едва сдерживала улыбку.

Что возьмешь с деревенской жительницы? Но я обязательно стану взрослее и мудрее!

Мы шли по белому округлому коридору, периодически с разных сторон попадались закрытые двери, но никто не спешил нас встречать, пока мы не дошли до капитанского мостика.

Из открывшейся двери выскочил высокий шатен со смуглой кожей и черными глазами. Его голова была украшена мелкими кудряшками волос, а на лбу торчали небольшие рожки —

явный представитель роасан. По полу раздраженно бил хвост с тонкой пушистой кисточкой на конце. Наверное, это и есть тот самый Чо.

— Макс, как ты мог взять её с собой?!

— Ты предпочел бы, чтобы я оставил её там? — выгнув бровь, спросил фаэрт и крепче сжал мою руку, что не укрылось от внимания роасана.

— Именно, — бескомпромиссно ответил незнакомец. — Я еще могу понять, почему ты не убил её, но почему ты не стер ей память и не оставил на шаттле?

— Её бы нашли, она бы ничего не помнила, и полиция, если не повесила бы на неё аварию пассажирского лайнера, нашла бы, за что упечь её в тюремный спутник, — жестко ответил фаэрт.

Собеседник недовольно поджал губы и бросил на меня испепеляющий взгляд. Я зеркально отобразила его действия, и мои глаза приобрели фиолетовый оттенок.

— Если из-за неё будут проблемы, — прошипел роасан, — это будет твоя ответственность.

— Это будет моя ответственность, — твердо согласился Макс, вложив особый смысл в свою фразу.

Я удивленно посмотрела на фаэрта, сглотнув. Если фаэрт взял за кого-то ответственность, то будет её нести до конца своей жизни и ответит перед тем, кому дал слово.

— Тогда отведи её в каюту и проинструктируй, — бросил темнокожий мужчина и скрылся на капитанском мостике.

— Идем. — Макс потянул меня в другую сторону.

— Я создала много проблем. Просить прощения бессмысленно, поэтому хочу сказать спасибо тебе за то, что не поступил так, как говорил твой друг.

— На самом деле, он не такой черствый, каким хочет показаться, — неожиданно признался Макс. — У него есть свои принципы, и часто он действует бескомпромиссно. Мой же мозг не дает мне успокоиться, пока я не просчитаю все возможные варианты исхода дела.

— Это был тот самый Чо? — догадалась я.

— Да, — коротко кивнул Макс.

— А что за авария произошла на лайнере? Что-то серьезное?

Мой вопрос проигнорировали. Если Чо говорил о том, что мне могли стереть память, то именно этого и следует ожидать. Грустно, но лучше, чем смерть.

— Заходи, — нажав на приборную панель у одной из кают, приказал фаэрт.

Двери открылись, и мы вошли внутрь. Макс отпустил мою руку, и мне сразу стало холоднее, хотя температура вокруг не изменилась. Отступив на шаг, я осмотрелась и отметила минимализм в обстановке, всё было цвета светлый металл и прекрасно гармонировало с атмосферой космического корабля. Выдвижные шкаф и стол, капсула для сна, мягкое освещение — всё, как было на голограммах в библиотечных архивах.

— Филисити, — обратился ко мне Макс, облокотившись о стену. Я обернулась к нему. — Ты должна мне многое о себе рассказать, а также пообещать, что никому никогда не расскажешь о том, что произошло на спейс-шаттле. Ты должна постараться вычеркнуть этот эпизод из своей памяти, будто его и не было.

— А нельзя ли мне просто стереть память, как это предлагал твой друг?

Мне было страшно. Пусть в этом случае я никогда не вспомню Макса, но зато буду в безопасности.

— Не все так просто, — отрицательно качнул головой фаэрт. — Гуманоиды еще не научились стирать фрагменты, только полностью, поэтому если я сделаю то, о чем просит мой друг, то ты будто заново родишься. Ты хочешь этого?

Я отрицательно замотала головой, и Макс усмехнулся.

— Я так и подумал. Поэтому мы возвращаемся к моему плану. Ты стараешься забыть, а я, в свою очередь, оберегаю тебя до прилета на Фарэт. Ты ведь туда направлялась, судя по курсу лайнера? — я утвердительно кивнула, и мужчина продолжил: — По рукам?

— По рукам, — кивнула я, и мы обменялись рукопожатиями, после чего Макс снял с плеч рюкзак и отдал мне мои вещи.

— Закажи еду в каюту. Я приду через несколько часов, и мы поговорим, — бросил Макс перед уходом.

Я осталась одна, полная решимости выполнить указания фаэрта. Но сначала я с радостью побежала в душ, где смыла с себя грязь прошедших дней. Отмыв голову и тело, я почувствовала себя заново родившейся, поэтому теперь могла обдумать случившееся.

Я незаконно проникла на корабль, и если бы об этом стало известно, то мне светило бы клеймо зависимой и принудительные работы или заключение на спутнике, последнее бы являлось мягкой мерой наказания. Но при этом произошла какая-то авария на лайнере, вследствие чего двое его пассажиров спаслись бегством на спейс-шаттлах.

Теперь вопрос: была ли авария случайная или вызванная внешними факторами? Не Макс с Чо ли её вызвали? Если да, то зачем им это? И что случилось с остальными пассажирами корабля? Случайно ли оказались два спейс-шаттла в багажном отделении? Конечно, пароль был стандартным, поэтому его мог подобрать любой, в том числе и я сама, но что если это все спланировано? И не в лапах ли уродливого мракса¹ я на этом корабле?

Мне нужно знать ответы на многие вопросы, и получить я их смогу только у фаэрта, а для этого я должна его найти. Просто так сидеть и дожидаться его прихода не было мочи, уж больно вопросы разбередили мою душу и поселили сомнения.

Решено, нужно отправиться на поиски своего спасителя, чтобы выведать у него всю информацию. Просушив волосы и одевшись в легкие хлопчатые футболку и суженные брюки, которые я нашла в своем рюкзаке, я вышла из каюты.

Мы с Чо вновь спорили. Немногочисленный экипаж поглядывал на нас с опаской, но вмешиваться никто не решался. Операция прошла успешно: двигатель очередного конфедеративного корабля был поврежден, вызвав аварию и срочную эвакуацию на другой лайнер.

Через таких происшествий была спланирована повстанцами, которых официальная власть называла контрабандистами, даже прозвище дали с какой-то далекой планеты — Бонни и Клайд. Я не знал, кто из нас кто, но искренне надеялся, что Бонни не я.

Таким образом, репутация государственных компаний подрывалась, а спрос на частные лайнеры возрастал.

Конфедерация завышает цены, из-за чего число зависимых возрастает, что выгодно верхним слоям общества — бесплатная рабочая сила и люди, которых можно пустить в расход при военной конфронтации. Император Финион тяжело болен, и вот уже целый век во главе конфедерации стоит регент — сенатор Ортондакс.

При его правлении увеличились налоги, а вместе с тем возросло и число зависимых, которые теперь не имели даже права на защиту собственного достоинства. Власть ужесточилась. Абсолютно все было подконтрольно государственным чиновникам.

— Мне не нравится эта девушка, — высказался Чо, тяжело вздохнув и опустившись в кресло пилота.

— В который раз тебе повторяю, что она не причинит вреда, — настойчиво повторил я. — Ты обязан довериться мне.

— Я доверяю тебе, но допускаю, что она могла соблазнить тебя своим тощим задом, — упрямо повторил Чо, и я закатил глаза к потолку.

— Ты ошибаешься. Считаешь, что у меня мало девиц в столице? — с усмешкой спросил я. — Женского внимания у нас с тобой в избытке. Просто я чувствую, что от неё не может исходить зло. Доверься моей интуиции.

— С интуицией у тебя проблемы, ты слишком рационален для такой чепухи, — фыркнул Чо. — Поэтому мне и не нравится твоя идея взять с собой эту девчонку. Я по-прежнему предлагаю стереть ей память, и дело с концом. Неужели ты готов поставить на кон все планы?

— Давай без проповеднических лекций, — поморщившись, ответил я. — Я услышал твою позицию, но решение не изменю.

Что же заставляло меня настаивать на своем? Филисити. В ней меня больше всего подкупала искренность. Она не была жеманницей или, наоборот, дерзкой, она была открытой книгой — наивной, доброй и ранимой.

Обычно девушки в моем окружении не обладали этими качествами, а если и хотели показаться таковыми, то я чувствовал фальшь. Я ненавидел ложь, но правда была слишком редким и оттого ценным ресурсом. Истинное счастье — прикоснуться к чистой искренности этой ороситки с радужными глазами фаэртвов.

Но я должен признаться себе, что это все оправдания. Филисити привлекла меня с первого взгляда.

— Надеюсь, когда она тебе наскучит в постели и ты возьмешь то, что ты желаешь, мы сотрем ей память и отправим туда, куда она пожелает...

— Кхм, мы уже не одни, — прервала разговор Марго, указав на экран, в котором отражалась худенькая ороситка, стоящая у открытых дверей капитанского мостика.

Интересно, давно ли она тут и что слышала? Впрочем, последнее наверняка стало достоянием общественности.

— Филисити, заходи, тебя рассекретили, — громко объявил я, и пунцовая от смущения девушка вошла внутрь.

— И было бы из-за чего спорить, — окинув фигуру ороситки оценивающим взглядом, недоуменно протянула Марго.

— Не спрашивай, для меня это тоже остается загадкой, — раздраженно добавил Чо.

— Не обращай на них внимания, детка, — улыбнулся я, и девушка перевела на меня свой взор, пытаясь испепелить.

Раздраженной она нравилась мне больше, чем плачущей.

Филисити

Слова Чо породили в моей душе странные чувства: с одной стороны, сама мысль о том, что я привлекла внимание Макса, была приятна, но с другой — обо мне отзывались, как о девочке на одну ночь. И пусть я была в силу возраста и консервации наивна, но вовсе не глупа.

Именно поэтому разозлилась, посмотрев на фаэрта с оранжевыми глазами. Он был без маски. Ямочка на подбородке придавала ему шарма, так что я официально занесла его в список самых красивых мужчин. Даже больше — он возглавил этот список. Хотя много ли мужчин я видела?

На капитанском мостике помимо меня были еще четыре гуманоида: алсанка, землянин, Чо и Макс. Все четверо устремили взгляды ко мне, но обратился именно землянин тучной внешности:

— Фил, значит. И как же ты к нам попала, малышка?

Земля не входила в состав конфедерации, интересно, как он сам оказался в Шестом межгалактическом союзе? Его пренебрежительный тон не располагал к вежливой беседе, поэтому я проигнорировала его.

— Значит, это вы подстроили аварию на лайнере? — провокационно спросила я.

— Она уже начала добиваться от нас показаний? — усмехнулась единственная девушка, если не брать в расчет меня. — Может, в космос ее?

Я вздрогнула, что не ушло от внимания Макса.

— Марго, не угрожай ей, она и так трясется, — поморщился Чо, заметив неудовольствие друга при этих словах.

Макс прошел к свободному креслу и развернул его ко мне, приглашая сесть. Я опустилась в широкое кресло, сминая руками ткань брюк.

— Скажи, с какой ты планеты и с какой целью летела на Фарэт? — спросил фаэрт, устроившись недалеко от меня.

— С планеты Орео, — ответила я, отметив удивление на лицах членов экипажа.

— Но Орео — это производящая планета, туда едут либо работать, либо там живут зависимые, — высказала общую мысль Марго.

— Но я свободная, — настояла я.

— Как такое могло произойти? — строго спросил роасан. — Ты уверена в своем свободном статусе?

— Чо, в противном случае ее бы не пропустили энергощиты ее сектора, — отринув сомнения друга Макс и обратился ко мне: — Но мне тоже интересно, как так получилось, что свободная жила среди зависимых. Ты дочь одного из инженеров или плантаторов? Обычно они боятся оставлять там своих дочерей из-за страха, что они влюбятся в какого-нибудь зависимого и сами получат статус по мужу.

— Подобная ерунда меня не интересует! — поспешно воскликнула я, чем вызвала порцию улыбок у экипажа, и тут же покраснела.

Мы с Максом встретились взглядами, и я уверена, что у обоих глаза были оранжевыми. Как же тяжело, когда все твои эмоции лежат на поверхности! Чувствуешь себя клоуном на арене, и ничего с этим нельзя поделать.

Раньше я общалась с необразованными людьми, поэтому чувствовала превосходство и не боялась ляпнуть что-нибудь глупое. Но сейчас другой случай — это взрослые свободные люди, которые видят меня насквозь.

Откашлявшись, я пояснила:

— Я лишь хотела сказать, что лечу на Фарэт для обучения. И думы о замужестве не входят в мои планы.

— Замужестве? Вот как? — приподнял брови Чо, стрельнув насмешливым взглядом в Макса, и проговорил уже ему: — Не видать тебе прелестного женского тела, не до тебя ей! Учеба у нее на уме, а не замужество!

Макс отвечать не стал, вместо этого перевел взгляд на пунцовую от смущения меня.

— Филисити, и где ты хочешь обучаться? Отборы в столице жесткие, вероятность поступления очень мала. Бюджетных мест слишком мало на многомиллиардное население.

— В летное училище, я о нем читала, — призналась я и вновь поймала на себе изумленные взгляды, — и я буду очень стараться, но не отступлюсь!

— Ты знаешь, что в летное училище поступают в основном мужчины? — достаточно мягко

спросил Макс и кивнул на землянина. — Данс там обучался. Сейчас беспокойное время, и готовят в основном военных летчиков-профессионалов, девушек стараются не брать.

— Да и сами они туда не стремятся, — фыркнул Чо.

— Ну почему же? Когда я там обучался, — вступился землянин, — на моем потоке учились две девушки. Одна умная, другая красивая, но последняя поступила туда ради того, чтобы выйти замуж.

— И как? Вышла? — из любопытства спросила я.

— Вышла, — кивнул мне землянин, — счастлива в браке до сих пор.

— А вторая? Та, что умная? — продолжала допытываться я.

Как ни странно, мне больше была интересна её судьба.

— Тоже вышла, — усмехнулся землянин и стрельнул взглядом в Марго, — развелась потом, правда.

— Просто муж попался... еще тот, — фыркнула Марго, неотрывно смотря на Данса.

— Вывод: если идешь туда искать мужа — найдешь, учишься — несчастной будешь, — подвел итог Чо, но прокомментировать никто не успел, так как замигали приборы на основной панели.

— Космическая полиция, — пробормотал Макс, нажав определенную последовательность символов.

— Что будем делать? — обеспокоенно спросил Чо, разместившись в кресле капитана.

— Для начала примем вызов, — отозвался Макс и установил соединение.

На голографическом экране отобразился офицер полиции. Приложив два пальца к виску, он отдал честь и представился:

— Старший лейссор² Портокс, космическая полиция. Снизьте скорость и откройте стыковочный шлюз для проверки экипажа.

Макс переглянулся с Чо и выполнил все необходимые указания.

— Скорость снижена, шлюз открыт. Мы ждем вашего прибытия, — ответил роасан. — С вами говорит капитан корабля... Сотар-онг Качонски.

— Господин Качонски? — удивленно отозвался лейссор, но быстро скрыл свои эмоции. — Прошу встретить нас у шлюза.

— Буду там, — ответил Чо и отключил связь. Развернув кресло, он обратился к другу: — Макс, пойдешь со мной. Ороситку веди в свою каюту, представишь ее, как постельную грелку. И пусть молчит.

— Она ещё здесь. Не разговаривай с ней так, будто она мебель, — с нажимом ответил Макс, и Чо коротко кивнул.

— Прости, — бросил он мне, только я не слишком прониклась его извинениями, — иди за Максом и поменьше разговаривай.

Мы поднялись, и я молча последовала вслед за фаэртом. По пути я бросала на него украдкой взгляды, но боялась что-нибудь сказать. Сначала мы зашли за моими вещами, а потом отправились в каюту Макса, которая оказалась точной копией каюты, выделенной мне.

— И что мне делать? — спросила я, оглядевшись.

— Пока ничего, просто дождись меня здесь, — бросил фаэрт и вышел.

И как моя жизнь могла настолько круто измениться? Что я вообще делаю на корабле контрабандистов, которые взорвали пассажирский лайнер? Знать бы заранее, какие сюрпризы готовит судьба.

5

Лимаксион

С Чо мы встретились у входа в шлюзовой отсек. Друг смотрел на меня с неодобрением. Какая разница, чем или кем я увлекся? Это все проходящее и уходящее.

— Что намерен с ней делать? — полюбопытствовал роасан. — Ты понимаешь, что она может трепать своим языком? Теперь она знает мое настоящее имя.

— Она не станет трепаться, я же уже поручился за нее. Слишком наивна и искренна. Я ей верю.

— Твоей веры мне достаточно, — кивнул друг. — Прости за мою импульсивность в начале нашего разговора, ты же знаешь, как я ненавижу посвящать посторонних в свои планы.

— До сегодняшнего дня в этом не было необходимости, — задумчиво ответил я.

Я еще и сам толком не понимал своего желания оберегать ороситку, но она казалась мне такой слабой, что пробуждала инстинкт защитника. А может, я все идеализирую, а на самом деле у меня обычное плотское желание к этой девчонке?

Шлюз открылся, и внутрь влетел пассажирский шаттл небольших размеров, рассчитанный на десять человек. По трапу спустились полицейские, и на лицах каждого застыло удивление при виде Макса.

— Старший лейссор Портокс, — представился главный, вновь приложив два пальца к виску и слегка поклонившись.

— Капитан корабля Сотар-онг Качонски, — отозвался Чо и представил меня: — Коммандер Лимаксион Оджифаэрс.

— Рад знакомству, — отозвался лейссор. — Разрешите проверить корабль и экипаж?

— Должен известить, что это гражданский корабль для личных перелетов. У вас есть ордер? — спросил я, и полицейский протянул мне планшет с указом от регента. Удостоверившись в подлинности, я отступил на шаг и указал рукой вдоль коридора: — Корабль в вашем

распоряжении. Но позвольте узнать причину осмотра?

— В нескольких кватрах отсюда был взорван двигатель пассажирского лайнера государственной компании. Обошлось практически без жертв, но это явно была деятельность Бонни и Клайда. Мы обыскиваем все корабли в их поисках.

— Вот как? Тогда, конечно, мы не станем препятствовать работе государственных служб, — ответил Чо.

— Благодарю, господин Качонски. Не могли бы вы с господином Оджифаэрсом пройти со мной в каюту и дать показания? Может, вы видели что-то подозрительное или вроде того.

Переглянувшись с Чо, мы кивнули и показали лейссору дорогу к конференц-залу. Когда все смогли разместиться за столом переговоров, полицейский приступил к опросу.

— Так откуда вы прибыли и куда направляетесь?

— Летим домой. Мы отдыхали на Оксваре. Эту информацию можно подтвердить по времени в космопортах и множественным видеозаписям в голосети, — моментально ответил Чо.

— Да, ваша вечеринка получила славу на всю конфедерацию, — смущенно пробормотал полицейский.

Я усмехнулся, вспомнив ту пьяную «тусу» у бассейна с множеством длинноногих моделей разных рас. Кажется, в ту ночь кого-то увозили в больницу на скорой. И это все, как обычно, снималось кем-то на коммуникатор и выкладывалось в сеть в режиме реального времени.

— Кхм... В общем, нам бы получить записи с бортового компьютера. Это возможно осуществить?

— Разумеется, — ответил я и встал со своего места, чтобы отправиться на капитанский мостик и взять нужные материалы.

Все записи были «чистыми», и если два спейс-шаттла и были замечены на камерах, то их пилоты остались загадкой, не говоря уже о том, что я, Чо и Филисити покинули свои средства передвижения. На тех покинутых спейс-шаттлах был установлен автопилот и взрывчатка, поэтому, оказавшись в атмосфере ближайшей планеты, они взорвались. А бортовой компьютер я взломал заранее, так что последние записи о маршруте не отправились в центр разработки.

Вернувшись обратно, я включил проигрыватель для лейссора. Отдать записи мы не могли — это были личные материалы корабля и без особого разрешения изъять их не имели права даже с помощью ордера. Полицейский внимательно смотрел на экран, но ничего интересного на нем не находил.

— Благодарю, больше к вам вопросов не имею, — наконец подвел итог он.

Когда мы с Чо уже расслабились, в конференц-зал вошел молодой фаэрт. Бросив на нас мимолетный взгляд, он обернулся к офицеру:

— Старший лейссор, разрешите обратиться.

— Разрешаю.

— В каюте господина Оджифаэrsa мы нашли девушку. Она не смогла представить своих

документов.

— Ее документы у меня, лейссор, — уверенно ответил Макс и улыбнулся, — надеюсь, вы понимаете, в каком она тут положении. Мы с вами прямо сейчас можем пройти ко мне в каюту, и я представлю вам необходимые документы.

Лейссор внимательно посмотрел на меня. Я сохранил невозмутимое выражение лица. В итоге собеседник кивнул, решив, что человеку моего положения не имеет смысла лгать в таких мелочах. Да и связываться с золотой молодежью было не самым рациональным поступком, можно лишиться и звания, и даже статуса свободного. По крайней мере, такой имидж мы с Сотар-онгом создали для себя.

— Не обязательно. Мы верим вам на слово, — уверенно заявил лейссор и поднялся со своего места. — Желаем приятного полета и приносим извинения, что отняли у вас время.

— Ну что вы, мы всегда рады помочь правоохранительным органам, ведь вы стоите на защите наших прав и свобод, — улыбнулся Чо, и офицеры двинулись на выход.

Полицейский экипаж отбыл, а мы с другом проверили корабль и записи со скрытых камер. Уверившись, что ничего не было найдено, я вернулся в каюту. На кровати сидела Филисити в крайней степени задумчивости. Когда я вошел, она подняла на меня вопросительный взор.

Мои глаза вновь начали становиться оранжевыми. Что со мной? Я хорошо научился скрывать истинные эмоции и, соответственно, мои глаза не менялись, оставаясь семицветными, но что со мной происходит, когда я вижу эту маленькую ороситку? Должно быть, я схожу с ума.

— Я не знала, что у меня спросят документы, — прошептала она, и я постарался сдержать улыбку.

Я представил, как полицейский пытается добиться от нее документов, а она выдает ему полное непонимание. Он наверняка подумал, что имеет дело с очень глупой девушкой — постельной игрушкой богатого сына. Пожалуй, это даже лучше, чем я мог предположить.

— Интересно, — задумчиво протянул я, — значит, ты жила в семье зависимых? — Девушка кивнула. — Тебя не стали оформлять, чтобы ты не получила статус зависимой? Но без документов тебя могли бы посадить в тюрьму в столице, разве родители тебя не предупредили?

— Наверное, они даже не догадывались об этом, — опустив голову, призналась она. В этот момент мне захотелось её утешить, Филисити же продолжила откровения: — Я не родная дочь, но об этом узнала недавно. Скорее всего, кто-то из моих родителей фаэрт, но вы обычно не смешиваете свою кровь с чужой, чтобы генетические признаки передались по наследству, поэтому меня, надо думать, выкинули на Орео, чтобы забыть обо мне навсегда.

— Интересно, откуда у тебя такие сведения по поводу смешения крови?

— Из книги, — призналась ороситка смущенно, и я сел рядом с ней.

— Из какой?

— Любовного романа, — пробормотала она, и я улыбнулся, умиляясь наивности девушки.

— Раньше так и делали, но сейчас можно влиять на набор генов в утробе, или, в конце концов,

применить искусственное оплодотворение. Мы действительно заботимся о чистоте крови, но не до фанатизма. Интересно, книгу каких времен ты читала?

— Я не скажу тебе, — буркнула она, и я тихо рассмеялся.

— Как мило ты смущаешься, — подначил я девушку, нагнувшись к ней ближе.

Она не отодвинулась, лишь перевела взгляд мне на губы. Неужели она ждет поцелуя? Подумав об этом, я едва удержался от соблазна поцеловать её. Нет, я не могу этого сделать, иначе не остановлюсь. Прокашлявшись, я отодвинулся и продолжил разговор:

— Теперь я осознал, что такое жить в изоляции. Значит, ты приемная? Найденыш, которого не стали регистрировать? Интересно. А в городе что собиралась делать без документов?

— Я думала, что с этим проблем не возникнет и можно зарегистрироваться где-нибудь, — пожав плечами, ответила девушка.

— Нет. Всё совсем не так просто, — отрицательно качнул головой я и неожиданно добавил: — Подонков бывает много, и таковыми могли оказаться и твои биологические родители, так что не расстраивайся.

Ороситка не ответила. Она выглядела совершенно беззащитной. Выражение её лица заставляло моё сердце сжиматься. С каких пор у меня появилась жалость? Я предполагал, что участок мозга, отвечающий за это чувство, давно у меня ампутирован.

Филисити красива. Белая гладкая кожа, по которой хотелось провести пальцами. Ороситы удивительны — они живут под палящим солнцем, но их кожа невосприимчива к лучам. Упрямый разлет бровей над бездонными радужными глазами, в которых плещется столько искренности, и тонкие губы, яркие от природы — все в ней было восхитительно.

— Если хочешь, я могу помочь с документами, — неожиданно предложил я. — На Фарэт мы прилетим ночью, поэтому переночуешь в моей квартире, а на следующий день пойдем с тобой в регистрационный пункт и сделаем тебе документы. Будешь дочерью дальней подруги моей матери, которая потеряла частично память.

Я не подразумевал ничего плохого, но по румянцу, вспыхнувшему на щеках Филисити, мог предположить, что она поняла меня превратно. Вздернув подбородок, она воскликнула:

— Я не буду делать то, на что намекал твой друг!

У неё оранжевые глаза. Наверное, такие же, как у меня. И чем же мы так приглянулись друг другу? И все равно, несмотря на то, что мы знаем о чувствах друг друга, эта девушка противостоит нашему притяжению.

— А что предлагал мой друг? — подначил я её, с интересом смотря на девушку.

— Ну то... ночью... я не глупая!

Я рассмеялся, и Филисити насупилась, сложив руки на груди, чем только привлекла мой интерес. Я постарался отвести взор в сторону, поэтому начал любоваться планетой в иллюминаторе. Мы подлетали к Фарэту.

— Я не собираюсь ни к чему тебя принуждать, Филисити, — Я сложил руки в замок за спиной,

повернув голову в сторону ороситки. — И поступлю так потому, что чувствую себя виноватым. Ты стала невольным хранителем тайны.

— Я никому...

— Я верю тебе, сказал же. И я уже взял ответственность за твои поступки, поэтому отныне всё, что ты скажешь или сделаешь, будет тенью на мою репутацию.

— Но зачем ты это сделал? — изумилась девушка.

— Иногда мы сами не понимаем своих поступков, — задумчиво проговорил я и вновь обратил взор к иллюминатору.

На минуту каюта погрузилась в тишину. Каждый думал о своем. Наконец собеседница изумленно спросила:

— Ты правда это сделаешь? Поможешь мне с документами?

— Разумеется, — Я кивнул, оторвавшись от созерцания космоса. — Ты мне не веришь?

— Верю, — улыбнулась Филисити, — но мне не верится, что все может быть так просто.

— Ты считаешь, что это просто? Детка, ты попала на корабль контрабандистов, что в этом хорошего?

— Ты пытаешься очернить собственные поступки? Ты добрый, а такие люди не могут заниматься чем-то плохим.

— Наивная маленькая девочка, — сощурившись, протянул я и оглядел её с ног до головы. — Нужно взять у Марго какую-нибудь одежду для тебя. В этом появиться рядом со мной ты не можешь.

— Я могу переодеться в то, в чем была. Одежда как раз высохла...

— Нет, и в том ты рядом со мной тоже не появишься. Детка, не обижайся, но так нужно для конспирации. Доверься мне.

— Хорошо, только не называй меня «деткой». Я давно не ребенок, — нахмурилась она.

— Странно, а другим нравится, — подмигнул я и вышел из каюты.

6

Филисити

Макс ушел, оставив меня с бешено колотящимся сердцем. Не могла же я влюбиться в него? Нет-нет, нельзя об этом не думать! Сейчас для меня главное — поступить в летное училище.

Но его оранжевые глаза...

Почему он так на меня смотрит? Почему внушает в меня надежду? Хотя что я понимаю во взрослых мужчинах-фаэртах? Может быть, они всегда смотрят так на желанных девушек? Ведь

оранжевый — цвет симпатии, а не любви, как красный, поэтому не стоит рассчитывать на многое.

Через некоторое время Макс принес мне вещи: короткий синий топик, кожаные коричневые зауженные брюки и такую же куртку. Также здесь были ботинки на толстой подошве с множеством железных ремешков и бляшек.

Я наградила фаэрта недовольным взглядом, но спорить не стала. Прошла в ванную и переоделась. Когда я вышла обратно, то поймала на себе заинтересованный взгляд, вспыхнувший красным. И вместо того, чтобы смутиться, я расправила плечи, признавая, что мне безумно хочется ему понравиться.

— Это одежда Марго, — кашлянув и отвернувшись, пояснил Макс. Неужели хочет скрыть цвет глаз? — В городе можно купить тебе другую одежду, этот стиль тебе... кхм... в общем, вкупе с твоей наивностью дерзкий наряд дает взрывоопасную смесь. Но сегодня он подходит как нельзя лучше. Не забудь накинуть капюшон и максимально прикрывать лицо от камер.

— От камер? — переспросила я, примеряя капюшон.

— Да, нас наверняка будут встречать толпы журналистов. Всё-таки самые завидные холостяки конфедерации возвращаются в столицу греха, — с горькой усмешкой пояснил Оджифаэрс.

— О, — изумилась я.

— Надеюсь, ты уже забыла, что было на спейс-шаттле?

— Будто никогда и не было, — подтвердила я. — Но какова будет официальная версия?

— Мы встретились на Оксваре, но были знакомы ранее, — любезно пояснил Макс, сложив руки на груди. — Ты частично потеряла память, поэтому я решил тебе помочь и заодно поразвлечься. В общем, ни у кого вопросов возникнуть не должно. В училище, если ты поступишь, обо мне лучше не распространяться, иначе заранее обретишь славу тусовщицы, и к тебе не будут серьезно относиться однокурсники.

— Что значит «если»? Я обязательно поступлю! — уверенно заявила я, взъерошив волосы, и со вздохом добавила: — У меня просто нет выбора. Я же ничего не умею, значит, не смогу устроиться на работу.

— Выбор есть всегда, запомни это. Просто кто-то выбирает легкий путь, а кто-то тяжелый, — возразил фаэрт, взглянув в иллюминатор.

Мы уже подлетели к космодрому и теперь запрашивали разрешение на стыковку. Как только для нас выберут подходящую платформу, корабль пришвартуется.

— Идем, — потянул меня за собой Макс.

Накинув на плечи свою сумку, я поспешила за мужчиной. В коридоре он надел на меня широкие темные очки и притянул к себе, приобняв за талию одной рукой. Его прикосновения обжигали, путая мои мысли. Я постаралась думать на отстраненные темы, чтобы вернуть привычный цвет глазам.

Мы в обнимку направились к шлюзу. Здесь нас ждал Чо. Он окинул мой наряд насмешливым

взглядом, но воздержался от комментария.

По трапу мы спускались вместе. Макс продолжал прижимать меня к себе, и я чувствовала жар, исходящий от его ладони на моей талии и мешающий мне проявлять безразличие. И почему я встретила не какого-нибудь старика, а молодого привлекательного фаэрта, который к тому же оказался с добрым сердцем? Что за несправедливость судьбы?!

Стоило нам преодолеть первые пять ступеней эскалатора, как мы попали под объективы камер журналистов и блогеров. Я старательно прятала своё лицо, поглядывая из-под опущенного капюшона на толпу орущих гуманоидов. Все они выпрашивали Макса и Чо о прошедшем отпуске и надеялись, что те поделятся своими дальнейшими планами. Кажется, именно они зажигают огни светской жизни Фарэта.

Когда мы уже оказались в турболифте, преследуемые толпой журналистов, Макс заметил дрон с камерой и тут же откинул его рукой с такой силой, что тот разбился о стенки кабины. К осколкам бросилась незнакомая ороситка и возопила:

— Да как вы посмели?!

— Не стоит снимать с такой маниакальностью, или, по-вашему, я должен терпеть вмешательство в свою личную жизнь? — грубо отозвался фаэрт.

— Высокомерный урод!

— Не стоит практиковаться в красноречии, лучше мозги купи, а не дроны с камерами, — раздраженно бросил Макс.

Я стояла молча, наблюдая за разыгравшейся картиной. Раздосадованная и злая ороситка пульей вылетела из кабины, оставив после себя гнетущую тишину. Чо нажал на кнопку, и турболифт помчался вниз, а Макс обратился ко мне:

— Филисити...

— Ты это сделал, чтобы не разрушать репутацию плохого парня, да? — догадалась я, и Макс, улыбнувшись, кивнул. — Я точно не уверена, зачем тебе это, но если ты это делаешь, значит, так надо.

— Для простушки она слишком умна. Я её начинаю бояться, — прокомментировал Чо, и я бросила на него победоносный взгляд.

Макс ничего не ответил, вместо этого прижал меня к себе, постаравшись спрятать моё лицо у себя на груди, и, как только кабинка остановилась, вышел под очередные вспышки камер. Пока он прижимал меня к себе, я чувствовала, как мир уплывает из-под ног, оставаясь размазанным пятном где-то вдалеке.

Преодолеть очередной живой коридор нам помогла охрана, которая удерживала толпу на допустимом расстоянии. Но вопросы все равно сыпались, и не все из них были приличными, Макс же с Сотар-онгом было на них плевать.

На парковке космопорта нас ждал аэромобиль, и мы с удобством разместились на заднем сиденье. Транспорт тронулся с места, поднимаясь в воздух. Я не успела перевести дыхание, как раздался спокойный голос водителя:

— С возвращением, господина.

— Мы тебя тоже рады видеть, — ответил Макс, отпустив мою руку. — Сначала в дом Сотаронга.

— Как скажете, младший господин, — отозвался водитель, вклиниваясь в воздушную полосу движения. — Куда после отправимся?

— В мою квартиру в столице.

— Будет исполнено, — всё тем же монотонным голосом ответил он, и я удивилась, с каким почтением он разговаривает с Максом.

Кто же эти два гуманоида — Макс и Чо? И сколько козырей прячут в рукавах? Неужели они действительно контрабандисты, и все их деньги нажиты нечистым трудом? Не хотелось бы в это верить!

Только вот наличие власти в чужих руках всегда пугает.

Всю дорогу я молчала, сложив ладони на коленях и рассматривая бежевый салон аэромобиля. Я сидела посередине между двумя мужчинами, поэтому не могла любоваться видами из окна, и мне постоянно приходилось переключать на что-то своё внимание, чтобы слишком откровенно не любоваться Лимаксионом.

Наконец мы остановились на остановке. Она стояла на возвышении, и до земли можно было спуститься на лифте, а уже там была свободная пешеходная часть без транспорта.

— Позвони завтра, — бросил перед выходом из аэромобиля Чо.

— Хорошо, — отозвался Макс, и его друг подхватил свои вещи и покинул салон, а аэромобиль вскоре вновь тронулся с места.

И теперь, находясь с Максом практически наедине, я почувствовала неловкость. Отодвинувшись к противоположному окну, постаралась отвлечься от неприличных мыслей и взглянула на ночной город, освещаемый фонарями. Яркие вывески свидетельствовали о наличии бессонной жизни, но совершенно не давали представления об архитектуре.

Макс, будто заметив моё стеснение, наклонился ближе и проговорил в самое ухо:

— Не бойся, я тебя не съем, трусишка.

Я вздрогнула и обернулась к нему. Наши губы практически соприкоснулись. Макс не отодвинулся. Мне же некуда было отступить: позади меня была дверь аэромобиля.

— По крайней мере, сейчас, — задумчиво добавил фаэрт.

— Макс, — откашлявшись, начала я, — ты всегда добавляешь какое-то «но». У тебя без подводных камней не бывает?

— *Talis est vita*, что на одном из древних языков означает: «Такова жизнь», — ответил Макс и отодвинулся. — Филисити, а откуда ты знаешь межгалактический?

— Учила по программам в библиотеке, — ответила я. — Еще я знаю твой родной язык.

— Молодец, — неожиданно улыбнулся фаэрт и взъерошил мне волосы, только слишком по-детски это выглядело. Поджав губы, я постаралась пригладить прическу. Макс же задумчиво пробормотал: — Как бы мне хотелось, чтобы ты никогда не теряла чистоты души, но боюсь, что ты потемнеешь под напором этой жизни. Не все мечты исполняются, а это делает людей злее.

— Тогда людям нужно менять свои мечты, чтобы не становиться злыми.

— А ты бы поменяла? Например, если не поступишь в летное училище?

— Но я же поступлю! — уверенно воскликнула я, и Макс громко рассмеялся.

— Конечно-конечно, ты обязательно поступишь. Только если всё же провалишься на экзаменах, придешь ко мне, хорошо? Решим что-нибудь вместе.

— Это вновь то, о чем говорил твой друг? — сощурившись, спросила я.

На этот раз в моих словах не было серьезности и страха, скорее, я подначивала собеседника.

— Да забудь ты пустую болтовню Сотар-онга! — усмехнулся мужчина и пробежался глазами по моему открытому животу. — Хотя не буду голословным.

— Лимаксион! — возмущенно воскликнула я, и фаэрт резко отвернулся к окошку, так и не произнеся ни одного слова вплоть до приезда домой.

Я даже была рада этой блаженной тишине, иначе бы уверилась в том, что влюбилась в Макса. К счастью, водитель известил нас о конечной точке маршрута, и мы вышли на стыковочную платформу аэромобиля, после чего Макс, поправив на плече сумку, обратился к шоферу:

— Скажи родителям, что я приду завтра на семейный ужин. Днем пусть меня не ищут, буду занят.

— Передам, молодой господин.

Макс кивнул, взял меня за руку и повел в сторону подъезда. Здесь мы прошли электронный турникет. Макс вбил в систему пропуск по моим биометрическим параметрам, после чего мы двинулись к лифтам. Выйдя на четвертом этаже, мы свернули направо.

Фаэрт приложил два пальца к замку на металлической двери, введя код, и мы вошли в коридор, где тут же включилась автоматическая система освещения, и с Максом поздоровался компьютер приятным женским голосом:

— Доброе утро, молодой господин.

— Добрый вечер, Ксенон икс три, — ответил ей Макс. — У тебя опять сбились параметры времени. Ты давно не получала обновления?

— Совершенно верно, молодой господин.

— Напомни мне заняться этим завтра.

Макс разулся и прошел внутрь, я же осталась стоять на месте, рассматривая интерьер. Из коридора хорошо просматривался зал и кухонная часть, состоящая из барной стойки и гарнитуры. Мебель была деревянная, с металлическими вставками — это насколько же дорогой она являлась? Нынче деревянные вещи в цене, в отличие от высокопрочной

пластмассы.

— Идем, не стой на пороге с разинутым ртом. Мухи здесь, конечно, не летают, но зато есть я, а я могу не удержаться и поцеловать этот прелестный рот, — подмигнул Макс и направился в зал.

На моих щеках вспыхнул румянец, но я сдержалась от колкого комментария и последовала за фаэртом. Квартира была просторная, но комнат в ней было всего три: зал, спальня и тренажерная. Больше, кажется, этому мужчине было не нужно.

И тут я подумала о том, где буду спать. Мой взгляд упал на диван в зале.

— Ты ночуешь в спальне, и это не обсуждается, — заметив мой интерес к мебели, прокомментировал Макс. — Даже не смей возражать, а то с тебя станется с твоей скромностью.

— И не собиралась, — пробормотала я, сбросила вещи на диван и села рядом.

Только сейчас я задумалась, что со мной произошло за последнюю неделю, и как круто изменилась моя жизнь. Я покосилась на дверь спальни, за которой скрылся хозяин квартиры, и вздохнула, схватившись за голову.

Сумасшествие какое-то! Невообразимо много событий для меня одной!

Но главное — я в столице! Теперь я поступлю в летное училище, оставив все недоразумения позади. Начну новую жизнь, свяжусь с родителями и навсегда забуду знакомство с «золотым мальчиком»...

О таких парнях я читала, как ни странно, всё в тех же любовных романах. Такие мужчины меняют девушек как перчатки, устраивают грандиозные вечеринки и живут на широкую ногу, а потом встречают её — ту, которая затмит собой весь мир.

И как бы прекрасно это ни звучало, поверить в такой исход очень и очень сложно, даже несмотря на цвет глаз фаэрта, поэтому от таких людей, как Макс и Чо, нужно держаться подальше. Может, они и неплохие, но явно не моего круга.

Интересно, а кто был в моем круге? Земледельцы с Орео? Или курсанты летного училища?

7

Лимаксион

Мои мысли были вновь заняты повстанческой деятельностью. Недавно просочилась информация, что еще один генерал начал брать крупные взятки, значит, готовится государственный переворот. Регент хочет свергнуть прошлую династию и занять трон официально.

Мракс, и почему наследник сбежал?! Правда, сбежал он лет двадцать назад, сразу после смерти своего отца — сына нынешнего императора, поняв, что спокойно существовать при регенте ему не позволят: убьют или сделают овощем.

Первое произошло с его отцом в тот день, когда тот бежал с женой. Убили и принца, и его беременную супругу, выставив все несчастным случаем крушения звездолета. После этого молодой наследник, лишившийся родителей, пробыл во дворце не больше полугода и сбежал. О его нынешнем местонахождении никто ничего не знает, но народ надеется, что принц скоро вернется, ведь близится его пятидесятый день рождения. Осталось пять.

По законам конфедерации императором может стать гуманоид, достигший пятидесятилетнего возраста. Это понимает и регент, поэтому собирает сторонников, которые хотят питаться из кормушки и дальше, не заботясь о благе конфедерации и её жителей.

К сожалению, прямых родственников у императора не осталось — дочь оказалась бесплодна, а младший брат погиб еще в молодости, так и не обзаведясь семьей. По закону трон не может быть унаследован клоном, так как те не переносят процедуру омоложения, что существенно сокращает срок их правления, не говоря уже о нестабильности некоторых индивидов.

Мракс, наследник должен найтись! Не погиб же он, в самом деле?

Так, с этими бесплодными размышлениями пора заканчивать, оставив думы на завтра, а пока нужно заняться гостьей.

Интересно, она когда-нибудь смотрела голографические фильмы или играла в виртуальной реальности? С этими вопросами в голове я вышел в зал и увидел спящую на диване девушку. Просмотр фильмов придется отложить.

Зайдя в спальню, я расстелил постель и принес одеяло, после чего вернулся в зал, подхватил на руки сонную девушку и аккуратно занес в спальню.

Филисити доверчиво положила голову мне на плечо, вздохнув, из-за чего её грудь приподнялась и вновь опустилась. Было бы неплохо ее раздеть, но боюсь, что ороситка не поймет моего поступка. Да и в своей выдержке я не был так уверен.

— Спи, красавица, и пусть хотя бы во сне все твои мечты исполнятся, — прошептал я, опустив Филисити на кровать и укрыв одеялом.

Она была так безмятежна и еще даже не подозревала, в какой мир попала. Ей предстоит узнать горечь разочарования и боль разрушенных надежд.

Интересно, каково ей было жить среди зависимых? Можно ли вообразить её радость, когда она узнала о своем свободном статусе? И можно ли ощутить любовь приемных родителей, которые на свой страх и риск растили чужого ребенка без определенного статуса, чтобы потом выпустить её во взрослую жизнь?

Я понимал, почему они ей даже нечего не сказали о документах. Оформить они её не могли, тогда ей был бы обеспечен статус зависимой, поэтому они решили, что неопределенность лучше, чем такая жизнь. И я их поддерживал. В последнем случае даже без документов у неё есть шанс на счастливое будущее.

Оказывается, и ороситы очень любят детей. Фаэрти были преданы своей семье, для нас она оставалась на первом месте. Что же послужило поводом для биологических родителей Филисити подбросить незнакомцам своего родного ребенка?

Я не представлял, как можно отказаться от собственного дитя, но история происхождения ороситки действительно интригует. За её смущением скрывался колкий характер, который не

сломался под напором обстоятельств.

Она не побоялась отправиться неизвестно куда в другую часть конфедерации, практически без денег и с одной-единственной мечтой. Разве я мог бы похвастаться подобным бесстрашием? Ответа на вопрос мне не видать, ведь у меня всегда было всё, о чем я мог только пожелать.

Нагнувшись, я убрал прядь волос со лба ороситки и поспешно вышел из комнаты, предварительно выключив свет.

Филисити

Я проснулась поздно, и разбудил меня чей-то пристальный взгляд. Слегка приоткрыв один глаз, я увидела Лимаксиона, который стоял надо мной и застегивал ремешок часов. И чего он так навис? Другого места найти не мог?

— Проснулась? — мягко спросил Оджифаэрс, справившись с ремешком часов и положив руки в карманы брюк.

Я открыла глаза и приподнялась на локтях. Сегодня на Максе была белая рубашка с закатанными рукавами и серая жилетка в тон брюкам. Татуировок на нем не было. Он их наносит только в космосе? Выглядел хозяин квартиры представительно и стильно. Я невольно почувствовала себя рядом с ним неуютно, будто я из другой эпохи.

— Ты так смотришь, будто стесняешься меня, — с усмешкой заметил фаэрт.

— Не тебя, а себя, — ответила я, вставая с кровати. — А где здесь ванная?

— Там, — махнул рукой в сторону двери Макс и пояснил: — Она соединяет тренажерную и спальню, поэтому не удивляйся, что там две двери.

Кивнув, я поспешила в указанном направлении, предварительно захватив с собой рюкзак из зала. Закончив с водными процедурами, я оделась и взглянула на себя в зеркало. Миловидная внешность, но особой красотой я не отличалась. Могла ли я понравиться мальчику из золотой молодежи? Вряд ли.

Когда я вышла и взяла в руки куртку, оставленную вчера в зале, Макс предложил:

— Можем зайти и купить тебе любую одежду, какую ты захочешь.

Я с трудом удержалась от того, чтобы не замотать головой. Нет. Только не это. Не выдержу такого позора. Я и так чувствовала себя не в своей тарелке.

— Нет, не нужно, Макс.

— Накинь куртку и идем со мной. Сделаем документы, потом вернемся, заберем твои вещи, и я отвезу тебя к летному училищу. Оно находится в двух сотнях километров от столицы.

Мы покинули квартиру в молчании. Уже в лифте я не удержалась от вопроса:

— Твой дом похож на холостяцкий. Где же ты устраиваешь вечеринки?

— А они у меня обязательно должны быть? — отозвался собеседник, облокотившись о поручень

в лифте.

— Судя по тому, что я успела понять — да.

— Ты права, — усмехнулся Макс, подняв голову вверх, будто на потолке были ответы на все вопросы. — Но я считаю, что для тусовок есть клубы, которые сдаются в аренду, а эта квартира — только моя. И если тебе интересно, то ты единственная девушка, которая ночевала в моей постели. Тебе это должно польстить.

— О, это определенно подняло моё самооценку, — рассмеялась я и поймала странный взгляд Макса на себе. Смех тут же оборвался. — Что-то не так? У меня что-то на лице?

— Да, — Макс сглотнул и с неожиданной веселостью пояснил: — Улыбка. У тебя на лице улыбка. И она фантастическая.

— Теперь я понимаю, о чем писали в любовных романах, — пробурчала я, и фаэрт снова рассмеялся.

Мы вышли из лифта и направились на выход.

— И о чем же там писали? — спросил Макс по дороге, вернувшись к теме нашего разговора.

— О том, что богатые мужчины любят играть девичьими сердцами, роняя их и разбивая вдребезги. Но знай, что своё сердце я так просто не отдам, тем более за комплименты, и вручу его только в надежные руки, — выпалив эту тираду, я гордо приподняла подбородок.

Мы отправились в гараж, где у Лимаксиона стоял аэромобиль. Макс галантно открыл мне переднюю дверцу, даже помог застегнуть ремни безопасности, после чего сел на водительское сиденье и отстыковался от платформы, вылетев через пропускные пункты в крыше здания.

Я тут же припала к стеклу, рассматривая столицу. До этого я видела лишь голограммы, но любоваться вживую — не то же самое. Центром города был Эриол Холл — огромная башня с длинным шпилем, уходящая высоко в небо, и уже все другие здания были на порядок ниже, но не менее впечатляющими.

Стеклопластиковый каркас отдавал блики и порой слепил глаза, из-за чего все водители, включая Макса, летали в темных защитных очках. И правду говорят, что здесь — город рекламы и возможностей. На каждом здании был установлено устройство, проецирующее голографические короткие ролики. Опустив стекло, я чуть не оглохла от городского шума, поэтому поспешно закрыла его под тихий смех Лимаксиона.

— Как вы здесь живете?! У вас должны быть слуховые аппараты!

— О да, мы просто работаем на медиков, — весело отозвался Макс и уже серьезно добавил: — Со временем привыкнешь.

— Привыкну работать на медперсонал? — улыбнулась я.

— И к этому тоже. Организм приучается ко всему, даже вставать по утрам, хоть последнее особенно сложно. Со временем уже без шума мегаполиса начнешь сходить с ума, будет казаться, что жизнь остановилась. Хотя для сельской жительницы сложно понять любовь горожанина к подобному ритму.

— Мне сложно, но я постараюсь тебя понять, — искренне пообещала я. — К тому же, мне никогда не нравилась утопическая реальность Орео. Каждый новый день похож на предыдущий. Как там вообще можно вести летоисчисление? Вся жизнь сливается в одно сплошное земледелие.

— О, ты уже становишься немного горожанкой. Собственно, у тебя нежные руки, видимо, тебе не доставалось тяжелой работы, — заметил фаэрт.

Я повернула руки ладонями вверх, рассматривая. Ничего интересного я там не обнаружила, обычные руки библиотечной мыши.

— Да, родители меня баловали, — пояснила я. — Видимо, они с самого начала хотели отправить дочь учиться в другую систему. Они многое сделали для меня, и я никогда этого не забуду.

— Надеюсь, так и будет. На практике люди никогда не забывают зло, а добро легко выветривается из их памяти.

— Неправильных людей ты встречаешь.

— Больно много ты знаешь, — криво усмехнулся Макс и начал снижение.

Остановились мы перед административным зданием. Отстегнувшись, я вышла из автомобиля вслед за фаэртом, стараясь не отстать от него. Это здание, в отличие от многих, было широкое и всего лишь десятиэтажное, с каменными ступеньками перед входом.

Через револьверные двери мы попали в просторный холл и направились к рецепции. Миловидная роасанка с рожками и синим хвостом (видимо, выкрашенным в косметическом салоне) широко улыбнулась и, подавшись вперед, томно спросила:

— Могу я вам чем-то помочь, господин Оджифаэрс?

И грудь выпятила так, будто помочь она готова была всем, чем сможет. В том числе и своим телом. Я невольно поморщилась, но постаралась взять себя в руки и посмотреть на незнакомку с дружелюбием.

— Да, — отозвался Макс беспристрастно. — Скажите, господин Жульэн сейчас занят?

— Нет. Вас проводить? — вновь расплылась в улыбке девушка, выходя из-за стойки.

— Не стоит отлучаться со своего рабочего места. Я знаю, где находится его кабинет, — остановил её Лимаксион, взял меня за руку и повел к лифтам.

Я, не удержавшись, обернулась к роасанке и показала той язык. У рецепционистки округлились глаза и приоткрылся рот, но сказать она что-либо не успела — двери лифта распахнулись, и мы с Максом скрылись в кабинке.

— Почему у тебя такой шкодливый вид? — спросил мужчина, сощурившись.

— Разве? Тебя подводит зрение, — пожала плечами я, отворачиваясь, чтобы скрыть широкую улыбку.

— Пусть будет так. — Макс вздохнул, не став спорить со мной.

Мы прошли по коридору до нужного кабинета, где нас встретил радушный хозяин. Он был портуэканцем, то есть имел идеальную фигуру шара. Ноги коротенькие, шеи фактически нет, кожа розоватого цвета.

Ничего примечательного для человекообразного гуманоида стандартной внешности, но говорят, что представители их расы очень добрые и отзывчивые люди, никогда не бросят в беде. Даже поговорка есть: «Не имей сто друзей, имей одного портуэканца».

— Лимаксион Оджифаэрс, какая встреча! Еще вчера в вечерних новостях прочитал о твоём возвращении. Местное общество ждет от вас с Сотар-онгом новых провокационных историй. — Мужчины обменялись крепкими рукопожатиями. — О, смотрю, ты с девушкой. Госпожа, вы очаровательны.

— Благодарю, — смущенно оправив волосы, ответила я.

Мне было впервой заводить новые знакомства, ведь в поселке, где я выросла, все друг друга знали. Там умирали и рождались люди у всех на виду. Даже интересно, как родителям удалось скрыть мое истинное происхождение?

— Не смущай ее. Она сельская жительница, поэтому твое внимание может посчитать домогательством.

— Эй! — возмутилась я, и Макс рассмеялся, подмигнув.

— Давно я тебя не видел в таком настроении, — задумчиво прокомментировал портуэканец, проходя за свой рабочий стол и переводя взгляд с мужчины на меня и обратно.

— И еще столько же не увидишь, если в крайние сроки не выполнишь мою просьбу, — отозвался Макс, сменив тон на серьезный.

— Опять документы? — со вздохом опустившись в кресло, спросил Жульэн. — Лимаксион, вы со своими друзьями еще не все прелести жизни ощутили? Скажи прямо: тебя опять лишили прав и тебе нужно их восстановить? Да меня скоро в полицию на порог пускать не будут! Иди сразу к своему отцу.

— А вот я пришел как раз по просьбе своей матушки, — не моргнув и глазом, солгал Макс. — Девушка, которую ты видишь, — дочь её старой подруги, частично потерявшая память и заодно документы. Нашел я её на планете, где отдыхал. Нельзя ли сделать новые документы?

— Почему нельзя? Любой каприз за ваши деньги, — улыбнулся портуэканец. — В системе она есть?

— А вот с этим могут быть проблемы, — нахмурился Макс и выразительно посмотрел на своего знакомого.

— Значит, нет? — переспросил Жульэн, сложив руки в замок на столе. — Что ж, и этому есть решение.

— Премного благодарен, — улыбнулся Макс, и только сейчас соизволил усадить меня в кресло и встать позади, положив руки мне на плечи.

— Возраст и имя? — разворачивая экран компьютера к себе, спросил портуэканец.

— Филисити... МакКаст, — ответил вместе меня фаэрт, — с планеты Орст, ей двадцать один год. Звездная дата?..

— Сорок шесть, точка, восемьдесят семь, точка, пятнадцать, — ответила я и на всякий случай уточнила, что омоложений у меня пока не было: — Первый круг.

— По дате догадался, — усмехнулся портуэканец, — сейчас снимем голограмму, запишем адрес регистрации и отправим данные в систему. Внесение изменений в ней проходит в течение часа. И уже потом вы получите новое удостоверение личности.

— Я тебе говорил, что ты незаменим? Деньги переведу на твой счет сегодня же.

— Ты же знаешь, что я бы не сделал этого, не будь ты моим другом? — со вздохом отозвался Жюльэн.

— Конечно. В противном случае ты бы испугался за свою задницу, которую может укусить антикоррупционный комитет, — подмигнул Макс, на что друг лишь отмахнулся.

8

Спустя пару минут все графы были заполнены и данные отправлены на обработку, а Лимаксион предложил мне позавтракать. Я хотела отказаться, но предатель-желудок заурчал в самый неподходящий момент, поэтому под веселым взглядом мужчины я смолкла.

— Идем уже, чудо ходячее, — подтянув меня за собой, сказал Макс, и мы вместе покинули кабинет Жюльэна.

— Ты ему доверяешь? — осведомилась я по дороге к лифту.

— Полностью. Когда-то мне посчастливилось спасти его жизнь.

— Понятно, — ответила я.

Мы вышли из здания и направились в рядом стоящее кафе. Оно было сделано из стеклопластика, из-за чего посетители за столиками у стен были на виду, но при этом могли просматривать и улицу.

Макс чувствовал себя раскрепощенно, как истинный хозяин жизни, я же испытывала неловкость и скованность, мне постоянно хотелось оправить волосы или одернуть короткий топ, но я старалась сдерживать свои порывы. Мы сели за столик в углу, и перед нами тут же высветилось голографическое меню.

— Что будешь? — спросил Макс будничным тоном.

— Здесь слишком дорого, — изумленно проговорила я, просматривая цены.

— Расходы всё равно покроет моя денежная карта.

— Это-то мне и не нравится, — со вздохом отозвалась я.

— Считаю это ухаживанием за понравившейся мне девушкой.

«Это еще хуже», — подумала я, но вслух по этому поводу ничего не сказала, переборов внутреннее смущение.

— Признаться, я никогда не пробовала ни одного из предложенных блюд. Ты можешь сделать выбор за меня? Так как во мне течет кровь фаэртвов, у нас должны быть схожие вкусовые рецепторы.

— Хорошо, только за выбор не ручаюсь, — с улыбкой ответил Макс и сделал заказ.

Через некоторое время раздался сигнал, и фаэрт из бокового устройства стола начал вытаскивать горячие блюда — видимо, именно так осуществлялась доставка. Я наблюдала с огромным интересом.

В качестве завтрака Макс выбрал яичницу с морепродуктами, приправленную кисло-сладким соусом. Из напитков был чай, а в качестве десерта — белковые пирожные. Я с жадностью смотрела на еду, которую ставили передо мной, и поэтому сильно смутилась, встретившись взглядом с Максом.

— Приятного аппетита, — пожелал мужчина, приступив к завтраку.

Его примеру решила последовать и я.

По окончании трапезы я чувствовала себя объевшимся пушистым домашним животным — фокси. Они, когда наедались до отвала, ложились на спину, поднимали ножки вверх и лежали в таком положении около часа, хотя с их идеальной фигурой шара сделать это было несложно.

— Думаю, можно немного прогуляться по городу, а потом опять вернуться в регистрационный пункт, — взглянув на часы, предложил Оджифаэрс.

Макс оплатил завтрак с помощью электронной карты, и мы вышли на улицу. Я чувствовала себя словно в сказке. И только две вещи сейчас омрачали мое настроение: первое — это то, что о моем счастье не известно родителям, которые волнуются, и второе — это счастье продлится недолго, максимум несколько часов.

Мы с Максом расстанемся и больше никогда не встретимся. И это было к лучшему, ведь его мир — это другая реальность, в которой провинциальной девушке нет места.

— До парка развлечений мы дойти не успеем, так что просто погуляем по окрестностям, ты не против? — предложил фаэрт.

— Нет, не против, — качнула головой я, начиная злиться на Макса.

Зачем он так добр и вежлив со мной? Неужели не понимает, что каждым своим действием он влюбляет беззащитную перед его чарами девушку в себя?

Я обхватила себя руками, жмурясь от солнца и ослепляющих бликов. Весь город блестел. Множество пешеходных дорожек переплетались каркасами над землей. Рядом с нами проносились школьники на гироскутерах и в очках виртуальной реальности. Жители были друг у друга на виду, но жили, будто в параллельных Вселенных, совершенно не замечая тех, кто проходит рядом.

— У тебя красивое, но слишком длинное имя. Есть необходимость его сократить, — вырвал меня из моих дум голос Макса. — Могу ли я тебя называть Лисой?

— Конечно, Макс, — кивнула я без тени энтузиазма.

— Я что-то сделал не так? — спросил фаэрт осторожно.

— Нет, всё замечательно.

Мы остановились, и Макс заглянул мне в глаза. Мимо проносился город, шумели голографические вывески и сигналили аэромобили. Я же снизу вверх смотрела на недавнего знакомого, чувствуя учащенное сердцебиение, будто мы вместе стоим на краю пропасти, и только его взгляд удерживает меня на обрыве, не давая сигануть вниз.

Волосы мужчины развевал легкий ветер, глаза засияли оранжево-желтым, выдавая его сильные эмоции. Интересно, что послужило тому поводом? Хотелось бы мне знать ответ на этот вопрос.

— Знаешь, — задумчиво начал фаэрт, — при первом знакомстве я подумал, что ты открытая книга и каждая твоя эмоция лежит на поверхности. Теперь же я должен признать, что в этой книге есть тайник, ключ от которого мне так и не удалось найти.

Я молчала, боясь признать, что уже отдала ему ключ. Макс сглотнул и резко отвернулся. Когда он вновь обернулся ко мне, то взял за руку и переплел наши пальцы. Мы продолжили прогулку в молчании. В этой тишине был некий комфорт, который обволакивал, заставлял чувствовать себя уютнее.

В многомиллионном городе неожиданно стало так спокойно и тихо, что можно было услышать стук сердец друг друга. Я бросала на Макса украдкой взгляды, он же был полностью погружен в свои мысли. Но время не щадит никого, поэтому вскоре нам пришлось возвращаться в регистрационный пункт.

Я получила свои первые документы, и мы отправились обратно в квартиру. Здесь я переоделась в свою одежду, оставив вещи Марго в ванной комнате. Макс окинул меня с недовольством, но, встретив мой решительный взгляд, промолчал. В конце концов, это моя жизнь, и он в ней лишь случайный прохожий.

По крайней мере, я убеждала в этом себя.

— Я отвезу тебя, — предложил Макс, когда я собиралась уходить. — Не спорь. Город ты не знаешь, поэтому станцию, с которой можно уехать, не найдешь. Идем.

Летели мы вновь в молчании, но дорога заняла совсем немного времени. Вскоре Макс начал снижение и остановился на парковке, состыковавшись с платформой.

Мы вышли из аэромобили, и я увидела несколько зданий одного архитектурного стиля, соединенных между собой множеством спортивных и взлетных площадок. Огромный комплекс занимал сотни гектаров и являлся лучшим во всей конфедерации.

Увидев его в реальности, я засомневалась, действительно ли смогу попасть сюда? Но отступить было не в моих правилах, в конце концов, не зря же я проделала такой путь?

— Ну и как вид? — спросил Макс, и я постаралась улыбнуться.

— Чудесный! — воскликнула я, поправив волосы. — Спасибо тебе за всё, что ты для меня сделал.

— Да не за что, — пожал плечами Макс, сложив руки в карманы. — В твоих документах также есть запись об окончании школы с отличием, так что это должно повысить твои шансы, но ненамного. Ты же водить не умеешь?

— Научусь, — уверенно ответила я, согнув руки в локтях и сжав кулаки.

— Научишься, — передразнил Лимаксион, взглянув на здание главного корпуса. — Что ж, тогда удачной учебы, Филисити МакКаст. Я был счастлив с тобой познакомиться.

— Взаимно, Лимаксион Оджифаэрс.

Я протянула руку, и Макс слегка сжал мою ладонь. Я выдержала только секунду зрительного контакта, после чего быстро побежала в сторону корпуса, чтобы фаэрт не увидел моих слез. И мне только показались его последние слова:

— Убегай, Филисити. Беги от меня со всех ног и никогда не оборачивайся.

Но я обернулась. На мгновение, чтобы увидеть в последний раз отрешенное лицо Макса.

Я забежала в здание через револьверные двери и быстро вытерла слезы рукавом, постаравшись успокоиться. Ничего ведь страшного не случилось! Наоборот, жизнь идет своим чередом, и пока мне сопутствовала только удача. Так чего печалиться?

В холле собрались абитуриенты. Проводилось личное собеседование с комиссией. Я поймала на себе заинтересованные и даже изумленные взгляды парней, которые явно не ожидали увидеть здесь девушку.

Стараясь унять дрожь в коленях, я подошла к стойке информации и набрала на сенсорной панели запрос о поступлении. Тут же выскочил бланк, в который требовалось внести контактные данные. Дальше предстояло выбрать факультет, на который будет подана заявка, и тут я задумалась.

Факультетов было три, и у каждого было военное и гражданское отделения: «Эксплуатация летательных аппаратов», «Техническая эксплуатация летательных аппаратов», «Программное обеспечение вычислительной техники и автоматизация».

Я подала заявку на тот, в котором было больше всего бюджетных мест — автоматизация, гражданское отделение. Прделав несложную процедуру заполнения документов и получив свой номер, я присела на свободное место в зале ожидания. На меня по-прежнему бросали любопытные взгляды, но открыто заговорить не решались.

Потекли долгие часы ожидания.

Приемная комиссия, этот же день

Декан Первого факультета, бывший военный летчик и между тем весьма азартный человек, вот уже полчаса спорил с ректором. Причина их спора состояла в следующем: декан был уверен, что девушка сможет справиться с пилотированием и окончить военную специализацию на «отлично». Ректор же был в корне с ним не согласен и утверждал, что девушке в его училище делать нечего.

— Вы делаете несправедливое различие по гендерному признаку! — воскликнул декан. — Девушки ничуть не хуже способны справиться с управлением, чем мужчины!

— Что за глупости?! — нахмурился ректор. — Зачем я только сегодня пришел на собрание комиссии? Знал ведь, что ты опять вызовешь меня на спор. В любом случае, это всё пустое. Ни одна девушка не захочет поступать в летное училище, сейчас слишком большая смертность среди пилотов в связи с космическим пиратством и последующими военными конфронтациями. Вы же знаете, время в конфедерации нестабильное, вот-вот наступит гражданская война, и ни один родитель не отпустит свою дочь в летное училище.

— А если всё же такая смелая девушка отыщется? — не унимался декан, даже не подозревая, какой приговор себе подписывает этим провокационным вопросом.

— Тогда я зачислю её без вступительных экзаменов, если она прямо сейчас войдет в эти двери.

— Отлично! Зовите следующего абитуриента! — воскликнул декан Первого факультета, молясь богам глубокого космоса, в которых он не особо верил.

К удивлению всей комиссии, через открывшуюся дверь вошла худенькая девушка в простой одежде. Она переминалась с ноги на ногу, поправила лямку рюкзака и неуверенно спросила:

— Можно войти?

Декан усмехнулся и с насмешкой взглянул на ректора.

— Пора начать верить в богов, — пробормотал ректор и громче добавил для Филисити: — Вы поступили. Поздравляю!

— А как же... — растерянно переспросила ороситка, но её наглым образом оборвали на полуслове.

— Всё вопросы к секретарю на входе. Мы известим её о своем решении, — ответил ректор, бросив испепеляющий взгляд на своего оппонента в споре.

Последний же сидел с широкой улыбкой на губах, до сих пор не веря, что такие совпадения случаются. Именно в этот момент Филисити окончательно убедилась в благосклонности удачи к её скромной персоне!

Часть 2

1

Филисити МакКаст

Мне всё еще не верилось, что меня зачислили! Разве может быть всё так легко? Я не показала ни документов, ни своих знаний, ни умений. Последних, кстати говоря, и не было.

Только сейчас я задумалась над тем, что бы было, если бы меня не взяли так легко. Куда бы я пошла? Решив отбросить неприятные мысли, я сжала кулаки и подошла к женщине, сидящей за стойкой, обнесенной стенами из пластика. Она тоже была ороситкой, поэтому у неё были светло-голубые глаза с вытянутым черным зрачком.

— Извините, меня направили к вам.

— Мне уже сообщили, — ответила женщина, продолжив заполнять документы на компьютере.

Я постучала пальцами по стойке, ожидая реакцию секретаря, но её не последовало.

Оглянувшись по сторонам, я решила вежливостью сгладить дурное настроение ороситки:

— А вы с какой планеты?

— Ортиана, но я родилась на спутнике, — моментально ответила женщина, подняв взгляд на меня. — Давай свои документы. Я тебе сейчас выпишу пропуск в общежитие. К сожалению, раньше у нас было и женское, но потом девушки совсем перестали поступать в летное училище, и второе общежитие сделали тоже мужским. Я договорюсь с комендантом, чтобы он выделил тебе отдельную комнату на первом этаже рядом с ним. Если кто станет обижать, то жалуйся ему или декану, они быстро приструнят парней. Не тушуйся и не разменивайся на их пустые комплименты, поняла?

— Поняла, — кивнула я и подала секретарю документы.

— Молодец, — ответила она и быстро вбила все необходимые сведения в компьютер, после чего протянула мне пластиковую карточку. — Это твой пропуск. Сейчас скинешь вещи в комнату, а потом пойдешь в медотсек, там пройдешь медицинский осмотр. Хоть в документах и не записано никаких отклонений, но всё же провериться необходимо. Расписание тебе пришлют на коммуникатор, для этого тебе следует оставить свой идентификационный номер.

— У меня нет коммуникатора, — смущенно пробормотала я, и секретарь, скрыв удивление, пожала плечами.

— Если нет, то завтра подойдешь сюда и возьмешь у меня расписание. Также советую тебе в ближайшее время пройтись по корпусам и посмотреть расположение аудиторий, а то в первый учебный день можешь опоздать. Занятия начинаются через две недели. По всем вопросам заселения обращайся к коменданту, если будут нужны какие-то справки или возникнут организационные вопросы, можешь идти ко мне. Ректор попросил меня лично приглядывать за тобой.

— Я благодарна вам за заботу, — искренне улыбнулась я, и женщина кивнула, вернув мне документы.

— Можешь идти. Общежития находятся в центре «коробки» из корпусов.

От радости я не знала, куда себя деть. Под удивленные взгляды абитуриентов я вылетела из главного корпуса и помчалась во внутренний двор, размышляя о причудливости удачи.

Нужное здание я нашла быстро, к тому же на лестнице меня встретил комендант. Казалось, новость о моем поступлении облетела в считанные секунды все училище, иначе откуда эта странная усмешка на его лице?

Комендант оказался крепким роасаном с мощным хвостом, нетерпеливо постукивающим по бетону. Мужчина осмотрел меня с ног до головы и приподнял бровь. Видимо, он ожидал увидеть натренированную и закалённую женщину, раз смогла пройти отбор в приемной комиссии, а вместо этого ему досталась я.

— Ороситка-фаэрт, интересное смешение и весьма привлекательное. Кажется, мне придется

потрудиться, отгоняя от такой малышки многочисленных поклонников, — пробасил роасан, и я смущенно улыбнулась. — Зовут как?

— Филисити... — представилась я, запнувшись на фамилии, — МакКаст. Я только поступила.

— Наслышан уже, но ожидал увидеть кого-то более зрелого. Что ж, будем иметь дело с тем, что есть. Меня зовут Орган-онг Сокорити, обращаться можешь господин фейссор³, а можешь и по имени, как и многие здесь. Пойдем, провожу до комнаты и покажу, какие капканы нужно обходить.

— Капканы? — переспросила я, когда мы поднимались по ступенькам.

— Да, — с кривой усмешкой отозвался Орган-онг. — Капканы, которые я наставлю на пути в твою комнату. Или ты думала, что жить в мужском общежитии будет легко?

— Вы шутите, да? — догадалась я.

Общение с Максом не прошло даром, так что теперь я менее восприимчива к подколкам.

— Молодец, хоть шутки понимаешь! Здесь придется привыкнуть даже к пошлomu и черному юмору.

— Я справлюсь, — уверила я собеседника, пока мы пересекали холл.

— Мне нравится твоя целеустремленность. Сюда.

Мы остановились возле закрытой металлической двери. Орган-онг приложил универсальный пропуск к панели, и дверь открылась, после чего мужчина отошел в сторону, пропуская меня.

— Я уже внес твоё имя в базу, поэтому в следующий раз сможешь открывать дверь с помощью своей студенческой карточки.

— Спасибо, — поблагодарила я и прошла внутрь.

Оглядевшись по сторонам, я пришла к выводу, что жить здесь вполне можно. Конечно, не сравнится с квартирой Макса, но лучше, чем было дома. Неуютно, правда, но уют создают жильцы. Мебели было немного: две кровати, столько же тумбочек и стульев, один письменный стол, являющийся плавным продолжением подоконника, и встроенный в стену шкаф.

— Вижу, ты удовлетворена увиденным, — заметил комендант, — тогда располагайся. Позже я отведу тебя в медотсек. Сегодня все равно только второй день поступлений, поэтому работы не так много.

— Благодарю вас. Вы так добры ко мне, — улыбнулась я.

— М-да, этот год обещает быть интересным, — задумчиво проговорил фейссор. — Сколько времени тебе понадобится на разбор вещей?

— У меня только один рюкзак, и он может подождать. Поэтому я готова хоть сейчас идти на осмотр.

— Тогда вперед, — ответил роасан и развернулся, выйдя в коридор.

Мы отправились в медицинский корпус через стадион. Сегодня вокруг него бегали немногочисленные студенты, которые удивленно оглядывались при виде меня. Учеба еще не началась, а на меня уже обратили внимание. Тяжело мне придется.

В светлом здании медотсека, выполненном по последнему слову техники, меня встретила радостная медсестра. Окинув меня изумленным взглядом, она подмигнула.

— Как же я рада женской компании! Будет с кем посплетничать!

— Вам, девушкам, лишь бы пообсуждать кого-нибудь, — рассмеялся роасан.

— Разумеется! — улыбнулась медсестра. — Я работаю в мужском коллективе, а мне даже не с кем обсудить потрясающие накачанные торсы, которые я вижу каждое утро и вечер на стадионе. А так мы вместе с новенькой студенткой хотя бы сможем составить список самых привлекательных мужских тел.

— Не забудьте вывесить его на главной странице сайта, мне тоже будет интересно, — рассмеялся доктор, вошедший в приемную.

Высокий и крепкий представитель системы Ящеррия, отличающийся чешуйчатыми наростами, покрывающими выступающие участки тела, насмешливо смотрел на меня. Глаза у него были желтые с вытянутыми зрачками, а пальцы заканчивались острыми когтями. Опасный тип. Радует то, что он врачебную клятву давал и вроде как жизнь гуманоида для него превыше всего.

— Мое имя доктор Щанг. Вы новая студентка? — обратился он ко мне.

— Филисити МакКаст, — кивнув, подтвердила я.

— Раздевайтесь по пояс и проходите в камеру рентгена, Филисити. Надеюсь, вы не относитесь к слишком стеснительным девушкам? В любом случае, я врач и должен провести полный осмотр, — предупредил ящерр, и я покраснела с ног до головы. Щанг негромко рассмеялся. — Нет, вы неправильно поняли: я не гинеколог. Я лишь проведу общий осмотр тела и сделаю снимки.

После его слов я облегченно выдохнула и улыбнулась, проходя в лабораторию вслед за доктором.

После окончания осмотра и сдачи анализов я чувствовала себя неуютно, и мне хотелось лишь одного — в душ. Вернувшись в комнату, я обнаружила проблему в виде отсутствия ванной комнаты. Поэтому я поспешила к коменданту со своей первой серьезной просьбой.

Фейссор отреагировал на проблему спокойно.

— Мы не приучаем курсантов военного отделения к роскоши, они должны познать ограничения уже сейчас, поэтому душ на каждом этаже общий. Можешь не переживать. Скажу всем ребятам, чтобы они не занимали душ и туалет на первом этаже. Пусть пользуются кабинками со второго по пятый этаж.

— А вдруг кто-то забудет? — обеспокоенно спросила я, заламывая от волнения пальцы.

— В любом случае, там есть биометрический замок, так что без твоего ведома в кабину никто не войдет.

— Тогда я должна быть спокойна, — неуверенно сказала я.

— Пойдем, сразу выдам тебе постельное белье и полотенца. Свою форму можешь забрать завтра у завхоза. Я тебе расскажу, где это.

Взяв все необходимые вещи у коменданта, я поспешила к себе в комнату. Здесь я вывалила на кровать содержимое рюкзака и взяла сменное белье, чтобы отправиться в душ. И тут мой взгляд зацепился за небольшой белый овальный предмет, который при ближайшем рассмотрении оказался коммуникатором.

Откуда он здесь оказался? У меня было только одно предположение. Макс. Он успел подложить мне коммуникатор.

Дотронувшись рукой до электронного устройства, я увидела небольшую панель с сенсором. Проведя двумя пальцами по экрану, я открыла внешнюю голограмму, которая высветилась над коммуникатором. И тут же мне пришло сообщение:

"Будут проблемы, звони по этому идентификационному номеру. Я не привык бросать тех, за кого несую ответственность".

Мне хотелось его поблагодарить, но отчего-то я подумала, что все слова благодарности будут лишними и неуместными, поэтому написала лишь два слова:

"Я поступила!"

Продолжая держать в руках коммуникатор, я с замиранием сердца ждала ответа. Прошла минута, затем вторая, но ответа так и не последовало. Зато через панель управления комнаты раздался голос коменданта:

— Филисити, я войду?

Разочарованно отложив в сторону коммуникатор, я подошла к двери и разблокировала замок. Дверь отъехала в сторону, и через порог переступил фейссор.

— Идем, провожу тебя. Я проверил, душ свободен.

Еще раз посмотрев на экран коммуникатора, я схватила вещи и поспешила вслед за роасаном в душевую в конце коридора. Слегка поклонившись, Ортан-онг оставил меня одну.

Душевая была просторной, с кафельным белым полом и такого же цвета стенами, кабинки были сделаны из замутненного стеклопластика, на каждой из которых был биометрический замок. Пройдя к крайней кабинке, я забралась внутрь. Здесь были предусмотрены вешалка для вещей, полки и вмонтированные в стену краны с бальзамом для волос, шампунем и жидким мылом.

Раздевшись и набрав на панели нужную температуру, я встала под теплые струи воды, наслаждаясь их легкими ударами о кожу. Гидромассаж прекрасно снимал напряжение тела. Дотянувшись до крана, я вылила себе на руку шампунь и промыла волосы.

Только я закончила с водными процедурами и выключила воду, как услышала щелчок входной двери. Неужели комендант кого-то не успел предупредить? Вот бездна!

Я быстро вытерлась полотенцем и оделась. Аккуратно открыв дверь, выбралась из кабины и

наткнулась взглядом на голую спину совершенно незнакомого мне фаэрта. Вскрикнув, я закрыла глаза ладошкой, оставив просвет между пальцами.

Незнакомец обернулся и от неожиданности споткнулся о лавку. Я поспешила к нему, несмотря на жуткое смущение от увиденной картины. Но пол был кафельный и мокрый, поэтому я поскользнулась, заваливаясь назад, и в итоге незнакомец упал на меня.

— Оу! — воскликнули мы вместе и встретились глазами.

На моих щеках вспыхнул румянец, и я заерзала, пытаюсь выбраться из-под мужского тела. Фаэрт же, находя веселье в данной ситуации, рассмеялся и поднялся на ноги, протянув мне руку. Старательно отводя взгляд с причинного места, я поднялась и принялась собирать разбросанные вещи, включая нижнее белье.

— Девушка, ну что же вы так смущаетесь? Не насиловать же я вас сюда пришел, — рассмеялся парень, даже не думая одеваться, лишь прикрыл ладонями гениталии.

— Кто вас знает, — пробормотала я и направилась к выходу, но тут проход преградил комендант.

Фейссор окинул нас оценивающими взглядами. Поняв, что произошло, он сдвинул брови и обратился к фаэрту:

— Курсант, потрудитесь объяснить, где вы были двадцать минут назад, когда я обходил все комнаты?!

— Прошу меня простить, господин фейссор, — отозвался незнакомец, — но я решил принять душ сразу после приезда из города, не заходя в комнату. Откуда же я знал, что здесь меня ждет такой подарок?!

— Я не подарок! — воскликнула я, нахмурившись.

И чего, спрашивается, эти парни совершенно друг друга не стесняются и раздеваются в общей душевой, не заходя в кабинки?

— Быстро в душ! — громко скомандовал комендант, и я с перепугу чуть не вошла в кабинку, остановленная зычным голосом: — Да не вы, Филисити, а Эштон!

Все еще смеющийся курсант зашел в кабинку, а я прошмыгнула мимо коменданта в коридор. Таких утренних приключений мне хватило! Влетев в комнату, я пыталась успокоить сердцебиение и теперь признаться самой себе, что увиденная в душевой картина мне понравилась. Красивый торс с кубиками пресса и то, что ниже... нет, нельзя об этом думать!

2

Позже я вновь отправилась в душевую, чтобы положить вещи во встроенную в стену стиральную машину. Вернувшись в комнату, я прошла к кровати и взяла в руки коммуникатор. Ответа так и не было, поэтому, набравшись смелости, я решила позвонить ему сама по голосвязи. Один гудок, два, три. Я уже потеряла надежду, когда вызов приняли.

— Поздравляю, курсантка! — раздался голос Макса.

— Спасибо! — улыбнулась я в ответ, пытаюсь сдержать безумную радость при виде Макса.

Он сидел в кресле и с полуулыбкой смотрел на меня. За его спиной стоял книжный шкаф, который я не заметила у него в доме. Может, он у родителей? Хотел ведь туда полететь сегодня!

— Ну, рассказывай, как тебе удалось поступить, — нарушил Макс неловкую паузу.

— Да там нечего особенно рассказывать, — пожала плечами я и заинтересованно спросила: — Лучше скажи, как тебе удалось подкинуть мне коммуникатор? Ты же знал, что я отказалась бы от такого подарка.

— Вот именно поэтому ты не должна на меня злиться. И всё-таки, почему ты отказываешься говорить о своем поступлении?

— Потому что все было очень странно, и у меня есть одно предположение, — лукаво начала я. — Мне кажется, что ты проплатил мое обучение. Сначала я отмела эту идею, но, увидев в сумке коммуникатор, вновь уверилась в первой версии. Может, моя удача — это спланированные тобой действия?

— Нет. — Макс отрицательно покачал головой. — Я не имею никакого отношения к твоему поступлению. На самом деле, я последний, кто стал бы тебе помогать учиться на мужском факультете. К чему мне конкуренты? Собственно, с чего ты решила, что тебе кто-то помогал? Ты ведь была так уверена в своих силах.

— Дело в одной странности, — призналась я, проигнорировала слова Макса о конкурентах. Разве кто-то может составить ему даже слабую конкуренцию? — Меня приняли, стоило мне переступить порог, будто мое зачисление было делом решенным.

— Если бы я купил коммерческое место, то преподаватели хотя бы создали видимость комиссии, — задумчиво проговорил он, — но твое зачисление еще одна необъяснимая строка в твоей биографии.

— О чем ты?

— Да так, неважно. — Макс поморщился и постарался улыбнуться. — Когда мы будем праздновать твое зачисление?

— Смотрю, на отрицательный ответ ты совсем не рассчитываешь!

Я переместилась на кровать и легла на живот, скрестив ноги.

— Ты ведь не сможешь мне отказать, — подмигнул Макс, совсем не подозревая, что в это мгновение мое сердце остановилось, чтобы потом застучать с удвоенным ритмом.

Мне стало действительно страшно. Что будет, когда он наиграется с простой деревенской девушкой? Как тогда я переживу его безразличие?

— Макс, — обратилась я к собеседнику полупшепотом, — я уже говорила тебе, чтобы ты не играл со мной.

Улыбка слетела с лица фэрта. Он прекрасно понял мои слова. Но как же мне самой было больно их произносить, словно я рушила мост, соединяющий нас.

— Прости, я не подумал. Просто общение с тобой доставляет непередаваемое удовольствие, словно глоток родниковой воды для жителя болотистой местности, — тихо ответил он.

Мы замолчали. Наверное, именно в эту секунду каждый понял, что так продолжаться больше не может. Если мы и дальше будем общаться, то мой долг перед ним будет расти, а он уже и так чувствует себя ответственным. Нет, я достаточно взрослая, чтобы не продолжать дальше использовать эту доброту.

— Спасибо за все, Макс, — ответила я и, сделав над собой усилие, нажала на "отбой".

На глаза готовы были навернуться слезы, но я понимала, что Макс из другого мира. Фаэрти высоко ценят чистоту крови, если уж я своим родителям оказалась ненужной, то что говорить о едва знакомом мужчине? У нас нет будущего.

Стоит радоваться тому, что есть. Например, новенькому коммуникатору, как бы меркантильно это ни звучало. Теперь я смогу позвонить родителям, а также больше узнать об окружающем мире. И расписание смогу получить онлайн.

Отыскав в раскиданных на другой кровати вещах пластиковую карточку с координатами Рассветного управления, я набрала их на коммуникаторе и совершила вызов. Ответили не сразу, минут десять шло соединение, сначала с Ороситской системой, потом с Орео, и уже только тогда с Рассветным. Наконец, на другом конце ответили.

— Извините, вы не могли бы завтра соединить меня с зависимыми Милой и Оруэном? Сектор двадцать пять.

У зависимых не было фамилий.

— Звездное время двадцать ноль пять. Соединение будет установлено в указанное время, совершите вызов на пятнадцать минут раньше в связи с переадресацией.

— Благодарю, — ответила я и сбросила вызов, зажимая в руки коммуникатор.

Уже завтра я смогу обрадовать своих родителей! Уже завтра! На глаза навернулись слезы, но я должна быть сильной ради тех, кто поставил под угрозу свою жизнь ради моего свободного статуса.

Следующий день прошел в предвкушении разговора. Я зашла за расписанием и оставила секретарю свой идентификационный номер.

Еще в списке дел значилось посещение завхоза, чтобы получить новую форму, но тот лишь развёл руками, сообщив, что женскую форму придется делать на заказ. В итоге он выдал мне самый маленький размер, который был мне великоват, но все же не сваливался благодаря ремню на талии.

С обувью оказалось легче — самый маленький мужской размер мне подошел, но завхоз все равно обещал через две недели выдать мне новую форму. По пути в комнату я ловила на себе взгляды курсантов, которые перешептывались между собой. Как только я обращала на них внимание, они подмигивали и улыбались.

В общем и целом они слонялись без дела по коридорам общежития под строгим наблюдением коменданта. Поздоровавшись с фейссором, я прошмыгнула в свою комнату и закрылась.

Завтракала я в комнате продуктами, которые остались еще со спейс-шаттла, а вот на ужин пришлось идти в столовую. И больше всего я боялась привлечь к себе ненужное внимание.

Так и случилось. Когда я вошла, все разговоры стихли. Стараясь не обращать ни на кого внимания, я подошла к автоматам с едой. Питание здесь бесплатное, поэтому осталось только сделать заказ.

Справиться с техникой у меня получилось не с первой попытки, но в итоге я все равно получила желанный поднос с тарелками еды, завернутыми в пищевую пленку, и отправилась к свободному столику. По пути незнакомые мне парни предлагали сесть рядом с ними, но я все равно выбрала столик у окна и одиночество.

Нельзя так необдуманно заводить новые знакомства.

Раскрыв пленку, я вдохнула аромат свежеприготовленного мяса, и рот мгновенно наполнился слюной. Но не успела я съесть и ложку, как за мой столик кто-то подсел. Подняв взгляд, я узнала вчерашнего парня, которого мне не посчастливилось встретить в душевой!

— Привет, я Эштон, — протягивая мне руку, представился парень. Я пожала ладонь и вернулась к еде. — Не хочет ли прекрасная незнакомка сказать мне своё имя?

— А ты разве его не знаешь? — изумилась я.

Слух обо мне уже давно облетел училище. Да здесь, наверное, просто не осталось гуманоидов, которые не знали бы моего имени!

— Хорошо-хорошо! Я знаю, как тебя зовут, — с улыбкой признался фаэрт. — Но я рассчитываю, что ты позволишь мне называть тебя сокращенно, например, Фил, раз уж мы стали настолько близки.

— Это когда мы стали близки?

— Эй, я обнажился перед тобой в прямом смысле, разве это нельзя назвать близкими отношениями? — отозвался Эштон, и я от возмущения даже приоткрыла рот.

Вот что за наглый тип?! Да Макс по наглости даже не сравниться с ним!

— Говори тише, пожалуйста, — оглядевшись, прошептала я.

На нас и так смотрели со всех сторон, я чувствовала себя хуже, чем в тот вечер с Чо и Максом под прицелами множества камер. Тогда у меня хотя бы был защитник, теперь же я должна научиться показывать зубки.

— Я не могу тише! — Эштон продолжил паясничать. — Мое сердце пронзили стрелы любви!

— Тогда вытащи их и выбрось в урну, уверена, это должно помочь, — с усмешкой ответила я.

Выглядел Эштон немногим старше меня, но при этом я совершенно не чувствовала в разговоре той скованности, которая сопровождала меня в разговорах с Максом. И почему я продолжаю сравнивать этих двух фаэртсов?

— Увы, яд уже впитался в мою кровь, — со вздохом схватившись за сердце, отозвался новый знакомый.

— Тогда тебе дорога прямиком в медотсек, пока не пошло воздушно-капельное заражение окружающих, — показав язык, посоветовала я и отправила в рот ложку с кашей.

Эштон улыбнулся, но больше разговорами мне не докучал, и ужин мы продолжили в тишине. Его компания избавила меня от излишнего внимания со стороны остальных курсантов, поэтому я даже была ему благодарна.

Вечером я позвонила родителям. Их голограмму я увидеть не могла, установилась только голосовая связь, но всё равно я была искренне счастлива услышать родных людей.

Мы разговаривали обо всем и ни о чем, я фантазировала на ходу, умалчивая настоящую историю моего путешествия, но родители не заметили лжи. Под конец разговора мамин голос совсем сел, и в нем чувствовалась печаль и горечь. Она заплакала.

— Филисити, — тихо прошептала она настолько проникновенно, что я уже почувствовала себя виноватой в том, что бросила их.

— Обещаю, что заработаю нужную сумму, чтобы выкупить вас, — пытаюсь унять рвущиеся наружу слезы, прошептала я.

— Не думай о нас, доченька, — вмешался отец. — Мы уже привыкли, да и век свой отжили. Ты живи, главное, и счастливой будь.

— Буду, — пообещала я, тяжело и медленно выдохнув, — назло всем смертям — буду. До сих пор не могу поверить, что я поступила, надеюсь, и дальше у меня все сложится. Я даже нашла друга.

— Друга? Надеюсь, не привлекательного? — строго спросил отец, и я тихо рассмеялась, хотя в глазах стояли слезы.

— Нет, ничего примечательного, — ответила я, думая о Максе и сознательно солгав родителям. — Даже страшненький.

Ведь скажи я, что познакомилась с самым совершенным мужчиной во Вселенной — мама с папой будут волноваться, а этого допустить никак нельзя. Они должны быть уверенными, что меня окружают только надежные и добрые люди, а еще весьма непривлекательные парни.

— Страшненький — это тоже нехорошо, — вступилась мама. — Нам ведь нужны красивые внуки, правда, Оруэн?

Отец что-то пробурчал в ответ, и я вновь рассмеялась, с трудом удержавшись, чтобы не рассказать о Максе всё — какой он хороший, какой добрый, ответственный и красивый. А еще у него очаровательная улыбка, глубокие глаза и невероятно мелодичный голос.

Мы поговорили с родителями еще минут десять, на большее мы рассчитывать не могли, так как для зависимых на всё был лимит. И после разговора я дала волю эмоциям, горько расплакавшись. Всё обязательно наладится, главное, в это верить.

3

Оставшееся до учебы время прошло быстро и без эксцессов. С родителями я договорилась созваниваться каждую неделю, а сокурсники боялись подойти ко мне на расстояние пушечного

выстрела — так их пугал здоровый комендант-роасан. Так что все мои мысли были заняты предстоящими полетами.

И немного места в моей голове занимал Макс. Совсем чуть-чуть. Настолько мало, что вспоминала я о нем не чаще тысячи раз в день. Брала в руки коммуникатор и ждала звонок, хотя знала, что сама прервала эту связь. Я убеждала себя, что это было единственно правильное решение, но грусть все равно проникала в мысли.

Сегодня я проснулась раньше положенного времени. Ночью я не сомкнула глаз, находясь в предвкушении первого учебного дня. За последнюю неделю просмотрела несколько телешоу и другой «справочной» литературы, теоретически научилась пользоваться обычными для городских жителей предметами, а также досконально изучила корпуса и аудитории перед началом обучения. С особым интересом я смотрела на космолеты, звездолеты и различные шаттлы, которыми со временем научусь управлять.

— Подъем, курсанты! Пора начинать новый учебный год! — раздался через панель управления голос коменданта.

Услышав этот сигнал, я подскочила и заходила по комнате. Когда же подойдет время, чтобы отправиться на занятия? Посмотрев на часы коммуникатора, я закусила губу, решая, стоит ли идти уже сейчас?

Подожду в столовой! Где угодно, только не взаперти!

Набрав на поднос побольше еды, я села за свободный столик. Не прошло и пяти минут, как ко мне подсел Эштон.

— Доброе утро, красавица! — радостно воскликнул он и поставил мне на поднос питьевой йогурт. — Это тебе. Ты очень худенькая, тебя надо откормить, иначе не выдержишь нагрузку училища. Чего молчишь? Теперь-то мы можем начать общаться? Между прочим, мы с тобой в одной группе.

— Спасибо, но не стоит, — ответила я и переставила йогурт на его поднос.

— Какая же ты принципиальная! Бедный твой муж, — поморщился фаэрт, открывая свою тарелку с едой. — Приятного аппетита.

— Приятного, — неожиданно улыбнулась я, и Эштон ответил мне тем же.

Из всех парней, которые оказывали мне знаки внимания, пусть и на расстоянии, этот мне нравился больше всех. В его словах и действиях не было ничего пошлого, скорее, он действительно хотел подружиться.

Вдвоем мы отправились на пару, сев в лекционной аудитории рядом. Эштон достал свой коммуникатор и включил диктофон, приготовившись записывать будущую лекцию. Теперь я поистине оценила всю важность подарка Макса.

— Фил, — обратился ко мне фаэрт, пока преподаватель еще не пришел, — а что тебя заставило поступить на пилотирование, еще и военное?

Знала бы я, куда меня зачислили заранее! А теперь у меня выбора нет — придется подтягивать физическую подготовку.

— Всё произошло спонтанно. Я даже не успела обдумать своё решение, — призналась я, обходя аспекты моего странного зачисления на факультет. К чему лишние сплетни и слухи? — Главное, что я стану пилотом.

— Учиться здесь не так легко, как кажется. Высокие требования к успеваемости абсолютно по всем дисциплинам, особенно в военном деле.

— Спасибо за предупреждение, — кивнула я. В это время я нашла диктофон на своем коммуникаторе и тоже приготовила его к записи. — А почему ты поступил сюда? Ты не похож на того, кто ответственно относится к жизни.

— Не говори мне про ответственность, ороситка, — насмешливо протянул фаэрт, — моей расе известно про ответственность намного больше твоей.

— Взгляни на мои глаза и повтори, насколько ответственны фаэрты, ведь я приемная дочь своих родителей, — в таком же ключе ответила я.

— Ты не такая наивная, какой кажешься на первый взгляд, — задумчиво пробормотал Эш. — Знаешь, раз уж у тебя есть характер и нет желания завести себе парня, предлагаю завязать дружбу. Просто дружбу.

— Друзья мне нужны, — ответила я, улыбнувшись и протягивая мужчине руку. — Приятно познакомиться, я — Филисити МакКаст.

— Эштон Торифаэр, счастлив встрече.

— Доброе утро, курсанты! — громогласно объявил вошедший декан и проверил готовность студентов внимать его речам. — Рад всех видеть на первой лекции по основам пилотирования. Наши занятия будут делиться на лекционную и практическую части. Мой курс длится два года из общих пяти лет обучения, поэтому предлагаю вам с первого семестра взяться за голову и ловить каждое моё слово. На лекции я буду рассказывать вам о видах транспорта, различных техниках управления и, в общем-то, непосредственно жизни в небе и космосе. На практике на второй год вы будете проводить тренинги на симуляторах, а с третьего курса я допущу вас до пилотирования. Вопросы?

Их не последовало, и декан удовлетворенно хмыкнул.

— Неужели никто не спросит моё имя?

— А ваше имя известно всем присутствующим, — с каким-то благоговением ответил студент с первой парты.

— Военный летчик, награжденный тремя медалями за отвагу и получивший орден «Герой Шестого межгалактического союза». Вы — легенда, — согласился еще один смельчак.

— Вижу, вы знали, куда поступали, — отметил декан, опершись руками о кафедру. — Мне льстит ваша осведомленность, но впредь воспринимайте меня не как героя нашего отечества, а как бескомпромиссного преподавателя и декана вашего факультета, майссора⁴ Пирот-онга Зоалини.

Его словам вняли все. Студенты сидели с такими лицами, будто им поступил приказ прыгнуть со скалы. Пирот-онг остался удовлетворен произведенным эффектом, поэтому продолжил уже

более миролюбивым тоном:

— Рад, что мы нашли понимание. Теперь я изложу базовую информацию по обучению. Основной курс длится пять лет. После четырех семестров будет первая практика, после девяти — преддипломная. Кто захочет продолжить обучение — двери училища всегда для вас открыты.

Пока что никто не выказал своего энтузиазма, поэтому декан, внимательно оглядев аудиторию, продолжил:

— В этом семестре у вас будет физика и механика, как периферийные предметы, военная кафедра дважды в неделю, где будет строевая подготовка, и лекции, касающиеся истории, географии, кодексов и прочих документов. Среди других дисциплин важными являются «Двигатели и механизмы летательных аппаратов», «Программирование и проектировка курса движения», «Энергосбережение», где вы научитесь эффективно использовать ресурсы корабля. В следующем семестре добавятся «Эксплуатация, пуск и аварийный останов двигателей», «Астрономия», «Металловедение» и еще несколько гуманитарных предметов для общего развития. Запомните, сюда вы пришли учиться, а не бездельничать. Планка на военном отделении намного выше, чем на других специальностях. В пилотировании не должно быть ошибок, любой ваш неверный шаг или даже секунда промедления могут повлечь гибель вашу и экипажа. Сохранность экипажа превыше всего, вы ответственны за тех, кто летит у вас на борту.

Ответственность... везде эта ответственность! Почему она так важна в жизни?

— Итак, записывайте тему. Классификация летательных аппаратов...

И дальше началась длинная, но от того не менее интересная лекция. Никто из студентов не разговаривал, так как каждый записывал на диктофон слова Пирот-онга. С лекции мы уходили бодрые, бурно обсуждая прошедшее занятие. У самых дверей меня окликнул декан:

— Курсантка МакКаст, задержитесь.

Я вдохнула и развернулась на пятках. Вот сейчас мне скажут, что я отчислена после первого занятия, мол, взяли мы тебя сгоряча и по ошибке. И что тогда мне делать? Лететь домой? Или звонить Максусу? Он вроде говорил, что не хочет, чтобы я здесь обучалась, но поможет ли он мне в этот раз? Неужели мне придется распрощаться со своей мечтой?

— Внимательно слушаю вас, майссор Зоалини, — подойдя ближе, отозвалась я.

— Филисити, — начал декан, но запнулся, будто не знал, как оформить свою мысль, — я хотел бы попросить тебя не распространяться о нюансах твоего поступления. Надеюсь, ты никому не успела рассказать?

— Мне было бы стыдно кому-то об этом говорить, — потупив взор, призналась я и облегченно выдохнула.

Пока меня не собираются отчислять!

— Я рад. — Майссор улыбнулся на долю секунды. — Чего ждете, курсантка? Марш на следующую лекцию!

Подпрыгнув от неожиданности, я побежала вслед за Эштоном. Оказалось, тот ждал меня у

дверей в коридоре.

— Чего хотел Заолини? — полюбопытствовал новый друг.

— Просто спрашивал кое-что по организационным вопросам, не заморачивайся, — передернув плечами, ответила я.

Эштон проводил меня задумчивым взглядом, но промолчал. Его настороженность не помешала ему и на следующей паре сесть рядом со мной. Я на соседа реагировала уже спокойно, что отметили другие студенты и решили проявить знаки внимания. С другой стороны ко мне подсел светловолосый оросит и протянул руку, улыбаясь во все тридцать четыре зуба.

— Матар МакСтоун, приятно познакомиться, — представился он.

— Филисити МакКаст. — Я улыбнулась.

— Ты с какой планеты? — полюбопытствовал Матар, облокотившись о парту.

— Орст, — солгала я, вспомнив, какое место рождения мне прописал Макс в документах.

Опять Макс. Интересно, пройдет хоть день, когда я его не вспомню?

— Вот это совпадение! — радостно воскликнул МакСтоун. — Я тоже оттуда! Ты была в столице? Там еще сейчас воздвигли маяк, в котором самая обширная информационная библиотека, насчитывающая более одного иоттабайта⁵ информации.

— Нет, я не вылетала из своего села, — смущенно ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно и непринужденно.

— А, понятно. А где ты родилась?

— Я... в маленьком населенном пункте, наверняка ты его не знаешь, — попыталась я уйти от ответа.

— Зря ты так. Я силен в геолокации, — деловито отозвался парень.

Я не знала, чем ему ответить, но ситуацию спас Эштон, который протянул Матару руку и представился:

— Эштон Торифаэр. Мы с тобой еще не знакомы.

Я облегченно выдохнула, откинувшись на спинку скамьи и с легкой улыбкой поглядывая на парней. Матар пожал руку новому знакомому.

— Надеюсь, ты развенчаешь моё предубеждение о том, что всё фаэрти — высокомерные засранцы, — сказал он с легкой усмешкой.

— Вряд ли, — нахально протянул Эш.

— И где вы с Филисити познакомились? — спросил Матар.

— В душе, — стреляя в меня насмешливым взглядом, ответил фаэрт.

К нашему разговору начали прислушиваться сокурсники. Оросит на мгновение впал в ступор, я

же покраснела и посчитала нужным пояснить:

— Я отправилась принимать водные процедуры, думая, что никто не войдет! Комендант должен был оповестить всех студентов о том, что душ на первом этаже теперь закрыт.

— И он тебя увидел выходящей из душа в чем мать родила?

— Нет, что ты! — поспешно воскликнула я, толкнув Эштона, чтобы больше не ставил меня в компрометирующее положение.

— Нет, это я предстал перед ней в чем мать родила. А сколько было крика! — рассмеялся Эш.

— Её крика, разумеется, просто она оказалась не готова увидеть таки-и-ие размеры!

Теперь рассмеялись все студенты в аудитории, убедив меня, что они прислушивались к нашему разговору. Я покраснела еще больше, не зная, куда себя деть. Эш приобнял меня, ласково улыбнувшись:

— Фил, можешь не смущаться так! Мы же друзья. Я понял, что парни тебя совершенно не интересуют.

Теперь аудитория погрузилась в тишину. И в этой тишине раздались маты — разочарование сокурсников лавиной накрыло меня. Я хотела опровергнуть слова нового друга, но, увидев его подмигивание, притормозила и поразмыслила.

Пожалуй, мне будет выгодно, если все будут думать обо мне, как о представительнице нетрадиционной ориентации, ведь тогда никто не будет предпринимать попыток затащить меня в постель. Или, наоборот, сочтут экзотическим фруктом?

Тяжелый выбор.

— Тебе совсем-совсем не нравятся мужчины? — разочарованно спросил Матар, и я отвела в сторону взор, чтобы цветом глаз не выдать свои эмоции. Лгать я была не приучена. — Что ж, печально, конечно, но разве кто-то еще мог поступить на мужскую специальность? Тем более в такое опасное время.

К моему облегчению, разговор продолжиться не успел, так как в аудиторию вошел преподаватель. Он задержал на мне оценивающий взгляд, после чего повернулся к интерактивной доске и начал выводить на ней должность и имя.

Я посмотрела на Эша, тот подмигнул и включил на коммуникаторе диктофон.

Новости в училище разлетались быстро, поэтому к моменту, когда я пришла в столовую на обед, о моей «нетрадиционной сексуальной ориентации» знали фактически все. Чувствовала я себя при этом некомфортно, но понимала, что это прекрасный способ избежать повышенного внимания со стороны представителей сильного пола. Пусть меня и рассматривали со всех сторон, но уже без явного мужского интереса, разве что иногда были похабные взгляды, но их было меньшинство.

— Признайся, ты кайфуешь, находясь в центре событий, — поддразнил меня Эш.

— Не понимаю, о чем ты, — пожала плечами я.

Можно ли чувствовать себя комфортно в центре внимания? Разве только чуть-чуть, настолько, чтобы ощущать некую удовлетворенность происходящими событиями. Стоит признаться, что порой женщинам нравится чувствовать на себе заинтересованные мужские взгляды.

Казалось, Эш в точности прочитал мои мысли и ухмыльнулся, но даже кривая ухмылка не испортила правильные черты лица. У него было овальное худое лицо с четкой линией скул и волевым подбородком и бездонные радужные глаза, над которыми изгибались густые брови. Даже большой рот и полные губы не портили его внешность, лишь придавали привлекательности.

Эштон, заметив мой интерес, резко повернулся, и мне на миг показалось, что я вижу смеющиеся и ласковые глаза Макса. Резко выдохнув, я покачала головой, отгоняя наваждение.

— Что с тобой? Что-то случилось? — обеспокоенно спросил Эш.

— Нет, просто показалось, — задумчиво ответила я и принялась за еду.

Первый учебный день для меня оказался трудным, но интересным. Вечером я позволила себе долгожданный звонок родителям, которые ждали от меня новостей, словно манны. Они с умилением слушали мой рассказ о новых предметах и преподавателях и желали только удачи и дисциплинированности. Я ответила, что среди однокурсников всё равно нет того, кто мне нравится.

Естественно, я умолчала, что существует тот, кто украл моё бедное доверчивое сердце. Так странно, раньше я думала, что вся эта девичья чушь меня не интересует, но влюбилась в первого попавшегося мужчину.

Может, первая влюбленность недальновидна и имеет быстротечный характер? Было бы хорошо, если так, ведь у нас с Лимаксионом не может быть будущего. Это понимали и я, и фээрт.

4

К середине недели выяснилось, что я довольно сильна в технических науках. Я хорошо понимала физику процессов, но вот конструктивные особенности учить было сложнее. Здесь мне приходилось заучивать названия деталей и агрегатов, когда сокурсникам конструкции давались легко. У меня было ощущение, что их обучают этому с колыбели.

Этот факт оказался неприятной проблемой, но не настолько масштабной, как военная подготовка с физическими нагрузками и гражданской обороной. Здесь в первый же день занятий, в среду, мне пришлось столкнуться с интенсивным бегом, гантелями, спортивными тренажерами и строевой подготовкой.

Преподавателем был высокий роасан с квадратным лицом и глубоко посаженными глазами, которыми он, казалось, мечет молнии. Иначе как можно было объяснить его давящую ауру? К тому же майссор Форхат-онг был безжалостен.

Как бы я ни старалась, у меня ничего не выходило. Я была слишком маленькой, худенькой и «нелепой», как он меня назвал, когда увидел в первый раз. Я стояла последняя в ряду рослых парней, и меня даже не сразу заметили, а обратили внимание только тогда, когда майссор решил проверить ботинки у курсантов. Он опустил взгляд и наткнулся на меня, а потом

разразился отборным матом на межгалактическом.

И после этого началось...

— Курсантка МакКаст, тебе зачем задница дана?! Чтобы вилять ею перед своими сокурсниками? А ну подобрала и побежала! Веселее, веселее! — кричал Форхат-онг при каждом удобном случае и бил меня своим хвостом по пятой точке. — Ноги выше! Спину ровнее! Быстрее, курсантка, не мешки разгружаешь!

Нет, это хуже, чем мешки. Это хуже всего!

Сжав зубы, я пыталась подтягиваться, но получалось тем самым мешком висеть на перекладине, виляя все той же пятой точкой. Майссор не упускал возможности каждый раз больно ударить меня, чтобы я лучше запомнила урок.

Ненавижу! Слезы текли по щекам, однокурсники смотрели на меня с жалостью, но лишь Эштон осмелился возразить преподавателю. Когда тот в очередной раз хотел ударить меня, он заслонил меня собой и получил удар по коленям вместо меня. Стерпев боль, Эш подтянул мое тело до перекладины, и с помощью друга я смогла подтянуться десять раз.

— Наряд вне очереди, Торифаэр, — с усмешкой отозвался Форхат-онг, когда мы вновь встали в шеренгу.

— Прости. Тебе досталось из-за меня, — шепнула я другу, утерев со щек слезы.

— Пустяки, — улыбнувшись, но не повернув голову, отозвался друг.

В этот день я пообещала себе, что это последний раз, когда однокурсники видят мои слезы. И уже в пятницу я, преодолевая собственное недомогание и моральное уныние, маршировала в строю парней. Майссор лишь усмехался, смотря на мои жалкие потуги, и не забывал подгонять меня хвостом. Но я не проронила ни одной слезинки, лишь вечером в подушку позволила себе выплакаться.

В субботу у меня болело все тело, как и в прошедший четверг, но теперь боль наложилась друг на друга и усилилась. Сегодня я тащилась на пары, с трудом передвигая ногами. Когда я вошла в аудиторию, то буквально рухнула на парту. Эштон посмотрел на меня с сочувствием.

— Фил, может, тебе сладенького? Хотя бы для поднятия духа.

— Нет, ей нужно больше белка, чтобы мышцы не так болели, — встрял Матар, тоже с сочувствием смотря на меня.

— Точно? Может, лучше кальция? — донесся до меня еще один голос.

— А укрепление костей тут при чем? — возмутился Матар.

— Нет, парни, я знаю, что нам нужно: окроит⁶. Этот фрукт укрепляет общее состояние организма, — вмешался еще один однокурсник, и я тихо застонала.

Дайте мне просто спокойствия и тишины!

— Да ладно, не стоит так переживать. Все со мной будет нормально, — неуверенно улыбнулась я, стараясь быть вежливой, хотя в преимущественно синих глазах начали преобладать вкрапления фиолетового.

— Стоит, — уверенно кивнул Эш.

Но чего я не ожидала, так это именно окроита практически от каждого однокурсника в начале третьей пары — ребята позвонили в курьерскую службу, и в училище доставили нужный фрукт.

Я с запредельной улыбкой на губах принимала гостинцы и не знала, как отблагодарить их за эту теплоту. В общежитие я возвращалась с коробкой кисло-сладкого окроита, думая, что жизнь умеет преподносить приятные сюрпризы.

Но жизнь вообще штука интересная, и порой не знаешь, чего от неё ожидать. Сегодня я никак не ждала стука в окно ровно в двенадцать часов. Подскочив, оправив длинную футболку и натянув белые штаны, я подошла к окну и увидела шестерых одноклассников. Они жестикулировали, пытаясь что-то сказать, но в темноте их силуэты были едва различимы, поэтому я ничего не понимала.

Открыв форточку, я с удивлением спросила:

— Что вы тут делаете?

— Понимаешь, тут такое дело... — замялись парни, переводя взгляды друг на друга.

Дальше речь взял Эштон:

— В общем, Фил, ты нам нужна для содействия нашим противозаконным деяниям. Ты не переживай, мы тебя как соучастницу не пустим, выгородим в качестве случайной жертвы нашей настойчивости.

— А поподробней? — насторожилась я.

— Мы собираемся устроить пьянку у тебя в комнате, — выпалил фаэрт.

— Что?! — воскликнула я громко, и Эш прикрыл мне рот ладонью.

— Не кричи! — шикнул на меня Матар. — Мы собираемся устроить у тебя тусовку, так как на тебя комендант не подумает. Понимаешь, он знает, что сегодня ночью парни празднуют поступление, поэтому будет ходить по комнатам и проверять, чтобы не дебоширили, а алкоголь и вовсе запрещен. Мы уже уложили белье на кровать так, чтобы фейссор подумал, будто мы спим. Ты обязана нам помочь!

— Думаете, он не услышит шум в моей комнате? — убрав руку Эштона, спросила я.

— Мы поставим заглушку, — серьезно ответил Матар и приподнял руки вверх, где в одной ладони было небольшое устройство, а во второй — пакет со спиртным.

— Я об этом пожалею. — Со вздохом я отступила в сторону.

Собрав раскиданные вещи, я запихнула их в шкаф, а парни тем временем забирались в мою комнату. Матар подошел к приборной панели и установил «заглушку».

Я подозревала, что буду жалеть о сегодняшней ночи, но не думала, что настолько.

Соккурсники оказались очень шумными, но при этом веселыми и милыми, хоть они и лезли обниматься по-дружески. За границами дозволенного бдел Эштон.

Самое вопиющее случилось позже, когда парням стало скучно и они решили выйти на свежий воздух. Один чуть не открыл дверь моей комнаты, но его вовремя остановил Матар, тогда они ломанулись в сторону окна.

Перевалившись через подоконник, они оказались во дворе, хихикая и звеня бутылками. Я, единственная трезвая из всех, подумала, что это провал. Это конец всем моим мечтам о пилотировании. Сейчас обязательно кто-то услышит и нас отчислят. Зачем я только поддалась на их уговоры?

Пробравшись на космодром, сокурсники скинули защитный чехол с одного из шаттлов. И, к моему ужасу, Эш не собирался их останавливать. Среди парней был отличный техник, Аста-Аз со звездной системы Азеа-Эд.

Я с содроганием сердца наблюдала за действиями азеанца. Все представители этой расы отличались математическим складом ума и отличным зрением, превышающим зрение обычного гуманоида. Поэтому из них получались превосходные летчики.

Правда, они преимущественно были себялюбями и ценили собственный комфорт, что заставляло их идти на гражданское, а не военное отделение. К тому же азеанцы не отличались крепким телосложением, они были худощавыми и высокими, с продолговатым овалом лица и миндалевидными глазами темных оттенков.

И сейчас «мозг» (что спорное понятие) этой компании вскрыл систему, и первокурсники смогли попасть на борт. Я постоянно испуганно оглядывалась назад, спрашивая себя: зачем только увязалась за ними?

— Здесь же наверняка камеры есть! — воскликнула я.

Парни пьяно хихикнули и переглянулись, после чего Аста-Аз подошел к бортовому компьютеру и стер все данные с видеозаписывающих устройств.

— Всё равно мне беспокойно, — буркнула я.

— Волноваться — удел женщин. Вы находите в этом особую прелесть, — криво усмехнулся Матар и сел за штурвал. — Мой отец — летчик, так что я знаю, как управлять этой деткой.

«Детка» заурчала под его руками — включился основной двигатель. Всё! Вот я и окончила обучение в лётном училище. Коварный Эш, видя мою нервозность, лишь подмигнул, усадил меня на пассажирское кресло и пристегнул ремнями, а сам занял место второго пилота и включил какие-то системы на сенсорной панели.

Я отстраненно отметила, что не было в движениях Торифаэра неуверенности, присущей двадцатилетним парням, он действовал резко и точно, словно делал так уже сотни тысяч раз. Может, он старше, чем я думаю?

Корабль поднялся в воздух и завис на расстоянии метра над землей. Я вцепилась пальцами в подлокотники, когда впереди загорелись огни и зычный голос из внешних динамиков пообещал «оторвать уши».

— Фил, бежим! — сквозь смех сказал Эштон и, отстегнув меня, повел к выходу.

Ребята, спотыкаясь и смеясь, бежали вместе с нами. Моё сердце бешено колотилось. С крыши здания площадка начала выделяться световыми «пушками» в поисках вредных курсантов,

но нам пока благополучно удавалось скрываться.

Наверное, причина нашего везения была в том, что все бежали не в сторону главного входа в общежитие, а в обратную — в мою комнату. Дружно забравшись через окно, парни еще громче рассмеялись и расселись на полу. Я, закрыв жалюзи на окне, с ужасом воображала, что будет завтра.

— Пока что не о чем переживать, — притянув меня за плечи к себе, прошептал Эш и повел меня к кровати.

— Я бы не была так же радужно настроена, — нахмурилась я.

Торифаэр не стал меня слушать, заставив лечь под одеяло. Плотнo укутав меня, он лег рядом поверх одеяла. Я отодвинулась и попыталась возразить:

— Эш, это слишком...

— Спи, Фил, завтра будет интересный день, поэтому нужны силы.

Я промолчала, к тому же понимала причины поведения друга: мало ли кто мог лечь ко мне ночью, а Эш гарантировал защиту своим присутствием. Расслабившись, я постаралась заснуть, но меня всё время отвлекали разговоры однокурсников.

Когда они стихли, я погрузилась в собственные сновидения, в которые с завидным постоянством приходил Макс.

5

Началось всё просто ужасно, а именно — со звонка приборной панели. Я еле выбралась из постели, перелезла через спящего Эштoна и подошла к двери, увидев на экране разгневанное лицо Орган-онга. Сглотнув, я отвернулась от двери и оглядела свою комнату со спящими на полу парнями, потом проверила заглушку и закричала:

— Подъем! Живо-живо! Сваливайте все из моей комнаты!

Перепуганные неожиданным пробуждением первокурсники подскочили и заозирались по сторонам, протирая глаза. Я, оглядывая парней, покраснела и со вздохом отвернулась, стукнувшись несколько раз головой о дверь.

— МакКаст, живо открывай! — поторопил меня Орган-онг. — Тебя засекли на видеокамере во дворе, как и соучастников твоей вечеринки!

— Моей?! — пропищала я в пустоту, и парни, очнувшись ото сна, переглянулись и взвыли.

Пожалуй, им, как и мне, хотелось бы быть как можно дальше от разгневанного роасана.

Эш, встретившись со мной взглядом, уверенным шагом направился к двери, хотя он немного пошатывался и периодически морщился. Однокурсники смотрели на него как на героя и останавливать не спешили.

— Доброе утро, фейссор! — открыв дверь, поприветствовал разгневанного коменданта Эш.

— Что всё это значит?! — взревел роасан, заглянув нам за спины и оглядев всю комнату.

Ничто не укрылось от его внимания: ни пустые банки алкогольных напитков, ни помятые физиономии парней, ни мусор из-под пачек с сухой закуской. Эштон открыл рот, чтобы все объяснить, но комендант его остановил:

— Нет, не стоит! Я всё и так понял. У меня и раньше устраивались вечеринки, которые я пресекал, но чтобы вот так... в женской комнате? Да как вы додумались до этого?

— Прости-ите, — опутив голову, прошептала я, и Орган-онг посмотрел на меня с неудовольствием.

— Отставить мямлить, курсант! Вы — будущая военная летчица, поэтому не имеете права на слабость!

— Не кричите только на неё, — вступился за меня Эштон.

— Не смейте брать за её ответственность на себя, Торифаэр! А то знаю я ваши фаэртские привычки. Вы подорвали свой авторитет, а ведь выглядели самым ответственным из всех этих балбесов, поэтому я не ожидал от вас такой халатности. Как только могли пустить их, — комендант обвел комнату рукой, — в комнату к девушке?

— Понял. Виноват. Исправлюсь, — отозвался Эштон и высказался в свою защиту: — Но вы сами только что сказали, что ей пора привыкать к трудностям, в том числе и к обществу мужчин.

Роасан усмехнулся и отступил в сторону, пропуская студентов на выход.

— Марш в душ! — скомандовал комендант. — И чтобы духу вашего рядом с комнатой Филисити не было! После душа все вместе пойдете в кабинет ректора. Приказ ясен?

— Так точно, — нестройно ответили курсанты.

— Не слышу!

— Так точно! — воскликнули парни и чуть ли не строевым шагом покинули мою комнату.

Я осталась стоять, глотая собственные слезы и не решаясь поднять смущенного взгляда на коменданта. Тот вздохнул и окинул меня усталым взглядом.

— Я разочарован в тебе, Филисити. Я думал, ты более стойкая девушка и сможешь вынести напор общественности. Ты не должна прогибаться под желания однокурсников. Запомни, ты единственная девушка в мужском коллективе, куда ты им укажешь, в таком направлении они и пойдут. Они могут думать, что решили это самостоятельно, но верную мысль подкинула им ты. А сейчас ты сама повелась в волне толпы.

— Простите.

— Да прекращай мямлить уже! — раздраженно одернул меня фейссор. — Неприятно! Ты взрослая и умная девушка, так веди себя соответствующе! К тому же ты курсант военного отделения Лётного училища! Тебе еще не с таким сталкиваться придется, а ты нюни распустила. Твой голос должен быть тверд, иначе тебя сомнут под напором чужого авторитета, понимаешь?

— Понимаю, — проговорила я, действительно задумавшись над словами Орган-онга.

— Я рад, что ты не растеряла своё здравомыслие. Сегодня к ректору пойдешь вместе со всеми. Всё ясно?

— Да...

— Не слышу!

— Так точно! — воскликнула я и вытянулась по струнке.

Комендант криво усмехнулся и покинул мою комнату. Дверь за ним тихо съехалась, оставив меня с собственными умозаключениями наедине.

Я действительно повела себя слабохарактерно, позволив парням сделать всё так, как хотели они. И это рядом со мной еще был Эштон, а что было бы без него? Я вздрогнула от неприятных мыслей, после чего подхватила полотенце и направилась в ванную — нужно принять душ, а потом уже заслушать приговор от ректора.

В кабинете нас ждал еще и декан, причем последний был хмур и недоволен, а вот сам глава училища буквально лучился хорошим настроением. Когда мы переступили порог, ректор поднялся со своего места и громко зааплодировал. Студенты опешили, а Пирот-онг еще больше нахмурился.

— Поздравляю, мои юные неудачливые нарушители спокойствия! — воскликнул ректор. — Предыдущие курсы хотя бы успевали подняться в воздух, несмотря на страх быть пойманными! Но могу вас утешить: так долго искать их, как вас, нам не приходилось. Спрятаться в комнате единственной девушки на курсе — как умно! О, а вот и курсантка МакКаст! — Мужчина обратил на меня свой взор. — Что же вы стоите на пороге? Проходите, садитесь на диваны. Чувствуйте себя как дома. Поверьте, раз вы так отличились в первую неделю, то за последующие пять курсов бывать здесь придется часто.

Лица студентов еще больше помрачнели, а декан неожиданно повеселел, видя нашу угрюмость. Приказ ректора мы не выполнили, оставшись стоять на прежних местах.

— Майссор Зоалини, что же вы так нерадушно принимаете своих курсантов? Подвиньтесь, уступите место молодым и горячим, — продолжил забавляться глава училища. — Смотрите, как они жаждут знакомства с начальством, что даже шаттл решили угнать. А что в последний момент струсили — так ничего, первый курс же. До третьего доучатся и смогут идти напролом препятствиям.

— Генссор⁷, я бы не был так уверен, — буркнул Пирот-онг, и на его скулах заходили желваки.
— Но ручаюсь, что я с ними строго поговорю.

— Ну что вы, какие разговоры! — улыбнулся ректор. — Они уже вчера друг с другом наговорились, познакомились, так сказать, в неофициальной обстановке, да еще и в комнате прекрасной девушки. Кстати, курсантка МакКаст, как вам ночевать в компании парней? Никто не приставал, нет? Ай, какие молодцы! Сразу видно, будущие офицеры!

Мы с угрюмым выражением лица оценили сарказм, который оказался хуже строгого выговора, поэтому каждый из нас зарекся отныне делать что-то противозаконное в рамках военного кодекса. Я покраснела от смущения, не зная, куда деть свои виноватые глаза, чтобы не встречаться с насмешливым взглядом главы училища.

— Ну что же вы мнетесь, будущие офицеры? Да мы же фактически коллеги! — ректор обошел

стол и сел на край, опершись предплечьем о бедро. — Тем более после вчерашнего боевого крещения... я даже не знаю, какие секреты могут быть между нами!

— Мы так больше не будем, — невпопад буркнула я.

— Что, простите, вы сказали, МакКаст? Пискнули так, что я не расслышал, — с усмешкой спросил глава училища.

— Просим озвучить наше наказание, — ответил вместо меня Эштон, сжав мою руку.

— Наказание? Простите, будущие коллеги, а за что? — притворно изумился мужчина, вызвав еще больше нашего смущения. — Вы сделали что-то неправильное? Поведайте, хочется послушать.

Курсанты переглянулись и не ответили, поэтому вновь пришлось брать на себя ответственность Эштону.

— Мы повели себя не по уставу, покинув общежитие в недозволенное время. Благодаря нашей слаженности и учету личных качеств каждого из нас, мы смогли вскрыть систему защиты шаттла. Далее из-за излишнего любопытства мы решили проверить работоспособность оборудования, но врожденная внимательность некоторых членов нашей команды помогла нам избежать встречи с охранниками. Мы устранили следы нашего пребывания на борту, но не учли фактора внешней видеосъемки, поэтому решили применить стратегическое отступление и скрыться в наиболее защищенном месте Лётного училища, где вероятность нашего обнаружения наиболее низка.

— Факт опьянения присутствовал? — деловито осведомился ректор, делая вид, что ни капли не впечатлен речью курсанта.

— В незначительном количестве, — нехотя признался Торифаэр.

— Я рад, что хоть один из вас смог подготовить рапорт. Я включил запись, поэтому он сохранится в хранилище. Вам всем будет вынесено наказание, которое составит майссор Зоалини. Всем всё понятно?

— Так точно.

— Не слышу!

— Так точно! — теперь к громогласному ответу присоединилась я, после чего мы поспешили в коридор.

Мы молча шли по корпусу к выходу, пока Матар не рассмеялся. Его заразительный смех инфекцией перекинулся на других, поэтому из корпуса мы выходили дружной веселой компанией, которой уже было наплевать на наказание.

6

Наша компания из пятерых парней и одной девушки быстро прославилась в училище — мы были неразлучны и все задания, будь то наказания или учебные материалы, выполняли вместе.

Наша популярность была оплачена целым месяцем мытья плаца, причем мощней машиной

нам пользоваться запрещалось, пришлось использовать электрические мокрые веники. Зато у меня появились пять защитников, с помощью которых я улучшила свои строевые показатели.

Хоть Форхат-онг по-прежнему продолжал хлестать меня по пятой точке, но делал это уже реже и с меньшим вредом для здоровья, словно для поддержания стимула. А недавно мне пришла стипендия, которая оказалась равна всем деньгам, скопленным моими родителями за всё время их жизни.

Этот факт вызвал слезы. Я пообещала себе, что обязательно выкуплю долг своих родителей, как бы он ни возрос за время их зависимого статуса.

Наконец наша компания получила долгожданные увольнительные, поэтому сейчас я составляла список товаров. В основном все сводилось к тому, что мне нужна новая одежда и некоторые гигиенические принадлежности.

И теперь я точно знала, какая именно одежда модная в наше время. Только подумать, как изменились мои взгляды и интересы спустя каких-то пять недель!

Раздалась трель, и в комнату вошел Эштон. Я встала с кровати и положила коммуникатор в рюкзак.

— Ты идешь? На поезд можем опоздать, — поторопил меня друг.

— Да, иду я, иду — ответила я, оправив на себе форму.

Эш оглядел меня недоуменным взглядом.

— Ты собираешься в этом лететь в столицу?

Сам парень уже был одет в «гражданку», на нем красовались черные брюки карго и рубашка-поло ярко-зеленого цвета. Волосы он зачесал набок, только несколько прядей спадали на лоб. Он был красив, и я в который раз смутилась своего внешнего вида. К тому же сегодня мне придется идти в военной форме.

— У меня нет другой одежды, — призналась я, смущенно заправив прядь волос за ухо.

— А в чем ты приехала, Фил?

— Это я точно не надену, — отрезала я, поморщившись, и фазэрт не стал спорить.

С друзьями мы дошли до остановки скоростного поезда, где сели в вагон. С подколками парней я не заметила, как пролетело время в дороге, и вскоре мы пересекли городскую черту и вышли на остановке.

Наконец-то увольнительная! Курсанты могут получать их каждую неделю, но именно наша компания была наказана, и сегодня первый день, когда мы вырвались на свободу. Я посмотрела на Эштона, тот привычно приобнял меня за плечи, и мы вместе вышли в городской шум.

Я огляделась. По небу летали аэромобили, а по разноярусным металлическим дорогам ходили пешеходы, спешащие по своим делам. Я улыбнулась новому миру, понимая, что моя жизнь за последние полтора месяца изменилась кардинально.

— Куда первым делом пойдём?

— Предлагаю отобедать, а потом пройтись по магазинам, — предложил Аста-Аз.

Согласившись, мы двинулись в нужную сторону.

Плотно позавтракав, мы вышли из кафетерия, обсуждая прошедшую учебную неделю. Я улыбалась рассказам однокурсников, пока мой взгляд не наткнулся на темный переулок, где в мусорном баке кто-то рылся. Улыбка погасла, и я нахмурилась, непроизвольно сжав предплечье Эша. Парень проследил за моим взглядом.

— Кто это? — спросила я недоуменно.

— Люмпены, — просто ответил он, но мне был недостаточен такой короткий ответ, тогда друг добавил: — Бездомные, без документов и права на работу. Это те, кто отказались быть зависимыми и решили бежать. Периодически их отлавливают, но даже полиция старается не заниматься такими грязными делами.

— Их отлавливают и делают зависимыми? — уточнила я.

— Да, Фил, — со вздохом отозвался фаэрт.

— Но почему они добровольно этого не хотят? У зависимых хотя бы есть крыша над головой, а люмпены не имеют и этого.

— Каждый делает свой выбор, — отвернувшись от непрезентабельной картины, глухо ответил Эш.

Я смотрела исключительно в темный переулок, поэтому парень, взяв меня за руку, повел в сторону торгового центра. Наши друзья уже ушли вперед, а мы с Эштоном погрузились в собственные мысли.

Я думала о Максе и о том, чем он занимается. Он вне закона, но зачем такой закон, из-за которого страдают люди? В этот момент я первый раз задумалась, на чью сторону встать: идти против системы или стать её частью?

— Что будем делать? — вывел меня из задумчивости Эш.

— Выбирать мне наряды. Ты будешь модным судьей, — пафосно произнесла я, и парень рассмеялся.

— Учти, я очень строгий и беспристрастный!

— Что, даже никаких взяток брать не будешь и устоишь перед моими обаянием?

— Насчет последнего не уверен, — с улыбкой отозвался фаэрт, и его глаза стали оранжево-красными.

Последнее время меня это пугало. Такая перемена цвета означает влюбленность, но, может, я ошибаюсь, и это лишь дружеские чувства? Сама-то я не знаю, какого цвета мои глаза, когда смотрю на Эштона.

Я промолчала, боясь задумываться о чувствах друга, и мы зашли в первый магазин. Здесь я, смущаясь под оценивающим взглядом Эштона, выбирала себе повседневный наряд. Мой выбор пал на синие джинсы и белую легкую кофточку с длинными рукавами и дугообразным

вырезом. Из обуви мне больше приглянулись желтые лоферы, с которыми образ был завершен. Еще я взяла два недорогих сарафана, решив, что они тоже мне пригодятся.

Переделалась я сразу, сложив военную форму в заплечную сумку. Правда, пришлось потратить большую часть своей стипендии, но оно того стоило: в конце концов, нужно же было в чем-то ездить в город? Да и не последняя же это стипендия? Через год у меня будут каникулы, и я хотела прилететь к родителям красивой.

— Я в уборную. Подождешь меня здесь? — дежурно спросил парень, хотя сам уже направился в озвученную сторону.

Я, прислонившись к стенке, достала коммуникатор и стала бездумно водить по экрану, рассматривая окружающих людей. Мне нравилось наблюдать за гуманоидами, ведь всю свою жизнь я каждый день встречала одни и те же лица, с одним и тем же выражением.

Теперь же я наслаждалась яркой необычной одеждой, новыми эмоциями и необычными сценами, которые происходили между родственниками, друзьями или возлюбленными. Последнее меня интересовало особенно.

Просматривая новости в коммуникаторе, я наткнулась на статью, не доставившую мне удовольствия:

«Плейбой, красавец, наследник компании «КосмоЭнерго» и просто завидный жених Лимаксион Оджифаэрс вновь покорила столицу своей скандальной вечеринкой! В тот вечер он был замечен сразу с двумя девушками...»

Я быстро вышла из программы, сложив коммуникатор в сумку, и сжала руки в кулаки. Неужели он совсем меня не помнит? Хотя чего я ожидала от мальчика-красавчика?

Неожиданно мой взгляд сцепился со взглядом темных умных глаз, так что все мысли выветрились у меня из головы. Я сглотнула, так как поняла, кто читает мои мысли. Тартарианка. Что она тут делает, и почему её так заинтересовала именно я?

Тартарианцы — телепаты, поэтому я постаралась не думать о том, какой у меня истинный социальный статус. Но именно подобные мысли, кажется, и вывели тартарианку на верные выводы, отчего её глаза расширились, и она уверенно двинулась в мою сторону.

К счастью, в этот момент вернулся Эштон, который тоже увидел представительницу Тартарианской системы. Он нахмурился, а тартарианка еще больше удивилась.

Они, узнавая чужие тайны, умели их хранить. У них был особый кодекс чести — никогда не вмешиваться в политические дела и не использовать грязные мысли гуманоидов против них самих.

— Идем отсюда, — прошептал фаэрт, схватил меня за руку и повел прочь отсюда.

Я обернулась и проводила незнакомку настороженным взглядом, но та не стала следовать за нами. Вскоре этот инцидент забылся.

— А ты себе ничего не собираешься купить? — спросила я.

— Нет, — мотнул головой фаэрт и подошел к автомату с мороженым. — Ты не хочешь?

— Я никогда не пробовала, — ответила я, и Эш изумился, после чего купил два рожка мороженого и отдал один из них мне.

Сначала я пыталась укусить, над чем рассмеялся друг. Остановив меня, он губами снял верхний подтаявший слой своего мороженого. Я повторила его действия, распробовав вкус сладости.

— М-м! Как вкусно!

— Я знал, что тебе понравится, — стрельнув в меня насмешливым взглядом, отозвался фаэрт, и мы продолжили прогулку. — Кстати, ты не хочешь зайти в лавку искусств? У меня есть желание что-нибудь подарить тебе.

— Мне будет неловко.

— Ты девушка и должна научиться принимать подарки, — бескомпромиссно заявил парень, после чего указал на магазин досуга, где продавались различные вещи для творчества. — Зайдем, посмотрим?

Поразмыслив, я кивнула и быстро доела своё мороженое. Эштон вновь забавлялся надо мной, но мне уже было безразлично, так как меня привлекла яркая интригующая вывеска магазина.

Внутри тоже все было красочно и живо. Чего тут только не было! У меня разбегались глаза, мне хотелось надеть на себя все костюмы, которые тут представлялись, потрогать все фрески, рассмотреть бисер, провести мягкой шерстью кисточек по коже и просто поиграть в интеллектуальные игры на витрине.

Я медленно прогуливалась между стеллажами и рассматривала все с особой тщательностью, будто боялась пропустить какую-нибудь деталь. Так мой взгляд наткнулся на странную цветную субстанцию, напоминающую по текстуре муку, только более липкую и на ощупь мокрую. Потрогав содержимое коробки, я спросила у Эша:

— А для чего это?

— Это кинетический песок для лепки, — ответил друг и слепил фокси за несколько минут. — Есть детские наборы, а есть взрослые. Смотри, вот этот для создания скульптур. Сейчас делаешь, а уже через пять минут, если не понравится, можешь разрушить.

— Классно! — восторженно воскликнула я, и фаэрт разрушил статуэтку бедного фокси.

— Тогда я тебе подарю вот этот набор, согласна?

— Мне будет не по себе от такого подарка, — смущенно ответила я, поправив лямку рюкзака.

— Чушь! Он даже не дорогой, а мне хочется сделать что-то приятное своей однокурснице с нетрадиционной сексуальной ориентацией, — хохотнул парень, и я надулась, бросив на него испепеляющий взгляд. — Молчу-молчу!

Эштон отправился к кассе, находящейся за несколькими стеллажами, а я осталась осматривать скульптуры, слепленные из кинетического песка. Так я не заметила, как рядом со мной поравнялась виденная ранее тартарианка. Я бросила на неё испуганный взгляд, и та поспешила ответить:

— Я не раскрываю чужие тайны, нас учат этому с детства. Я лишь хочу предупредить тебя... Он не тот, за кого себя выдает.

— О ком ты? — недоуменно спросила я, подумав о Максе.

Или она вовсе не о нем?

— О фаэрте, но не том мужчине, мыслями о котором занята твоя голова. Я о другом, — поспешно ответила тартарианка, и взглянула мне за спину. — Мне пора. Удачи тебе!

На моих щеках вспыхнул румянец, и я оглянулась назад: к нам действительно приближался Эштон. Он хмурился. Когда я обернулась вновь, то незнакомки уже не было. О ком же она говорила? Кто не тот, за кого себя выдает?

— Чего она хотела?

— Так и не поняла, — задумчиво ответила я, решив выбросить все опасения из головы.

Чему быть, того не миновать. Но подозревать каждого, и тем более Эштона, неправильно с моей стороны. Он мой лучший друг и не будет желать мне зла.

Сегодняшний день прошел замечательно. Теперь я поистине осознала ценность друзей, и во мне было еще больше благодарности к родителям. Страшно представить, от какой жизни они меня спасли, ставя под угрозу собственную. Часто мы не ценим их доброту и познаем её только в сравнении.

В поезд мы сели с подарком — я никак не могла расстаться с кинетическим песком, уже воображая, что буду из него лепить. От слов к делу у меня оказался недолгий переход, поэтому уже сегодня вечером, вывалив содержимое коробки в плоский контейнер, я начала пробовать себя в качестве скульптора.

Сначала это были ничего не значащие геометрические фигуры, потом они начали приобретать очертания, и как-то незаметно для меня самой моё творчество вылилось в создание бюста. Сначала я сделала нос, потом начала вылеплять губы, затем — проем для глаз.

Больше всего времени у меня заняли волосы, ведь я пыталась вспомнить, как они лежали у Макса в тот последний день. Жаль, что песок нельзя разукрасить, так бы у бюста были радужные бездонные глаза.

— Что делаешь? — раздался сзади голос Эша, и я вздрогнула, оглянувшись на друга.

Комендант уже без проблем впускал Эштона в мою комнату, решив, что он не только не позволит себе лишнего, но еще и предостережет других. Бюст был готов, и сейчас в скульптуре из кинетического песка без труда можно было узнать Лимаксиона Оджифаэрса.

Друг присвистнул.

— Да у тебя талант! И кого ты вылепила?

— Это недостижимый идеал, — со вздохом влюбленной девушки ответила я, и Эштон бросил на меня растерянный взгляд.

Я смутилась, ведь Торифаэр наверняка понял, что я в кого-то влюблена. Теперь нужно

максимально его в этом разубедить.

— А у идеала есть имя? — полюбопытствовал фаэрт.

— Идеалы для того и существуют, что у них нет ни имени, ни времени, ни места, потому и недостижимые, — пожав плечами, ответила я.

И ведь ни капли не солгала: у Оджифаэrsa нет места в моей жизни, нет времени для меня и нет его имени в моем настоящем. Я навсегда должна забыть доброту случайного встречного и продолжить жить без мыслей о нем. Но понять это головой намного легче, чем сердцем.

— Недостижимый идеал... а звучит красиво! И грустно.

— А ты чего пришел-то? — перевела разговор я.

— Да просто так, — улыбнулся он, с каким-то тайным и неизвестным огоньком в глазах смотря на меня.

Я не поняла причину такого взгляда, но решила его проигнорировать.

7

Самым легким предметом для меня оказалась социология. Здесь мне нравилось всё: и преподаватель, и темы, и рассуждения. Это был предмет, на котором можно было взглянуть на мир под другим углом, через общую структуру социальных слоев, осознать своё место в этом огромном мире и прийти к неутешительному выводу: от существования одного гуманоида мир не изменится.

— Так, а теперь с докладом о Социальной мобильности перед нами выступит курсант Торифаэр, — объявил преподаватель, и Эштон поднялся с места.

— Удачи, — шепнула ему я.

— Спасибо, — подмигнул фаэрт, прошел к интерактивной доске и разложил голограмму, которая отражала семь звездных систем. — Перед вами Пятый межгалактический Союз. В нашей конфедерации семь рас, которые живут в согласии друг с другом. Другое название Союза — Фаэрская Империя, столицей которой является планета Фарэт. Фаэр — это небольшая система, где был подписан первый пакт о сотрудничестве между Фаэром и Алской системой. Последними в конфедерацию вошли тартарианцы, которые до сих пор остаются обособленной и малочисленной народностью. Все расы живут в относительном согласии, но огромной проблемой на сегодняшний момент является дестабилизация общества под воздействием социальной мобильности: горизонтальной и вертикальной. И если горизонтальная мобильность, включающая в себя географическое перемещение и перемещение по одному социальному слою, не представляет угрозы для нынешнего общества, то вертикальная мобильность, а именно, нисходящая мобильность, встает острым вопросом, требуя решения. Все больше людей, которые теряют свободный статус и становятся зависимыми. Конечно, это выгодно верхним слоям общества, которые получают практически бесплатную рабочую силу, но это дестабилизирует конфедерацию, в которой всё больше недовольных и зреют задатки революции. Вследствие ужесточения законов становится больше гуманоидов с клеймом зависимых: многие нарушения уходят из административных в уголовные, за преступления по статьям последних идет наказание в виде лишения свободы, полного, а не временного

заточения. С одной стороны, это уменьшает уровень преступности, а с другой — увеличивает риск гражданской войны. Общество в наше время делится на зависимых и свободных, то есть бесправных и уполномоченных. Средний класс в процентном соотношении едва ли дотягивает до отметки пятнадцати процентов, что несказанно мало, учитывая официальную политику конфедерации. И при этом в нашем обществе процветает проблема люмпенизации, когда люди теряют статус свободных вследствие долговой ямы, но предпочитают становиться людьми без определенного места жительства, но только не зависимыми. Нужна ли им такая свобода? Именно этот вопрос стоит перед теми, кто потерял весь свой капитал и возможность заработка — они выбирают статус люмпена, — Эш остановился, окинув заслушавшихся студентов цепким взглядом.

В этот момент я не узнала его. Он ходил по аудитории, рассказывая и пытаясь донести свою мысль до сокурсников. Он жил своим докладом, его было интересно слушать. В его словах чувствовался опыт прожитых лет, и я еще раз засомневалась, что ему только двадцать. Слишком взрослые речи для студента.

Эштон, убедившись во внимании лекционной аудитории, продолжил:

— Еще каких-то восемьдесят лет назад люмпенов практически не существовало, ведь статус "зависимого" мог быть временным. Человек отработывал деньги за определенный срок, после чего мог перейти в статус маргинала и обучиться новым профессиональным навыкам. Еще восемьдесят лет назад это было возможно, но теперь при новой теневой политике конфедерации мы имеем безрадостную картину революционного будущего, когда люмпены и зависимые захотят освободиться от своего статуса и стать выше. Просто стоит задумываться, что они могут прийти к власти вследствие революции — люди, не имеющие нужных навыков и образования. Сможем ли мы жить в таком мире? Не уничтожат ли они то, что строилось годами? Может, стоит подумать о них, чтобы избежать революции?

Аудитория погрузилась в тишину, и каждый витал где-то в своих мыслях. Меня не на шутку задела слова Эштона, и важнее они были оттого, что мы учимся на военном отделении. Смена власти в первую очередь коснется нас.

— Может, и стоит, курсант Торифаэр, — задумчиво проговорила преподавательница, — но эти вопросы должны подниматься на заседаниях политиков, наше же дело бесправно внимать их речам. Что ж, прекрасный доклад, наполненный вашим собственным мнением. Я ставлю вам высшую отметку. Садитесь.

Преподавательница намеренно раньше посадила студента за парту и перешла к следующей теме, так как она видела жаждающие и осознанные взгляды первокурсников, которые не прочь были развить беседу дальше.

Но дело в том, что она преподает военным, которые должны чтить закон, а не идти против государства, поэтому подобные дебаты ни к чему хорошему не приведут. Женщина с интересом посмотрела на Торифаэра, который уже сел на своё место и уставился в окно, погрузившись в свои мысли.

Наверное, она думала, что ему нечего делать на военном отделении, у него горящее сердце и верные послы, от него будет намного больше толку на посту министра. Так думала и я. Было в Эштоне что-то, что выдавало в нем цельную сформировавшуюся личность, выделяло из толпы сидящих в аудитории подростков.

— Значит, тебя тоже не оставила равнодушным та картина, увиденная нами в городе? —

прошептала я, наклонившись к другу.

— О чем ты? Это просто доклад, — передернул плечами Эш и озорно подмигнул.

Но я уже успела узнать его достаточно хорошо, чтобы понять: за напускной веселостью прячется серьезная личность, способная возглавить компанию. Он умел промолчать и стать незаметным, когда ему это было нужно, а мог быть центром Вселенной только по своему желанию.

Нет, я в него не влюбилась. Но сейчас я осознала, что могла бы с легкостью вспылать к нему чувствами, не будь мое сердце крепко занято.

Близился срок первой сессии, и скоро должна была начаться зачетная неделя. Я жутко нервничала, мне казалось, что меня отчислят после первой же сессии. Тогда парни решили меня немного развеять, подвергнув очередному стрессу.

— Что за несправедливость: одна девушка на потоке, и та нетрадиционной ориентации! — воскликнул Матар, опустив голову на скрещенные на столе руки.

Друзья разместились у меня в комнате — это стало их любимое место для сходов. Я относилась к этому философски, рассуждая, что таким образом я всегда в центре событий, ведь все события происходят на моей территории. Аста-Аз играл вместе с еще тремя парнями в онлайн-игру на коммуникаторах, а мы втроем, заняв вторую половину комнаты, мирно беседовали.

— Кстати говоря... — начала я, решившись рассказать однокурсникам о шутке, пущенной Эштоном, но тот остановил меня.

— Кстати говоря, может, выберемся в ночной клуб? — предложил фаэрт, стрельнув в меня предостерегающим взглядом.

— Мой дорогой потерявшийся во времени друг, — с усмешкой отозвался Матар, — ночной клуб от слова «ночь», а у нас увольнительные дневные.

— Мой дорогой наивный правильный оросит, — в тон ему ответил Эш, — я тебе и не говорю об официальных увольнительных, я тебе говорю о несанкционированных вылазках в город.

На этих словах сокурсники, игравшие на коммуникаторах, оторвались от голограмм и взглянули на нас. Их глаза горели азартом так явно, что я решила на всякий случай уточнить:

— Вы же сейчас это несерьезно?

— Фил, ты что, это же так весело! — воскликнул Эштон, сев ближе ко мне и обняв меня за плечи. — Ты обязана пойти с нами.

— Нет-нет, — отказалась я и скинула руку фаэрта.

Тот вновь придвинулся ко мне, и теперь с мольбой в глазах на меня смотрели все друзья.

— Нет! Я сказала, что нет! — уверенно ответила я, и Эш так проникновенно улыбнулся, что я поняла: бастионы моей настойчивости падут.

Иногда невозможно устоять перед очарованием фаэрта, вот так и мне не удалось противиться

его чарам. Вечером Аста-Аз перепрограммировал камеры и подсадил вирус на компьютер одного из шаттлов, чтобы отвлечь внимание охраны.

Тем временем мы смогли незаметно выйти из общежития и покинуть территорию под воротами через подкоп, сделанный еще предыдущими курсами. Я улыбалась, пока мы бежали к трассе, откуда можно было подняться на остановку и сесть на поезд. Зима выдалась в этом году теплая, но дождливая. Вот и сегодня небо хмурилось, и собирались тучи.

Странно, но все вылазки с участием однокурсников забавляли меня, и даже потенциальное наказание не пугало, когда была возможность совершить безумство. Молодость и студенчество для того и даны, чтобы наслаждаться жизнью, а не оглядываться назад или заглядывать в будущее.

— Фил, сюда, — взяв меня за руку, потянул за собой Эш.

Вокруг было темно, лишь несколько фонарей подсвечивали нам дорогу. Хохоча и шикая друг на друга, мы добрались до остановки, где тут же запрыгнули в подошедший поезд. Вагон был пустым, и мы заняли свободные места. Отдышавшись, я с улыбкой воскликнула:

— Вы сумасшедшие! И я туда же!

Однокурсники рассмеялись, не ответив. До ночного клуба мы добрались без эксцессов. При оплате входа мне на запястье поставили фосфоресцирующую татуировку, как и остальным, и мы прошли внутрь. И я в буквальном смысле попала в другой мир.

По ушам ударил шум, в котором я с трудом различила музыку, на столах танцевали полуголые девицы самых различных рас, танцпол был забит извивающимися телами, в углах и в темных нишах занимались непристойностями девушки и парни, и я не говорю об ослепляющем свете софитов и неоновых ламп.

— Чего застыла? Идем, — потянул меня за собой Эштон, усмехаясь над моей реакцией.

Я изумленно оглядывала ночной клуб и не могла понять, как я могла поддаться на уговоры парней? Но всё же это прекрасный опыт, в конце концов, я не маленькая девочка и не должна удивляться подобным местам.

Эштон потянул меня на четвертый ярус в свободную комнату. Рассевшись по красным диванам, мы сделали заказ. Парни преимущественно заказали себе выпивку, я же хотела попробовать алкоголь, но не в большом количестве.

— Я сейчас вернусь, — шепнул Матар и скрылся за шторами нашей комнаты.

— Куда он? — спросила я, и парни ответили мне похабными взглядами, которые я уже видела в первый учебный день.

Оросит вернулся в компании ярких девушек различных рас. Все они были ослепляющими, но чем-то похожими. Не было ни в их нарядах, ни в макияже индивидуальности, словно куклы на заводе.

Скрестив руки на груди, я с недовольством смотрела на них, но возразить не решалась. Вскоре принесли заказ, и я сделала глоток своего коктейля. Алкоголь приятно расслабил, поэтому на новых знакомых я смотрела уже более миролюбиво.

— Фил, может, прогуляемся? — спросил Эштон, когда Матар со своей девушкой перешли от поцелуев к страстным заигрываниям.

Покраснев, я кивнула и выбежала из комнаты. Остановившись у лестницы, на третьем этаже, я подождала Эша. Тот подошел ко мне с улыбкой и положил руки на плечи.

— Схожу, принесу чего-нибудь выпить. Подождешь меня здесь?

— Хорошо, — кивнула я и отошла в сторону, ближе к темной нише.

Я огляделась по сторонам. У перил знакомились парочки, за столами сбоку от меня компании вели оживленные беседы, а внизу гуманоиды танцевали под зажигательную музыку. Я вздохнула и развернулась на пятках, когда кто-то схватил меня за талию и прижал к стене, впившись в губы поцелуем.

Я растерялась и не знала, как ответить на такую наглость, поэтому зажмурилась и замерла, упершись ладонями в мускулистую грудь. Неожиданно грубый поцелуй перестал причинять легкую боль, став ласковым и даже нежным. И я поймала себя на том, что начинаю робко отвечать.

О боги глубокого космоса, да это же мой первый поцелуй! Почему он произошел с незнакомцем на хмельную голову?! И почему он мне так нравится?

Мы целовались упоенно, моё неумение отошло на второй план, я позволяла мужчине научить меня, показать всю нежность и ласку его губ, а сама плавилась под его прикосновениями. Музыка на заднем плане стала приглушенной, мир будто отодвинул свои рамки от меня, оставив нас двоих здесь и сейчас.

Из странного опьянения меня вывел злой голос Эша, прозвучавший совсем близко:

— Что здесь происходит?

Я испуганно открыла глаза и уперлась ладонями в грудь незнакомца, пытаюсь его оттолкнуть, и тут наши глаза встретились. Не может этого быть!

Макс?!

Неужели он увидел меня и решил поцеловать? Соскучился? Нет, вывод неверный, если судить по изумленному взгляду. Мы не могли оторваться друг от друга. Его глаза медленно приобретали красный оттенок, но только после того, как он увидел меня. Так что же заставило его целоваться с незнакомкой?

Сегодня мой дружелюбный контрабандист выглядел иначе. Глаза были подведены черным карандашом, волосы уложены гелем, а одежда представляла собой что-то металлическо-рваное, модное, но отталкивающее. Я не узнавала моего Макса, и то же время он мне безумно нравился таким дерзким и модным.

Как же я соскучилась! Сердце колотилось в бешеном ритме, а на губы в любой момент готова была соскользнуть улыбка, сдерживаемая силой воли.

— Что случилось? Кто это, Фил? — взяв меня за руку и переведя взгляд с меня на Оджифаэrsa, спросил Эштон.

Мы молчали, не отрывая взгляда. Разве Макс может стать еще привлекательнее? Как оказалось, может! Он невероятный, притягательный и... да я с ума по нему схожу! Это зависимость, причем пожизненная и добровольная.

— Это... — начала я, но Макс перебил, продолжая прожигать меня своим пламенным взглядом.

— Мы столкнулись случайно. Приятно познакомиться, — Макс протянул мне руку, — Лимаксион Оджифаэрс.

Я сглотнула, посмотрев на его руку с настороженностью. Мы должны быть незнакомы. Интересно, сколько раз нам придется прощаться и заново знакомиться? Как же трудно сохранять нейтральное выражение лица, когда внутри тебя бушует буря.

— Филисити МакКаст, — представилась я, не притронувшись к его руке.

Он запустил ладонь в волосы и оглянулся, будто наконец заметил Эштона. Тот смотрел на него с ненавистью, отчего я не узнала лучшего друга.

— Ты еще кто такой? — нахмурившись, спросил мой контрабандист.

И с каких пор я мысленно начала относить к нему определение «мой»?

— Друг девушки, покой которой вы нарушили, — процедил Эштон и Макс, сложив руки на груди, хотел ему ответить, то курсант не позволил. — Мы пойдем. Всего доброго, господин Оджифаэрс.

— Доброго вечера, — прошептала я, и Эштон схватил меня за руку, потащив за собой.

Я как сомнамбула двинулась следом и прошла мимо Макса. Но я имела глупость оглянуться, и, стоило нам встретиться взглядами, фаэрт схватил меня за вторую руку. Я застыла, и Эштону пришлось отпустить мою руку и встать справа от меня.

Все мое внимание было приковано к Максусу. Мне хотелось, чтобы он обнял меня, спросил, как у меня дела и что произошло за последние четыре месяца.

Но даже его поцелуй был высшей наградой. О космос, мы поцеловались! Кто бы мог подумать, что наш первый поцелуй произойдет именно так, здесь, по случайному стечению обстоятельств?

И часто ли Макс целует незнакомок? Что подтолкнуло его на такие действия?

— Что-то не так? — осведомился Эштон, положив ладонь на мое предплечье.

В итоге я оказалась в оковах сразу двух мужчин. Макс перевел на Торифаэра заинтересованный взгляд и склонил голову набок. Нехороший был это взгляд. Будто он сейчас достанет бластер и прострелит ему голову.

Я поежилась от таких мыслей и взглянула на друга. Эштон изогнул бровь, и Оджифаэрс теперь вопросительно посмотрел на меня. Неужели он думает, что у меня могут быть с Эшем романтические отношения? Я отрицательно качнула головой, и Макс отпустил меня.

— Простите, я обознался, — ответил он. — Думал, что встретил свою знакомую, но это не то место, где я бы ожидал её увидеть.

«Но ты же меня поцеловал! Что это значит, Макс?!» — хотелось спросить мне, но с нами был свидетель. Поэтому в своем ответе я постаралась быть максимально отрешенной:

— Уверена, если вы спросите свою знакомую, она сможет вам все объяснить.

Почему я должна оправдываться? Это он целует незнакомок на вечеринках! Хотя о чем это я? Кто он мне такой, чтобы отчитываться о своей личной жизни?

Макс не ответил, молча развернулся и ушел вверх по лестнице, мне же осталось провожать его тоскливым взглядом, до сих пор чувствуя пылающий поцелуй на своих губах.

— Значит, недостижимый идеал, — горько усмехнулся Эштон, наклонившись ко мне.

Он в буквальном смысле прижал меня к перилам, отгородив пути отступления руками. Я сглотнула и заглянула ему с мольбой в глаза.

— Прошу тебя, никому об этом не говори.

— Мне вот интересно, откуда ты знакома с Лимаксионом Оджифаэрсом? Сначала на бюсте я его не узнал, но теперь, при личном знакомстве, все становится очевидно, — прошептал Эштон.

Я растерялась. Во мне была горечь расставания с Максом, поэтому к нападкам друга я была точно не готова.

— Не понимаю, откуда эта злость в твоем голосе? — с раздражением спросила я. — Разве тебя должно волновать, с кем я была знакома или в кого... влюблена?

— Значит, всё-таки влюблена, — с усмешкой констатировал фаэрт и отступил от меня.

Я закусила губу, а он отвернулся. Минуту спустя, будто совладав с чувствами, он протянул руку и предложил:

— Идем, потанцуем.

Решив не разводить ссору, я кивнула и отправилась следом. Зазвучала медленная музыка, и мы остановились на танцевальной площадке первого яруса, возле самой сцены. Эштон положил руки мне на талию, я обхватила руками его плечи и положила голову на грудь, закрыв глаза. Фаэрт так и не увидел моих слез. И уж тем более не знал, что я воспроизвожу в голове поцелуй Макса.

Ничего охлаждающего Эштон так и не принес, видимо, оставив напитки на чьем-то столике, когда увидел наш поцелуй с Максом. А пить действительно хотелось. Горло пересохло от переизбытка эмоций.

8

Лимаксион Оджифаэрс

Я стоял на пятом ярусе и с яростью сжимал поручни ограждения, смотря на танцующую пару — Лису и её «друга». Он прижимал её к себе, а она доверчиво положила свою голову ему на

плечо.

Я ревновал. Настолько яростно, что прямо сейчас готов был разрушить образ мальчика-плейбоя. Или немного дебоширства мне не повредит? Зато я смогу оставить несколько синяков на лице нахального фаэрта.

Что вообще Филисити здесь забыла? Разве она не курсантка летного училища? Если так, то у неё не может быть ночных увольнительных. Более того, у неё не должно быть свободного времени. Так что она тут делает?

Неужели сбежала, чтобы сходить в ночной клуб со своим парнем? Но её поведение вселило в меня сомнение: правильно ли я понял их отношения или ошибаюсь? В любом случае, этот фаэрт мне уже не нравится.

На губах горел поцелуй с ней, никак не желавший выходить из моей головы. Кто бы мог подумать, что в попытке скрыться от надоевшей мне фанатки я поцелую не кого-нибудь, а Лису? Поцелуй мне неожиданно понравился, видимо, и девушке были не противны мои прикосновения, а когда она отстранилась...

Я пропал, потому что понял, с кем целовался. И только боги глубокого космоса в курсе, сколько сил мне стоило отпустить её, а не прижать к стене и продолжить целовать Лису, покрыв её прекрасное тело прикосновениями своих губ.

— И как так случилось, что во всем Фарэте ты встретил именно эту ороситку? — со вздохом спросил Чо, встав рядом со мной.

— Не знаю, — ответил я, сжав челюсть.

— Макс, скажи мне, как тебя могла зацепить настолько простая девчонка? Да я даже лица её не запомнил!

— У неё огромные искренние радужные глаза, которые невозможно забыть, — безэмоционально ответил я, вполне понимая недоумение друга.

Я сегодня чуть не выдал наши отношения, схватив Филисити за руку. Во мне боролись ревность к незнакомцу-фаэрту и радость при виде Лисы. Хотелось прижать её к себе и загородить от всего мира, пока не станет невозможно дышать.

— Мракс, уж лучше бы ты с ней переспал, чем вот так убиваться и терять свою личность! — раздраженно воскликнул Сотар-онг. — Я не могу тебя понять! Да таких как она — тысячи!

— Даже миллиарды, — не стал спорить я и с усмешкой посмотрел на друга, — но почему-то в мыслях она одна.

— Это ведь мимолетное увлечение, так?

— Разумеется. И оно скоро пройдет, — ответил я и посмотрел вниз, после чего оттолкнулся от перил и направился в комнату отдыха.

Сам я не был настолько уверен в сказанных словах.

Филисити МакКаст

Мне казалось, что я постоянно чувствовала его взгляд. Оборачиваясь, я никого не находила, видимо, разыгралась фантазия. Эш весь вечер был угрюмый и постоянно отбирал у меня бокалы с выпивкой.

А мне хотелось забыться! Навсегда вычеркнуть из памяти глаза Макса, его нежный смешливый взгляд, добрую улыбку и страстный поцелуй. Никогда больше его не вспоминать! Вот только чтобы не вспоминать, нужно для начала как-нибудь забыть...

— Пора возвращаться, — раздался сзади голос Аста-Аза.

Мы сидели за барной стойкой вместе с Эштоном. На голос друга мы обернулись вместе, и фэрт помог мне спуститься с высокого стула. Я оглядела всю нашу компанию — изрядно подвыпившие, но счастливые.

Уже направляясь к выходу, я нашла взглядом Макса. Он неотрывно смотрел на меня, и реальность уплывала из-под ног. Наша встреча здесь казалось невозможной, но разве она более удивительна, чем та, которая произошла на спейс-шаттле?

— Фил, идем, — дернув меня за руку, позвал Эштон, и я послушно направилась за ним, потому что уйти самой у меня не хватило бы сил.

На территории училища мы пробрались так же и залезли через окно в мою комнату. Тут Аста-Аз раздал всем препарат, снимающий симптомы похмелья. На сон уже времени не было, первой парой всё равно была история летательных аппаратов, так что там можно поспать.

Переодевшись и помывшись в душе, мы пропустили утреннюю пробежку и сразу пришли на лекцию. Аудитория была погружена в полутьму, так как работал проектор с объемной голограммой под потолком летательных агрегатов. Эш потянул меня к задним партам, но я отрицательно покачала головой.

— Если сяду назад, то точно засну. Вас никто не заметит, а на меня обязательно обратят внимание преподаватели.

Эштон кивнул, согласившись с моей логикой, и я прошла к первой парте. Опустившись на скамью, я сложила руки на столешнице и опустила голову. Как же хочется спать!

— Доброго утра, студенты! — провозгласил лейссор, проходя в аудиторию. Я поморщилась и поднялась на ноги.

Встретив преподавателя и поздоровавшись, мы вновь могли опуститься на свои места и слушать лекцию. Весь час я боролась с сонливостью и жутко завидовала друзьям, которые спали на задних партах, некоторые даже похрапывали.

— Конструктор последней модели спейс-шаттла — тартарианец, — закончил предложение лектор и оглядел аудиторию. Усмехнувшись, он тем же тихим размеренным голосом продолжил: — Сейчас все, кто слушает меня, останутся сидеть на своих местах, когда я скажу «рота, подъем!» А те, кто спят, встанут со своих мест. Внимание. Рота, подъем!

Я сделала над собой усилие, чтобы после зычного голоса преподавателя усидеть на скамье, а вот мои друзья, как и еще пара студентов, подскочили со своих мест и сонно заозирались по сторонам. Однокурсники хихикали, а я сочувственно смотрела на Эштона.

— С добрым утром, курсанты, — весело произнес лейссор и прошел к интерактивному журналу. — Наряды вне очереди всем спящим.

Но на этом наши проблемы не закончились. По окончании первой пары нас вызвали на ковер к ректору. Его кабинет нам был уже знаком до мелочей, поэтому мы удобно устроились на диванах и стали ждать приговора. Если ответственности нельзя избежать, её надо принять.

— Определенно, с начала семестра вы так и не поумнели. Мои надежды на единственную благоразумную девушку рухнули, — со вздохом отозвался глава академии, развернувшись в кресле и посмотрев в панорамное окно.

Через него проглядывался плац, на котором сегодня бегали старшекурсники. Мы с друзьями переглянулись, но ректор не спешил продолжать речь.

— А нас наказывать будут? — осведомился Матар.

— Я думаю, — отозвался ректор. — Проблема в том, что наказать вас и не наказать одновременно всю академию невозможно. Вот и думаю, как сократить ущерб для академии до минимума. Значит, так. Вы остаетесь без летних каникул.

— Что?! — вместе воскликнули мы.

— А что вас не устраивает? — развернулся к нам ректор. — Вашу энергию необходимо направить в правильное русло, чтобы больше не сбегали из академии, когда вздумается. Именно поэтому я назначаю вам кураторов на летнее время, и вы сможете принести пользу обществу.

— Волонтерство? — удивленно переспросил Матар.

— Так точно, курсант. Указы издам позже. Свободны. — Ректор махнул рукой, и мы поднялись со своих мест. — Ах да, чуть не забыл. За пропуск сегодняшней строевой каждому по два наряда вне очереди. Все, свободны, курсанты.

Кабинет ректора мы покидали с кислыми минами. Поэтому решили, что следующую пару мы точно можем пропустить и отоспаться. Хуже всё равно не будет.

Вот так и проходила сумасшедшая и веселая учеба. Не сказать, что все давалось легко, наоборот — я поняла, что значит делать над собой усилие. С одной стороны, мне были непривычны такие интенсивные физические нагрузки, к которым добавлялись еще и умственные, а с другой — учиться в преимущественно мужском коллективе для меня было сложно.

Парни говорили всё, что думали, вели себя откровенно и вызывающе, иногда пренебрегали этическими нормами. И только со временем я поняла, что говорить только то, что думаешь, — это искренность, откровение — это рамки возраста, а этикету можно обучить даже зверей.

С медсестрой, работающей в медотсеке, мы устроили анонимный конкурс на самый красивый мужской торс в голосети на сайте нашего учебного заведения. И кто бы мог подумать, что он начнет пользоваться успехом! Парни наперебой расхваливали себя, но выбрать нам предстояло только одного.

Мне нравились худощавые, но стройные, с кубиками пресса, как у Макса. Моей знакомой

больше по душе были накачанные здоровые мужчины. Именно поэтому мы долго метались между двумя участниками, но в итоге выбрали тело с буграми мышц.

И каково же было наше удивление, когда узнали, что это преподаватель строевой подготовки, фейсбор Форхат-онг! Теперь на его занятия я ходила с покрасневшими от смущения ушами, а тот усмехался и подмигивал мне.

И как ему объяснить, что я голосовала за другой торс, как оказалось позже, принадлежащий Эштону?! Но в итоге я склонилась на сторону бескомпромиссной подруги, и вот он, результат! Уж лучше терпеть насмешки Эштона!

К счастью, даже этот инцидент забылся к концу семестра, но Форхат-онг не упускал случая напомнить мне об этом.

Однокурсники со временем повзрослели и приняли к сведению, что с ними учится утонченная девушка, но при этом не перестали считать меня своим в доску «парнем». Может, кто-то из них и хотел увидеть во мне девушку, но слух о моей ориентации прочно засел в головах парней, да и стена из пятерых друзей не давала проходу другим представителям мужского пола.

Время никого не жалеет и сломать способно любого, вот так и я стала понемногу становиться другой — более рассудительной и менее доверчивой, и вместе с тем продолжала оставаться отзывчивым человеком, который не бросит в трудной ситуации. Я помогала с учебой всем в группе, и сокурсники отвечали мне помощью в тех предметах, где я откровенно «плавала», например, на военной кафедре.

Форхат-онг закатывал глаза каждый раз, когда я маршировала по плацу под смешки своих однокурсников, и между тем я стала той, на кого обращали взгляды, кто мог сплотить команду и был её якорем. Я была той, с кем хотели поговорить после длинного учебного дня.

В каждой компании есть свои минусы и свои плюсы, но я привыкла к тому, чем жила каждый день.

Часть 3

1

Все училище готовилось к предстоящей летней сессии, атмосфера была одновременно радостная в преддверии каникул и напряженная из-за экзаменов. К родителям мне слетать так и не удастся, поэтому вся надежда была на следующие летние каникулы.

Когда все курсанты разъехались по домам, мне и моим друзьям на коммуникатор пришли приказы ректора о нашей внеплановой месячной практике. В письме содержались контакты куратора, а на денежную карту поступили средства для оплаты перелета и мелких расходов.

Сейчас мы обедали и параллельно читали приказ ректора, сетуя на несправедливость судьбы. Парни еще в первом семестре объединили два стола, чтобы мы сидели все вместе.

Проучившись уже год, мы в теории умели управлять летательными аппаратами, знали все типы и могли хоть спросонья рассказать конструкцию любого двигателя, но между тем каждый из нас желал взять в руки штурвал и взмыть в небо.

— Фил, у тебя на подносе нет лишнего пакетика соли? Это каша ужасно пресная, — поморщился Аста-Аз.

— Держи, — кинул соль Эштон, и я ему благодарно улыбнулась.

— Я просил у Фил, — недовольно ответил азеанец.

— Соль, значит, не нужна? — хмыкнул Матар. — Отдавай обратно.

— Нужна! — воскликнул наш главный умник, удерживая пакетик, и ребята рассмеялись.

Я искренне полюбила своих однокурсников, которые оказались открытыми и честными, они были настоящими, со своими амбициями и желаниями.

— Как курсовой проект по пилотированию сдавать будем? — спросил Матар, сложив руки в замок и подперев ими подбородок. — Декан в прошлом году завалил нескольких ребят, хотя был зачет, в этот раз на экзамене он будет зверствовать. Обязательно поставит на симуляторе самый сложный уровень, добавит побольше турбулентности и туманности.

— Ага, а еще один из двигателей отключит, — мрачно добавила я.

— Именно! — подтвердил оросит. — И нам надо будет как-то справиться. Как насчет того, чтобы заранее потренироваться?

— Ты думаешь, майссор разрешит нам воспользоваться тренировочной комнатой? — скептически спросил Эштон.

— Нет, конечно, — отрицательно покачал головой Матар. — Но можно же туда пробраться ночью.

— Всех засечет. Мы не сможем быть тихими, — резонно заметила я, и друзья не могли со мной не согласиться. — Мы это уже проходили сотни тысяч раз. И все время драим этот мраковский плац.

— Мы можем создать график вылазок, — не сдавался Матар. — Например, мы с Филисити пойдем туда сегодня, Эштон и Аста-Аз завтра и так далее.

— Если Фил с кем-то и пойдет, то только со мной, — бескомпромиссно заявил Эш, и Матар закатил глаза.

— Ладно, пойдем втроем, — согласился он, будто с императорского плеча мантию отдал.

— Нет, я определенно в этом участвовать не буду, — серьезно ответила я, наученная горьким опытом прошедшего года.

— Такую идею на корню обломать, — вздохнул Аста-Аз, и однокурсники больше не возвращались к этой теме.

Я, доев основные блюда, взялась за десерт. Придвинув к себе кружку какао, бросила туда два кусочка зефира. Проследив за моими действиями, Матар спросил:

— А ты когда-нибудь ела зефир на огне?

— Только растворенный вот такой пенкой в какао, — ответила я.

— Эх ты, можно сказать, что сладость жизни не ощутила, — ответил оросит и достал из кармана зажигалку.

Распаковав чистую вилку, он нанизал на неё зефир и поджег на расстоянии нескольких сантиметров. Уголки зефира начали таять, и он сам приобретает округлую форму. Удовлетворенный своей работой, парень передал вилку со сладостью мне.

— Спасибо, — поблагодарила я и аккуратно, чтобы не обжечься, положила в рот зефир. Мои глаза расширились от удивления и удовольствия. — М-м! Как вкусно! Напоминает сахарную вату! Та-ак сладко!

Парни рассмеялись, после чего наперебой начали готовить мне зефир, пробуя его и сами. На нас оглядывались сокурсники с других столов, кто-то даже стал повторять за нами. Впрочем, за нами часто кто повторял, так что в этом уже не было ничего удивительного.

Ужин окончился, и я в компании однокурсников отправилась в общежитие. Они все вместе проводили меня до комнаты и хором пожелали спокойной ночи. Я улыбнулась.

— Сладких снов, — ответила я друзьям и зашла в свою комнату.

Сев за стол и достав коммуникатор, я просмотрела сообщения — здесь не было ни одного от того, к кому стремилось моё сердце. Так странно, что я подсознательно жду его звонка, хотя делаю вид, что просматриваю любые входящие.

Макс ни разу не позвонил, а я вновь и вновь прокручивала его голографические снимки, найденные в голосети. Из кинетического песка я периодически лепила новый бюст, лицо которого отображало очередную эмоцию Макса.

Перед сном я долго рассматривала полюбившийся профиль. Он преследовал меня даже во снах, но не появлялся в моей жизни.

— Итак, кто пойдет сдавать первым? — спросил капитан Ростол-Аз, внимательно оглядев аудиторию.

Курсанты вжали голову в плечи и с намеком поглядывали на единственную девушку в группе. Я пыталась откреститься от этих взглядов, но тщетно: это заметил преподаватель.

— Курсантка МакКаст? Прошу ко мне.

Вздыхнув и бросив на предателей-однокурсников убийственный взгляд, я поплелась к Ростол-Азу.

Результатом сегодняшнего экзамена для меня стал высший балл, а для остальных первокурсников — вполне приемлемые отметки.

Три недели пролетели незаметно, и вот уже сессия подошла к концу, и завтра все полетят домой на каникулы, а наша компания — отбывать срок наказания.

Меня отправили на курортный спутник Фореста — одной из планет Фаэрской системы. Здесь меня ждал куратор — известный конструктор турбодетандеров, используемых в топливном

отделении звездолетов. Сейчас он был на пенсии, но занимался разработкой новых конструктивных особенностей, вот меня и отправили к нему.

Покупая электронный билет в терминале, я вспоминала события годичной давности. А ведь тогда я была совершенно необученная девчонка, которая ничего не смыслила в технике. Теперь же меня смело можно назвать социальным гуманоидом Фаэрской конфедерации.

Перелет длился двадцать шесть часов. На спутнике в это время было жарко. Фар — звезда системы — палил нещадно, и в моей военной форме я чувствовала себя некомфортно, хорошо, что камуфляжная кепка уберегала от теплового удара. Чем-то погода напоминала мне Орео, поэтому мне даже взгрустнулось. Так хотелось бы увидеть родителей!

В космодроме меня никто не ждал, но благодаря геолокации на коммуникаторе я смогла найти и остановку, и маршрут, по которому можно было добраться до коттеджа наставника.

Приехав туда, поняла, что с терминами я сильно погорячилась. Дом куратора был больше похож на свалку, обнесенную сеткой и колючей проволокой. Стоял он особняком ото всех, так что с остановки пришлось идти еще километра два.

Прикрыв глаза рукой от солнца, я поморщилась и направилась к воротам. Позвонив в панель управления, стала дожидаться ответа, но его так и не последовало. Я бросила взгляд в сторону. На линии горизонта виднелся чудесный зеленый лес. Вот бы сходить туда как-нибудь! Но сначала мне нужно попасть к куратору. Простояв минут десять на солнцепеке, я нахмурилась и посмотрела на коммуникатор.

К сожалению, сейчас он был бесполезен: на идентификационном номере куратора были отключены голосовые и голографические вызовы, принимались только текстовые сообщения, так что я даже не могла позвонить ему.

— И что мне теперь делать? — риторически спросила я, пнув ворота.

В это же мгновение из-за поворота выскочил металлический робот на четырех лапах, принявшийся рычать на меня за сеткой. Я отпрыгнула, и питомец начал своей лапой тянуться через ограду. И кто создал такое чудо техники?

— Като, назад! — раздался оклик хозяина, и зверь, поджав электронный хвост, побежал к нему.

Я облегченно выдохнула и через ограду глянула на куратора-фаэрта. Его виски уже тронула седина, и длинные волосы были собраны в хвост на затылке. Темные защитные очки скрывали большую часть худого лица, изрезанного морщинами, но при этом фигура мужчины была подтянутая. Джинсовые брюки и жилетка протертые, видимо, на планету мой куратор выбирается нечасто.

— Добрый день! Я курсантка летного Фарэтского училища Филисити МакКаст! — прокричала я, и мужчина кивнул, направившись ко мне и открыв ворота. — Спасибо.

— Какая ты худенькая, — хмыкнул собеседник.

— Зато мускулистая! — ответила я, согнув руку в локте.

— Это хорошо. На кухне пригодится сила.

— На кухне? — изумленно переспросила я.

— А ты думала, я тебя до конструкций допущу? — Он вновь хмыкнул. — Тем более, пока не увижу, на что ты способна. Меня зовут Эжелион. Можешь звать меня мастер Эж.

— Так точно, мастер Эж! — воскликнула я, приложив два пальца к виску, тем самым отдавая честь.

— Идем, покажу тебе твою комнату. Летом здесь отключают горячую воду, так что мыться можно только в летнем душе. Можешь сполоснуться и отдохнуть. Наверное, в форме жарко?

— Я надела «полевку», но все равно не ожидала, что тут так жарко, — отозвалась я и сняла китель, перекинув его через локоть.

Мастер Эж кивнул и повел меня к стеклопластиковому зданию в форме ангара. Когда мы проходили мимо железного каркаса, обнесенного панелями, куратор объяснил, что именно это и есть душ. Наверху каркаса был закреплен огромный металлический бак, вода в котором нагревалась за счет энергии Фара.

Когда мы вошли внутрь здания, то тут же сняли обувь. К моему удивлению, здесь был деревянный пол. Техника здесь была не навороченная, а скорее устаревшая. Сам дом был с витражными окнами и раздвижными дверями, стены были совсем тонкими. Наверное, здесь слышно каждый шорох.

— Сюда, — позвал меня мастер Эж дальше по коридору и раздвинул двери, проходя в небольшую комнату.

Удивительно, но внутри был деревянные шкаф и тумбочки, стол, два стула и низкая кровать. Обычно мебель была вмонтирована в стены, но здесь такой интерьер, наверное, был обусловлен толщиной стен.

— Сначала придется убратсья. Все моющие средства и оборудование ты найдешь в кладовке. Еда в холодильнике, буду признателен, если ты что-нибудь приготовишь. Удачи. Я пойду. У меня много дел, — сказал Эжелион и направился к выходу.

— А вам помочь не надо? — поспешно спросила я.

— Помоги готовкой. В остальное не лезь.

И он ушел, оставив меня в полном недоумении. Отличная практика у меня выйдет — будто на поварском факультете обучаюсь, а не на эксплуатации летательных агрегатов!

Убравшись и разложив вещи, я отправилась на кухню. Готовила я неплохо, часто помогала маме на кухне, хотя здесь были новые овощи и фрукты, вкус и применение которых приходилось искать в голосети. В итоге у меня получился острый суп с морепродуктами и жареные овощи на гарнир к мясу.

— Вкусно пахнет, — войдя на кухню, произнес куратор. — Кажется, ближайшие три недели я смогу нормально питаться.

— Вы обычно не готовите для себя? — спросила я, расставляя тарелки на стол, пока мастер Эж мыл руки.

— Только если прилетает внук. Мужчины так устроены, что о себе позаботиться можем, но не

любим это дело. То же и в готовке, — пояснил куратор, присаживаясь за стол.

— И часто вас навещает внук? — из вежливости спросила я.

— Совсем нечасто, — ответил Эжелион и попробовал суп. — О, очень вкусно.

— Спасибо, — поблагодарила я, тоже приступив к еде.

Когда мы поели, я загрузила грязную посуду в моечную машинку. Куратор оценивающе смотрел на меня и неожиданно проявил заботу.

— На тумбочке в коридоре стоит бочонок с мазью. Каждый вечер после душа нанося ее на тело, чтобы не было ожогов. Наша звезда горячая. Понимаю, что ороситы привыкли к жаре, и все же не рискуй своей красотой.

— Благодарю, — ответила я, смутившись, и мастер Эж кивнул и ушел к себе в комнату.

Странный день. И куда меня отправил ректор? Надо позвонить Эштону и спросить, как у него прошло знакомство с куратором. Здесь я разговаривать не стала, стены были слишком тонкие, так что мой разговор будет слышен Эжелиону, поэтому я взяла коммуникатор и вышла на улицу.

Фар уже зашел за горизонт. На улице было тепло и уютно. Я вдохнула и подошла к беседке, разместившись на качелях. Эштон не ответил, и позже перезвонил сам.

— Привет, Фил. Прости, только окончился трудовой день.

— И как все пришло? — полюбопытствовала я.

Эштон лежал на кровати в современной комнате со встроенной в стены мебелью. Наверное, у него обычная практика и комната в общежитии, а не такая, как у меня.

— Ужасно! Мы с Аста-Азом вкальваем без перерывов. Знаешь, что мы делали? Очищали энергокотел, Фил! В гироботинках, на лету!

Пока я слушала друга, я дотянулась до ветки дерева, растущего рядом с беседкой, и сорвала зеленый фрукт круглой формы. На вкус он оказался горьким, поэтому я отложила его в сторону.

— Эш, а ты чего жалуешься? Вы с Матаром сами были инициаторами той вылазки, — с усмешкой отозвалась я и, сменив виджет, нашла в голосети информацию о фрукте.

В голосети он носил название «литтелла» и выращивался только на этой планете. Но времени узнать о нем больше не было, поэтому я сменила виджет на голограмму с другом и продолжила разговор.

— Хорошо-хорошо! А ты бы могла посочувствовать. — Фаэрт наигранно вздохнул и спросил: — Ты там как? Надеюсь, не сильно перегружают?

— О, я тут даже не находила свободной минуты, чтобы вздохнуть, — едко ответила я и призналась: — У меня какая-то продовольственная практика. Куратор попросил меня готовить ему. Может, потом еще какие-нибудь дела найдет.

— Фил, ты в курсе, что ты безумно везучая?

— Знаю, — тихо ответила я и грустно улыбнулась.

Как объяснить ему, что в жизни важно быть не везучей, а счастливой?

С другом мы поговорили еще около двух часов, обсуждая все на свете, а потом отправились отдыхать. Перед сном я зашла в душ, вымылась и нанесла на тело мазь, как и советовал куратор. Небо было укрыто звездами, когда я возвращалась в дом. И я подумала, что моё наказание имеет и свои положительные стороны, только я не ожидала, насколько оно изменит мою жизнь.

2

Мазь мне действительно оказалась необходима, потому что Фар был беспощаден в это время года на спутнике. Проснувшись, я умылась, позавтракала и отправилась искать куратора. Он нашелся в одном из ангаров, где перебирал мелкие запчасти в ящиках.

— Вам помочь? — спросила я, подходя ближе.

— Нет, я справлюсь, — бросив на меня мимолетный взгляд, отозвался Эжелион.

— Вы так боитесь моей помощи? — улыбнулась я, присев рядом и взяв в руки сопловую лопатку турбины.

— Последний раз у меня на практике была девушка с твоего факультета, — начал рассказ мужчина, — лет сто назад. Так вот, она тоже рвалась помочь. Знаешь, как она мне помогла? Все смазанные маслом детали вымыла и вычистила.

— Так они же корродируют! — воскликнула я, приоткрыв рот.

Куратор хмыкнул, взял одну деталь и положил остальные в ящик. Я тоже вернула лопатку на место и направилась вслед за куратором на выход.

— Я рад, что ты это понимаешь. Но у меня правда нет для тебя работы. Если хочешь, можешь просто побыть рядом со мной. Я люблю время от времени тешить себя разговорами с молодым поколением.

— С удовольствием! — откликнулась я, широко улыбувшись.

Вот так я и стала надоедливой «почемучкой», интересующейся всем и вся. Я рассматривала детали, спрашивала все о конструкции и физических процессах, протекающих как в природе, так и в двигателях кораблей. Мастер Эж оказался интересным рассказчиком, намного лучше многих преподавателей в училище. Как-то я высказала эту мысль вслух.

— Мой внук тоже все время жаловался на лекторов. Эх, молодежь, вам знания дают, а вы кривитесь.

— Ваш внук давно окончил обучение?

— Лет двадцать назад, но обучением это сложно назвать. В университете он появлялся редко, а все экзамены сдавал на «отлично». По-моему, он у меня был чаще, чем в университете, — рассмеялся Эжелион, отчего вокруг его глаз образовывалось еще больше морщин.

— Вы любите его, — констатировала я, взяв в руки металлическую шпильку и перекатывая её на ладони.

— Да как его не любить? Он моя гордость. Видела бы ты его! Красивый, статный, умный, к тому же очень серьезный, хотя говорят о нем всякое. Только не верю я всем сплетням, так как знаю своего внука лучше всех.

— Вы так его хвалите, что я ведь и влюбиться могу!

— Не влюбишься. В твоём сердце уже есть кое-кто. Иначе с кем ты по вечерам разговариваешь? — с лукавым блеском в глазах спросил Эжелион, и я смутилась.

— Это мой друг, а не возлюбленный!

— Нынче дружите вы странно, — пробурчал фазрт.

— Зато любим так же искренне, — отозвалась я, и куратор покачал головой, но счастливая улыбка не сошла с его лица.

Уже прошла неделя практики. Я мыла по утрам полы, вечером готовила, а днем проводила все свободное время с мастером Эжем. К серьезной работе мастер меня не допускал, так как утверждал, что любит все делать и контролировать сам, а вот за готовку он мне очень благодарен.

Я подружилась с Като — у него был искусственный интеллект, поэтому с ним можно было даже поговорить. Если мне было грустно, он запрыгивал на колени и начинал скулить, а если весело — то прыгал вокруг и тьякал. Наблюдать за ним было умирительно.

— Как прошел сегодняшний день? — спросил Эштон, когда мы вновь созвонились.

— Так же, как и предыдущий. Дни идут, а их содержание не меняется, — ответила я, и друг рассмеялся.

Я делилась с ним разговорами с куратором, но при этом не могла выразить своей тоски, рассказать, что я все чаще думаю о Максе. Его образ преследует меня, он будто въелся в память и не хочет её покидать.

— Все с тобой понятно, — протянул друг, и мы продолжили пустяковую беседу.

Во дворе отключилась половина светильников, что не удивительно — время уже позднее. Я попрощалась с Эшем и отправилась в дом, чтобы захватить ваннные принадлежности и сходить в душ.

Я ловила себя на мысли, что мне нравится местное спокойствие. В училище был бешеный темп, строевая, лекции, шумная столовая, симуляторы полета и, конечно, мои друзья, которые не давали мне заскучать.

Об этом я думала, пока мылась в душе. Отключив воду, я вытерлась полотенцем, открыла банку с мазью и принялась втирать её в кожу. Я как раз нагнулась и обмазывала ноги, когда дверь неожиданно открылась. Вскрикнув, я схватила с вешалки полотенце, но так и застыла с ним руке, пока вошедший мужчина таким же изумленным взглядом смотрел на меня.

И вот как можно было второй раз попасть в настолько компрометирующую ситуацию? Почему только куратор здесь замок не сделал, хотя бы древнюю защелку не поставил?!

— Лиса?!

Его оклик вернул мне возможность управлять своим телом, поэтому я, залившись жгучим румянцем, обмоталась полотенцем и взглянула на вошедшего. Скинув первое шоковое состояние, мужчина прошелся жадным взглядом по моей фигуре и вновь вернул взор к моим глазам.

— Лиса? — еще раз повторил он, будто предполагал, что зрение его подводит.

— Макс? — в тон ему спросила я.

И как из всех гуманоидов необъятной конфедерации здесь мог оказаться именно он? Почему наша следующая встреча произошла настолько неудачно? Я стою в душевой и прикрываюсь полотенцем, кожа блестит после нанесения мази, не говоря уже о мокрых волосах, находящихся в полном беспорядке.

— Что ты здесь делаешь? — привалившись плечом к хлипкому косяку, спросил фаэрт.

Надеюсь, эта стена выдержит, и мой внешний вид не станет достоянием еще и мастера. Хотя уж лучше бы мастера, уверена, тот бы не смотрел на меня таким жарким взглядом. И я бы уж явно не реагировала так остро на его внимание.

— Стою, — смущенно ответила я, поправив на груди полотенце, — и даже пытаюсь прикрыть своё тело, но это получается плохо, а ты никак не додумаешься выйти и дать мне возможность одеться.

— А если мне не хочется? — нахально спросил фаэрт, и я округлила глаза. — Ладно, одевайся.

Царственно позволив мне облачиться в одежду, Макс вышел из душевой, оставив меня в полном недоумении.

Ноги подкосились, и я осела на пол. Как мой контрабандист здесь оказался? Может, я сплю? Я даже ущипнула себя. Нет, это происходит наяву.

Поднявшись на ноги, я быстро оделась и вышла из душа. Макс держал в руках полотенце и с легкой улыбкой смотрел на меня. Мы оба не знали, как начать разговор. Наши встречи были все более непредсказуемые с каждым разом. Интересно, что преподнесет нам судьба на следующем повороте?

— Лиса, это удивительно, но судьба над нами шутит, — нарушил молчание фаэрт.

— Мне бы польстило, если бы удивительной ты считал именно меня, а не судьбу, — отозвалась я, смущенно отводя в сторону взор.

— Тебя я уже давно считаю восхитительно удивительной, — прошептал фаэрт, и мы встретились взглядами.

Я не ослышалась? Он сейчас действительно сделал мне комплимент? Эту звездную дату надо вбить в поисковую систему, как знаменательный день в истории конфедерации.

— Так что ты здесь делаешь, Лиса? — спросил Макс, взъерошив свои волосы ладонью.

— Прохожу внеочередную практику, — пожал плечами, ответила я и призналась: — То есть отбываю наказание.

— Наказание? Так ты плохая девочка? — с лукавой пьянящей улыбкой спросил Оджифаэрс.

— А какой бы ты хотел меня видеть? — вопросом на вопрос ответила я.

Мы молчали, жадно смотря друг на друга. Сегодняшние звезды светили только для нас, и я готова была поверить даже в существование магии, ведь волшебство между нами было практически ощутимо.

— Я бы хотел видеть тебя настоящей, — наклонившись ко мне, проговорил Макс и сглотнул.

Дыхание перехватило. На моих щеках вспыхнул румянец, и я отвела взор. Макс же так и не отодвинулся, его глаза заалели. Опасаясь собственных чувств, я сменила тему:

— Так как ты здесь оказался?

— Приехал к деду, пока время свободное выпало.

Макс явно нервничал. Он то запускал руку в карман гофрированных брюк, то оправлял футболку, то кусал губу. Мне было настолько же неловко и волнующе, и даже его оранжево-красные глаза не помогли мне расслабиться.

— О, как неожиданно, — отозвалась я, вспомнив рассказы куратора о своем любимом внуке.

Так вот тот самый красавец-умник-богач? Вспомнилось, что мы с мастером разговаривали и о моей влюбленности, при этом куратор не опасался, что я влюблюсь в его внука. Конечно, бояться этого вовсе не стоит, ведь невозможно влюбиться дважды в одного и того же гуманоида.

— Что ж, тогда я в душ, — кивнув в сторону кабины, сказал Макс. — Поговорим обо всем завтра, хорошо?

— Уже не терпится узнать, как ты объяснишь своё поведение в клубе, — вызывающе ответила я.

— О, моё поведение? — Фаэрт хмыкнул, сложив руки на груди. — Это мне хочется узнать, что же в ночном клубе делала курсантка военного отделения.

— У меня есть железобетонное оправдание: меня силком притащили туда друзья! Кстати, — я наклонилась ниже и сделала вид, что выдаю страшный секрет, — именно та выходка и обошлась мне этой практикой. Может, это ты подстроил, чтобы мы встретились здесь?

— Если бы это был я, — наклонившись ко мне и практически касаясь моих губ, в таком же заговорщицком ключе начал фаэрт. Я уже приготовилась услышать страшную правду, когда он резко отстранился, обвел рукой территорию и продолжил: — ...то я бы выбрал место практики более живописное, чем дедова свалка!

Мы застыли, а потом вместе рассмеялись, неотрывно смотря друг на друга. Прошедший год не только не разрушил нашу связь, но и вывел её на новый уровень. Расстояние, которое нас разделяло, немного сократилось, хотя время должно было, наоборот, его увеличить. Или я только хочу думать о нашем сближении?

— Спокойной ночи, — прошептала я, поправив свои волосы и улыбаясь.

— Боюсь, что я теперь вовсе не смогу заснуть после увиденной в душе картины, — с шумом втянув воздух и отвернувшись, ответил Макс.

Я нашла это удачным поводом сбежать в дом. Улыбка не покинула моего лица и в комнате, а бешеное сердцебиение долго не давало мне заснуть. Неужели моё везение поможет мне стать счастливой?

Знаю, что мы из разных миров, но кто запрещает мне мечтать?

Проворочавшись в кровати до поздней ночи, я не выдержала и поднялась на ноги. Рука потянулась за формой, но я одернула себя и достала цветастый сарафан. Распустив высушенные волосы, я взглянула на себя в зеркало.

Белые в тусклом свете волосы мягкими локонами ложились на плечи, глаза блестели, рот приоткрыт, выдавая мое волнение. Я приложила ладони к щекам, чтобы снять румянец.

Спокойствие, только спокойствие. Нужно немного прогуляться, чтобы остудить свой пыл.

Я выбежала из дома на улицу, втянув в легкие теплый воздух, но даже он казался ледяным по сравнению с воспламенившимся сердцем. Оглянувшись на дом, я быстрым шагом направилась к беседке, так полюбившейся мне за время практики.

Но уже на подходе к ней я остановилась и застыла, смотря на мужскую фигуру в тусклом свете нескольких фонарей. Макс стоял ко мне спиной, заложив руки назад и смотря на небо.

На нем были темные брюки и светлая футболка свободного кроя, скрывающая его идеальную фигуру, делающего из него мальчишку, а не взрослого мужчину. Я хотела развернуться и уйти, но Макс внезапно обернулся и окликнул меня. Я застыла на месте.

— Не можешь заснуть? — мягко спросил Лимаксион, и я неуверенно кивнула, обведя носком сандалий полукруг на земле. — Лиса, подойди ко мне.

Я подняла на него растерянный взгляд и, на миг засомневавшись, сделала несколько шагов вперед и вложила ладонь в протянутую руку. Приказы Макса для меня не обсуждаются, словно он высшее начальство не только для моего сердца, но и для мозга. Задержав взгляд на наших сомкнутых руках, я сделала несколько шагов вперед и поравнялась с фэртом.

Он посмотрел на меня с легкой улыбкой, сдвинувшись в сторону, чтобы встать позади меня, и потом указал на небо. Я подняла голову, но едва ли что-нибудь увидела перед собой. Каждой клеточкой своего тела я ощущала близость Макса и думала лишь об этом

— Смотри, сегодня созвездие Разлученных влюбленных появилось на небе. Его можно заметить лишь дважды в год, — прошептал Макс.

Я промолчала, хотя по телу пробежали мурашки от его тихого голоса. Время, остановись! Дай насладиться секундой еще нескольких тысячелетий!

— Ты разбираешься в созвездиях? — нарушила тишину я.

— Только своей системы, — ответил мужчина и, обняв меня за плечи, прижался щекой к моей макушке. — Ты не замерзла?

Замерзла? На улице так тепло! Как можно замерзнуть в это время года?

И вопреки здравой логике я ответила:

— Немного.

Кажется, он улыбнулся, прижав меня к себе теснее.

— В детстве я мечтала улететь с Орео, — тихо начала я, продолжая смотреть в небо. — Со временем я поняла, что моя мечта несбыточна. Я никогда не забуду горький привкус разочарования, я ведь была уверена, что не увижу другие звезды и планеты.

— Наверное, ты никогда и не думала, что будешь прятаться на спейс-шаттле и выпрыгнешь в скафандре в открытый космос с совершенно незнакомым мужчиной, — со смехом сообщил Макс.

Я пихнула его локтем в живот, но он не отпустил меня, лишь на мгновение отодвинулся и рассмеялся еще громче. Я тоже улыбалась, не в силах поверить, что с тех событий прошел уже год.

— Не такой уж ты и незнакомый, — едко ответила я, обхватив ладонями руки Макса.

— А какой я, Лиса? — спросил он, нагнувшись.

Я повернула голову, подняв её вверх, и посмотрела на Макса. Кончик моего носа касался его, и мы просто смотрели заворожённо друг другу в глаза.

3

Макс медленно склонялся ко мне, и я думала, что вот сейчас будет мой первый поцелуй, но...

— Лиса, а ты наносишь на тело мазь от загара дедушкиного производства? — неожиданно спросил он и нахмурился.

— Да. Мастер Эж настоял на этом, — растерянно ответила я, и Макс отпустил меня и, сделав шаг назад, чихнул.

Потом еще раз и еще. Я обеспокоенно глядела на него, борясь с желанием подойти ближе. Наконец, он выпрямился. Его глаза покраснели и заслезились. В моих глазах стоял немой вопрос.

— У меня аллергия, — пояснил фаэрт, — на один из компонентов. Прости, мне лучше пойти в дом и выпить лекарство.

И он еще раз чихнул и ушел в дом, оставив пунцовую от смущения меня стоять в беседке. Сев на качели, я схватилась за голову и неожиданно рассмеялась. И куда пропала моя удача?!

Но зато этот инцидент снял напряжение, царившее между нами.

На следующее утро просыпалась я с опаской, что вчерашний вечер оказался лишь сном и плодом моего воображения. Открыв глаза, я повернулась на бок и воспроизвела в памяти

события, после чего поднялась с кровати и оделась.

В ванную я пробиралась на цыпочках, зная, что мастер просыпается обычно позже. Взглянув в витражное окно, я облегченно выдохнула, увидев на улице Макса, играющего с Като. Фэрт кидал ему диск, а тот с визгом и лаем приносил его обратно. Интересно, а кто создавал программу для Като?

Впрочем, это не так важно. Намного важнее то, что Макс мне всё же не привиделся. Улыбнувшись, я зашла в ванную и умылась водой, нагретой на солнечных батареях. После этого я отправилась на кухню, чтобы приготовить завтрак.

Когда я сделала тосты с маслом и джемом, расставив все на столе вместе с кружками горячего шоколада, вошел Макс. Я заметила его боковым зрением, но специально не обернулась, не зная, какую тактику поведения выбрать. Сделать вид, что вчера ничего не произошло, или прямо спросить у него, какие между нами отношения?

Оба варианта мне не нравились, поэтому я решила дождаться действий Макса.

— Доброе утро, — сказал фэрт, опершись на косяк и сложив руки на груди.

— Доброе, — кивнула я, обернувшись, и продолжила растирать масло на тосте.

Макс проследил за моими действиями и подошел ближе, забрав у меня из рук хлеб. Хотя на столе уже были разложены тосты, он все равно выбрал тот, который у меня в руке. Ничего не ответив, я обошла его и направилась в комнату куратора, звать его к завтраку.

— Мастер Эж, — позвала я, постучавшись трижды.

— Он уже в ванной, — ответил Макс, и я, смутившись собственной трусости, вернулась на кухню.

Для Макса было не секретом то, что я избегаю его взгляда, но я ничего не могла с собой поделать из-за неловкости, возникшей между нами. Сев за стол, я нервно затеребила бумажную салфетку, потом отпила шоколад и чуть не обожгла губу, подавившись. Промокнув губы салфеткой, я еще больше смутилась и уставилась взглядом в стол.

— Вы уже познакомились? — спросил куратор, входя на кухню.

Здороваться было не в его привычке. Мы с Максом переглянулись, и это был первый раз, когда я встретила его прямо взгляд. Мужчина улыбнулся и подошел ближе, протянув мне руку. Его глаза были оранжево-красные.

— Лимаксион Оджифэрс.

— Филисити МакКаст, — ответила я, пожимая руку.

Эжелион сел за стол и приступил к завтраку. У Макса была другая фамилия, нежели у его дедушки. Наверное, их связывала родственная связь по материнской линии.

— Макс, ты сможешь мне с модулятором? — спросил куратор, и внук согласно кивнул.

— Разумеется. А в чем там проблема?

— Программа сбилась, и теперь я не могу тестировать новые разработки. Вообще, ты приехал

вовремя. У меня все валится из рук последнее время, — задумчиво ответил куратор, и я перевела удивленный взгляд на Оджифаэрса.

— Мастер Эж допускает тебя до своей работы?

— Просто у меня руки из нужного места растут, — со смешком ответил Макс, возмущив меня до глубины души.

— Просто кому-то повезло быть единственным внуком! — резонно возразила я.

— Лиса, — нагнувшись и сложив предплечья на стол, обратился ко мне Макс, — ты действительно считаешь, что вот этот перфекционист допустил бы меня до своей драгоценной работы, не будучи уверенным в наличии у меня мозгов и необходимых зданий, даже если я прихожусь ему внуком?

Макс неотрывно смотрел на меня. Я нахмурилась и пыталась прочесть на его лице блеф, но он смотрел открыто и искренне. Куратор переводил взгляд с одного на другого, и от него наверняка не скрылся цвет наших глаз. К счастью, он решил никак это не комментировать.

— Макс неплохой программист, — объяснил Эжелион.

— Ты хотел сказать гениальный, — парировал Макс, откинувшись на спинку стула и сложив руки на груди.

Я фыркнула и догадалась:

— Программу для Като ты писал?

— Еще на первом курсе университета, — кивнул фаэрт.

— Это все мои гены. У меня не мог родиться не одаренный внук, — пафосно сказал куратор, и я перевела на него изумленный взгляд, прочитав в глубине его глаз намек на веселье.

Ого, так он еще и шутить умеет? Неожиданно!

Макс рассмеялся, да и мастер Эж позволил себе улыбку. Его настроение явно улучшилось с тех пор, как приехал внук. Интересно, как были бы рады родители моему возвращению?

Дальше каждый занимался своими делами. Эжелион погрузился в работу, советуясь с внуком и немного поучая его. Тот был рад впитывать новые знания и часто улыбался. Я крутилась где-то поблизости, то принося чай, то слушая их рассказы и изредка вступая в беседу.

На самом деле я просто любовалась таким домашним и уютным Максом. Мы с ним переглядывались, когда дед этого не замечал, или случайно дотрагивались друг от друга. Я пыталась поскорее освободиться от телесного контакта, а Макс задерживал меня на секунду-другую.

Несколько раз я ловила на себе задумчивые взоры мастера Эжа, но он не любил распространяться о своих личных наблюдениях. Цвет глаз не всегда говорит о многом, мало ли, двое молодых людей приглянулись друг другу, с кем не бывает?

Вечером, приняв душ, я не нанесла на кожу мазь, надеясь, что моя кожа спокойно перенесет палящие лучи, и отправилась в беседку, где меня у костра ждали мастер Эж и его внук. Мы

разговаривали и ели жаренное на огне мясо. Куратор рассказывал очередную веселую историю своей юности, и мы с Максом, переглядываясь, смеялись.

— Ты не хочешь шоколада? — спросил Макс неожиданно.

— Да, я сейчас принесу, — кивнула я, но фаэрт, взяв меня за руку, усадил обратно на качели.

— Не нужно. Я сам схожу за ними.

Он ушел, и повисла неловкая пауза. Мастер Эж смотрел на меня с хитринкой. На моих щеках вспыхнул румянец, но я списала это на жар от костра. Задумавшись, я не сразу услышала голос куратора:

— Ты очень похожа на мою жену. Не внешне, конечно, а своим характером. Она тоже никогда не надоедала, не стремилась быть в центре внимания, а была тихой и при этом отважной девушкой. Она умела создавать уют и тепло вокруг себя, не покоряя мир своей красотой, а просто озаряя его своим существованием. Я тянулся к ней всей душой, но так боялся признаться в своих чувствах, что практически потерял её. А она ждала и любила только меня.

— Как хорошо, что я совсем на тебя не похож, — прокомментировал Макс, вернувшись из дома с двумя кружками шоколада.

Я смутилась его фразе, имеющей двойкий смысл, и приняла из рук фаэрта одну из кружек, обхватив белый фарфор руками.

— Просто вы, молодежь нынешнего поколения, не умеете скрывать своих чувств. Все у вас на поверхности.

— Может, это и так, но вряд ли во времена вашей молодости было по-другому, — не согласилась я, отпив шоколада. — Ваш дед тоже наверняка видел ваши чувства и делал определенные выводы, но вы об этом не знали. А влюбленные имеют свойство слепнуть от любви.

— Тебя уделали, дед, — с усмешкой прокомментировал Макс и поднялся, чтобы сорвать с дерева несколько плодов литтеллы. — Филисити, не хочешь попробовать местную экзотику?

— Ты предлагаешь мне её? Она же горькая, — поморщилась я и отпила шоколад.

Макс усмехнулся, повертел в руке зеленый плод и нанизал его на тонкие металлические прутья, после чего поднес их к костру. Языки пламени не доставали до фруктов, но отдавали им свой жар.

— Просто ты не знаешь рецепт приготовления, — задумчиво произнес Макс, переворачивая прутья другой стороной. — Знаешь, я очень люблю этот фрукт. Он необычен тем, что не дается в руки обычному обывателю. Ему нужна забота и внимание, тогда при ближайшем рассмотрении можно разгадать его секрет и полюбить. Но того, кто проявил терпение при его возвращении и применении, он отблагодарит прекрасным вкусом и ароматом.

В воздухе запахло карамелью. Зеленые фрукты приобрели коричневый оттенок, сочась, и Макс, протерев два фрукта, положил их на тарелку и передал мне.

— Спасибо, — поблагодарила я Макса, приняв тарелку и взяв в руки десертную ложку.

Первый кусочек я съела с опаской, хотя аромат шел потрясающий. Но стоило мне вкусить запеченный фрукт, как я уже принялась отламывать ложкой второй кусочек. Слаще, чем конфеты! Видимо, вся горечь ушла вместе с соком!

— М-м, как вкусно! Я не ожидала такого!

— Рад слышать, — ответил Макс и добавил: — Лиса, ты напоминаешь мне Литтеллу. Ты никогда не подпустишь к себе чужих людей, зато с родными будешь ласковой и нежной.

Мы смотрели друг на друга неотрывно. Наверное, во всем виноват отсвет костра, но глаза Макса стали практически алыми. Даже вкус литтеллы потерял свою сладость по сравнению с океаном чувств в глазах фаэрта.

— Макс... — смущенно начала я, но меня перебил куратор.

— Вот нет у вас уважения к философским умозаключениям старших! — с усмешкой воскликнул куратор, поднимаясь со своего места.

Это он так решил дать нам знать, что уходит?

— Стоит делать разграничение между философскими умозаключениями и старческим бубнежом, — подмигнул ему Макс и улыбнулся, сев рядом со мной.

— Дай мне радость поучить новое поколение, как это делал мой дед, — рассмеялся мастер Эж и погрозил внуку пальцем. — Я в твоём возрасте не был так резок в своих высказываниях.

— О, ну вот это уже особенность нашего поколения, — переглянувшись с Максом, отозвалась я.

Эжелион лукаво улыбнулся и ушел, сославшись на усталость и его почтенный возраст. Мы остались вдвоем. Макс взял мою руку, в которой я держала ложку, и таким образом заставил меня накормить его.

— Вкусный? — с улыбкой спросила я, и Макс как-то странно посмотрел на меня.

— Очень, — ответил он, наклоняясь к моим губам.

В этот момент я быстро запихнула себе в рот следующую ложку литтеллы. Фаэрт на мгновение растерялся и усмехнулся, вновь заставив меня покормить его. Когда с десертом было покончено, я отставила в сторону тарелку и положила голову на плечо Макса. Качели медленно раскачивались в такт биения моего сердца.

— У меня правда аллергия, — неожиданно высказался фаэрт. — Не веришь?

— Верю, — тихо ответила я и прикрыла глаза.

— Рад слышать. Не хотелось бы, чтобы ты думала, будто я не намеревался тебя целовать.

На это я точно не посчитала нужным отвечать. От пламени шло успокаивающее тепло, ночь сверкала звездами, а костер игриво подмигивал красными всполохами. Просидев так еще около часа, мы отправились домой, предварительно потушив огонь.

Без слов мы разошлись по своим комнатам, лишь перед прощанием Макс взял меня за руку и поцеловал кончики пальцем. Странно, на щеках уже даже не вспыхнул румянец, лишь легкая улыбка расцвела на губах. Освободив свою руку, я скрылась за дверью своей комнаты.

— Молодежь, а вы не хотите слетать после обеда на планету, чтобы закупиться продуктами? — спросил у нас во время завтрака мастер Эж.

Мы переглянулись и утвердительно кивнули. Часы до обеда текли для меня безумно медленно, мне хотелось даже взломать систему искусственных спутников, чтобы перевести время. Почему же оно так неспешно идет?

На планету мы полетели на звездолете Макса, который был пришвартован на частном космодроме неподалеку. Туда мы долетели на аэромобиле старой модели, усовершенствованной самим Максом в студенческие годы.

Стоит ли при этом упоминать, что чувствовали мы себя женатой парой? Ладно-ладно, чувствовала себя так именно я. Мне нравилось, как на планете на нас оглядываются люди, девушки завистливо косятся в сторону Макса, а он просто держит меня за руку, будто имеет на это полное право. Я прятала улыбку и позволяла ему такие невинные прикосновения.

Мы даже зашли в аптеку, чтобы купить крем от загара. Хотя я и убеждала фэрта, что это лишнее и за вчерашний день с моей кожей ничего не случилось, Макс настоял на покупке. И только после этого мы отправились в гипермаркет.

Когда мы загрузили купленные продукты в звездолет, Макс предложил прогуляться по городскому парку. Городской парк был навесным сооружением в виде прозрачного шара, внутри которого было множество переплетенных дорожек с искусственным притяжением, клумбами с яркими цветами, иногда даже плотоядными, и невероятной красоты деревьями, уходящими в высоту на несколько десятков метров.

Я с восхищением проходила мимо растений, вдыхая приятный сладковатый аромат, когда одно из них внезапно лианой опутало моё запястье. Я негромко вскрикнула и испуганно оглянулась на Макса. Тот негромко рассмеялся и дотронулся до стебля растения, чтобы оно убрало свои загибающиеся лианы от меня.

— Оно живое? — удивленно спросила я, когда Макс взял меня за руку и мы продолжили прогулку.

Сейчас мы ходили вверх ногами, то есть если поднять голову, то можно было увидеть город со всеми его многоэтажками, спешащими пешеходами и сигнализирующими аэромобиллями. Именно в такие моменты ощущаешь себя вне системы, будто идешь против установленных законов, и это дарит чувство противоречия и свободы.

— Можно сказать и так, — весело ответил собеседник и указал на лавку с растениями. — Не хочешь себе такое растение, только меньшего размера? Правда, оно может вырасти и быть высотой с трехэтажный дом, но на это уйдет не один век.

— Хочу! — воскликнула я, и мы подошли к лавке, где я тут же начала выбирать себе растение.

Мой выбор остановился на цветке с фиолетовыми лепестками, а вот несколько его стеблей тоже могли выбираться из-под почвы и жить собственной разумной жизнью. Правда, все это будет через несколько лет, пока же о нем нужно заботиться и кормить.

Макс купил и этот цветок, и подкормку для него. Время было позднее, поэтому нам пришлось возвращаться. Мы шли по космодрому, и я прижимала к себе свой подарок, вспомнив другого мужчину.

— Макс, — обратилась я к фаэрту, — а почему мужчине так важно оставить после себя подарок?

— Что за странный вопрос? — Оджифаэрс наградил меня удивленным взглядом.

— Просто я вспомнила, как один мой друг настаивал на подарке, и почему-то стало любопытно.

— Если так любопытно, то у своего друга и спрашивай, — раздраженно отозвался Лимаксион и ускорил шаг.

Он уже попал на корабль через шлюз, когда я отставала, удивленная его внезапной резкостью. Что на него нашло? Мне просто интересно, в чем суть подарков. Мужчины заранее извиняются за что-то или пытаются оставить как можно больше напоминаний о себе в жизни девушки?

Когда я вошла в рубку и поставила цветок на панель, мужчина уже закрыл шлюзы и запрашивал разрешение на отстыковку. Я продолжала задумчиво смотреть на него, а потом позвала:

— Ма-а-акс, почему ты обиделся? Я ничего плохого не сказала!

— Лиса, когда ты гуляешь с одним мужчиной, старайся поменьше говорить о другом, который тоже дарит тебя подарки, — даже не удостоив меня взгляда, всё так же раздраженно ответил Макс.

Я смутилась и закусил губу. Вот дура! Эштон для меня не больше, чем брат, поэтому я и воспринимаю его так, но Макс-то об этом не знает! Тем более в прошлый раз в клубе он видел меня с ним, мало ли что он мог себе вообразить?

— Макс?

— Что? — устало ответил он, получив разрешение на взлет и беря на себя управление.

— Эштон мой однокурсник, и я не отношусь к нему более чем как к брату. Я ему благодарна за то, что он заботится о моем спокойствии и не подпускает ко мне других парней. Понимаешь, учеба в мужском коллективе — не такая легкая задача.

— Лиса, — начал фаэрт, словно с ребенком заговорил, — ты хоть понимаешь причины такого поведения своего друга? Наверное, ты думаешь, что я тоже забочусь о тебе просто как о сестре? Если ты так думаешь, то все еще не выросла и осталась ребенка.

— Я так не думаю! — поспешно ответила я и отвернулась, чтобы Макс не увидел румянец на щеках. И уже тише добавила, смотря в сторону: — Я просто не хочу знать причины его поведения, потому что боюсь потерять друга, но более никем он стать для меня не может.

Макс не ответил, но я почувствовала, что он расслабился после моих слов. Отлично, глядишь, к концу полета он совсем успокоится, и мы даже сможем нормально поговорить.

Поговорить нам так и не удалось, поэтому, поужинав, мы разошлись по комнатам. Сев за стол, я поставила перед собой цветок и положила голову на скрещенные руки, тяжело вздохнув.

— И почему чувства такая сложная штука? — риторически спросила я.

Цветок мне, естественно, не ответил, даже если бы вопрос был не риторическим. Я потрогала бархатные лепесточки и улыбнулась новому приобретению. Я уже полила его, а также узнала все через голосеть о его подвиге.

В дверь постучались, и порог переступил Макс. Я поднялась со своего места и мужчина, окинув комнату беспристрастным взглядом, неожиданно предложил:

— Не хочешь прогуляться? Я хочу тебе кое-что показать.

— Сейчас? — удивленно переспросила я, взглянув через окно на закат.

— Именно, — кивнул Макс и оглядел меня с ног до головы. — Только оденься во что-нибудь менее маркое и удобное.

— Из менее маркого и удобного у меня только военная форма, — призналась я, разведя руками.

— Отлично. Мне хочется посмотреть, курсантка Филисити МакКаст.

— Но эта форма совершенно скрывает мою фигуру, — буркнула я, развернувшись.

— Не переживай. Всё, что надо, я уже разглядел, — донеслось мне в спину, и фаэрт закрыл двери.

Я стояла и растерянно глядела ему вслед. Это был комплимент? Это же точно был комплимент и мне не показалось? Щеки опалил румянец, я улыбнулась и быстро облачилась в форму. В коридоре нос к носу столкнулась с Максом, мужчина переплел наши пальцы и повел меня на улицу.

Здесь стоял гироцикл, за штурвал которого сел фаэрт. Я села сзади, обняв мужчину за талию и прижавшись щекой к его спине. Макс зажег питание, и мы помчались к воротам. Мимо проносилась ночь, и мы удалялись от дома куратора.

Моё сердце стучало медленно, но сильно. Я даже боялась, что его может почувствовать Макс, именно поэтому слегка отодвинулась, но тут же почувствовала крепкую хватку Макса на своей ладони. Расслабившись, я вновь прикинула к фаэрту и обняла его за талию крепче, закрыв глаза. Как же рядом с ним тепло!

Мы остановились, и мне пришлось нехотя открыть глаза и встать с гироцикла. Мы стояли в центре поля с высокой травой по колено, вокруг шелестел лес. Вся зелень на спутнике была искусственного происхождения, для этого под землей делали специальную систему орошения и удобрения, как и на многих планетах. Но не на Орео. Там никогда такого не было. Земли использовались исключительно в качестве плантаций.

— Никогда не была в лесу, — призналась я.

— Тогда идем, я тебе кое-что покажу.

Макс заглушил двигатель и потянул меня к огромному толстому дереву. Наверное, диаметр его ствола доходил до трех метров, и смотрелось оно крепким и полным сил. Когда мы подошли ближе, то я разглядела дверь и сенсорную панель с откидной крышкой. Решив не удивляться, подождала, пока Макс снимет защиту.

— Лиса, — обернувшись ко мне, тихо проговорил Макс, когда дверь отъехала в сторону, предоставляя вид на винтовую лестницу. — Это моё детское убежище. Так уж случилось, что мои родители были часто заняты и просто отправляли меня к деду сюда. Я даже школу пропускал целыми семестрами, обучаясь дистанционно. Так что эта дверь не просто вход в «домик на дереве» — это пропуск в моё детство.

Он раскрывается передо мной, оголяя самые сокровенные воспоминания. В животе запорхали бабочки, и я невольно улыбнулась, крепче сжав ладонь Макса. Он кивнул и потянул меня внутрь. Дверь за нами плавно съехала, и мы прошли на второй этаж, не размыкая рук.

Я чувствовала, что расстояние между нами сокращается с каждым моим вздохом. И от этого становилось страшно. Сможет ли кто-то стать мне ближе моих родителей? Довериться своим чувствам всегда страшно.

Наверху была просторная комната с гамаком, водяной кроватью и креслами со столом. Естественно, стены были отшлифованным деревом, прямо перед нами был открытый балкон. Наверное, снаружи его заметить затруднительно — вид закрывают ветви с пышной сочной листвой.

Макс, дав время мне оценить обстановку, потянул именно на балкон. Я послушно последовала за ним. Подойдя к перилам, я осторожно выглянула вниз. Метров шесть точно есть. Высота никогда не вызвала у меня страха, наоборот, чувство свободы и эйфории. Вот и сейчас моё сердце ускорило свой бег.

Или это из-за горячих ладоней Макса, которые легли мне на талию. Я затаила дыхание, наслаждаясь его невесомыми прикосновениями.

— Сейчас начнется самое прекрасное, — прошептал мужчина на ухо.

По моему телу пробежали мурашки, и я крепче прижалась к Максиму. Казалось, что он улыбнулся и прижался щекой к моему виску. Впереди в ночной тишине леса я увидела несколько огоньков. Сперва подумала, что воображение разыгралось, но вскоре огоньков прибавилось. Сначала с десятков, потом с сотню, и вдруг они заполнили весь лес.

Медленно они выбирались из-за деревьев на поляну. Маленькие разноцветные светлячки, заполнившие собой все пространство снизу. Я приоткрыла рот от удивления и созерцания такой красоты, а огоньки тем временем пустились в пляс.

Они поднялись вверх, разбились на пары, потом вновь сошлись и образовали снежинки. Они медленно опустились на землю и будто взорвались, фейерверком отлетая к небу и уже здесь, на уровне глаз, образуя различные фигуры.

Я, замороженная увиденной картиной, боялась пошевелиться. Разноцветные светлячки тем временем спиралью опускались вниз и уже на поле в листве играли в прятки, пока каждый огонек не нашел пару. Тогда они вновь поднялись наверх и начали хаотично перемещаться.

Так я думала. На самом же деле они маршировали по только им изведенным законам. И я думала, что они нас не видят, пока они не разъединились и не образовали светящуюся картину: девушку прижимает к себе парень, она держится за перила, а он склонил к ней голову и улыбается.

Все это было так реалистично! И я поняла, что они живые и прекрасно нас видят. Я

встрепенулась, переглянувшись с Максом. Тот улыбался. Светлячки же будто только и ждали нашей реакции, быстро сменив картинку на другую — свадьба с подвенечным платьем и алтарем. Девушка, созданная из множества огоньков, смущенно ступает вперед, но в каждом её шаге чувствовалась уверенность.

Следующая картинка — брачная ночь. Муж скидывает с плеч девушки рубашку, и та падает на кровать, протягивая руки к возлюбленному. Тот склоняется над ней, целуя в губы. Страсть и любовь, воплощенные ночными созданиями, были ощутимы кончиками пальцев.

На моих щеках вспыхнул румянец, и я боялась оборачиваться к Макс, а светлячки тем временем изобразили новую картину: родители склонились над колыбелью малыша. Отец взял его в руки и поднял, восхищенно смотря на сына. Не знаю, как удавалось светлячкам изображать и передавать эмоции, но я взгляд не могла оторвать от анимации.

Последней их картиной были мужчина и женщина, держащие ребенка за руки. Он подпрыгивал и смотрел поочередно на родителей, а те улыбались ему, словно он — целая Вселенная. И столько нежности было в этой картине уходящих родителей, что я расплакалась.

Светлячки уменьшали картину, словно семья действительно уходит, а потом взорвались тысячами маленьких огоньков и стремительно приблизились к дереву, зависнув в воздухе напротив меня.

Я испугалась и чуть отшатнулась, но Макс, стоящий сзади, не дал сделать мне и шага. Я протянула вперед руку и один из светлячков потерялся о мою ладонь.

— Это было потрясающе, — прошептала я, утерев слезы свободной рукой. — Спасибо за волшебство!

Они будто поняли меня и устремились обратно к лесу, спрятавшись за деревьями. Лишь один светлячок остался лежать у меня на ладони. Я обернулась к Макс, и он пояснил:

— Это ночь его заката. Он желает отправиться к звездам с твоих рук.

Он умирает? Сказать мне было нечего. Я сложила ладони вместе и поднесла светлячка ближе к лицу. Он будто вздохнул, а потом сотнями едва различимых малюсеньких огоньков отправился наверх, минуя ветви дерева и сочные зеленые листья. Я смотрела ему вслед, благодарая за подаренное ночью волшебство.

— Они недолго живут? — спросила я у Макса, который развернул меня к себе и приобнял за талию.

— Два теплых сезона, а потом отправляются к праотцам. Но они даже умирают красиво, — ответил фаэрт и задумчиво добавил, подняв голову к кроне дерева: — Ради такой смерти стоит жить. Уходить нужно тоже с честью.

Я промолчала и дотронулась кончиками пальцев до щеки Макса. Он опустил голову и перевел взгляд на меня. И столько в его глазах было намешано, что у меня перехватило дыхание. Глаза, состоящие из семи цветов радуги, искрились, переливались и становились оранжево-красными. Я зачарованно смотрела в его глаза, думая, какой цвет сейчас у меня? Неужели такой же?

Чувства фаэрта всегда легко прочитать по глазам. В детстве меня легко уличали во лжи, зато искреннюю радость — желтую — всегда можно было прочесть во взгляде.

— Твои глаза... — прошептала я, и Макс приложив к моим губам указательный палец, призывая к молчанию.

— У тебя такие же, — нетерпеливо ответил он, будто любуясь мной.

Я была самой обычной. Разве можно мной любоваться? Но вот я смотрю на него и понимаю, что можно. Макс убрал прядь моих волос за ухо, взял моё лицо в свои ладони и медленно наклонился ко мне, чтобы подарить невесомый нежный поцелуй. Мой первый осознанный поцелуй.

Я неуверенно положила руки на мужскую талию, обхватив тонкими пальцами кожаную куртку и приподнимаясь на цыпочках, чтобы Макс не пришлось так сильно наклоняться ко мне. Казалось, что ему было наплевать на все неудобства, потому что его поцелуй с каждой секундой превращался из осторожного и нежного в порывистый и страстный.

Мне стало не хватать воздуха. Мы с трудом отстранились друг от друга, но всего на секунду, чтобы в следующее мгновение вновь соприкоснуться губами, упиваясь эмоциями друг друга. Макс переместил одну руку мне за затылок, а второй обхватил талию и посадил меня на перила.

«Он с ума сошел! Здесь же высота шесть метров!» — отстраненно подумала я, но не оторвалась от Макса, наоборот, крепче обхватила его талию, уничтожая и без того малое расстояние между нами.

Это чувство опасности щекотало нервы. Моя жизнь сейчас зависит от мужчины, сжимающего меня в объятьях. Ему стоит расцепить свои руки, перестать меня удерживать, и я полечу вниз. Но нет. Я точно знаю, что он так не сделает, он ни за что меня не отпустит, наоборот — его объятия стальные, а губы — мягкие и нежные.

Наплевать, что я совершенно не умею целоваться, но я очень хочу научиться. Научиться для него. Мой язык будто живет собственной жизнью, мозг в этот момент работает мало, я просто делаю то, что хочу и чувствую. Макс легко отстранился, обвел овал моего лица своим пальцем и загадочно улыбнулся.

— Есть что-то невероятное в том, чтобы зависеть от тебя, — прошептала я, и мужчина заглянул мне в глаза, наклонив назад.

Мои волосы развевал ветер, Макс нависал надо мной. Если он не удержит равновесие, то мы полетим вместе. Но я доверяю ему. Он ловкий, сильный, мой. Наверное, я стала считать его своим, стоило нам выйти из корабля и попасть на Фарэт. Пусть он будет моим хотя бы мысленно.

— Ты стала моей, как только попала на мой корабль, — вторя моим мыслям, прошептал мужчина в самые губы. — Ты в моей власти, Филисити МакКаст. Советую хорошенько это запомнить. И пусть никто в твоей чертовой академии к тебе не приближается на расстояние трех шагов.

Это ревность? Сердце запело. Оно, глупое, уже безумно любит Макса, но как же страшно, что он лишь играет со мной!

— Тогда хорошенько запомни, Лимаксион Оджифаэрс, что ты тоже принадлежишь мне.

Слова сорвались с губ раньше, чем я успела о них подумать. В глазах Макса зажегся огонек,

они стали практически красными, после чего мужчина приник к моим губам, сминая их и доказывая свою власть.

Он выпрямился и притянул меня к себе. Я обвила ногами его талию, и он вновь усадил меня на перила. Не помню, сколько мы целовались, но оторвались друг от друга, когда поняли, что безумно устали, губы пощипывало, но на душе пели птицы.

Я встала рядом с Максом и обняла его, положив голову на грудь. Фаэрт сжал меня в объятиях и поцеловал в макушку. Сегодняшняя ночь похожа на сказку, но все равно в меня вонзаются иголки сомнений. Что я, в сущности, знаю о Максе? Блогеры только и гудят о его личности, называя самым завидным женихом и вместе с тем бабником и ловеласом.

Отстранившись и положив руки ему на грудь, я нахмурилась и серьезно спросила:

— И сколько девушек тут побывало?

— Ни одна, — растерянно и мгновенно ответил Макс.

Это уже радует, что здесь никого не было. Но что насчет Фарэта? Сколько разбитых сердец оставил он там?

— Не поверю, что у тебя не было девушек, — тихо проговорила я, чувствуя, как щеки опалает румянцем.

Сейчас он догадается, что я ревную его!

— А кто сказал, что не было? — весело спросил Макс, легко разгадав мои чувства. Приподняв мой подбородок, он уверенно сказал: — Просто ни одна не западала настолько глубоко мне в душу.

Я затаила дыхание и зажмурилась, боясь, что эти слова были сказаны в шутку. Но нет, смеха не последовало, и я открыла глаза, смотря на серьезного фаэрта, глаза которого стали оранжево-желтыми. Он был рад.

— Ты ревнуешь, — констатировал он, — и боишься. Твой страх не оправдан. Все девушки, с которыми у меня были какие-то отношения, знали условия.

— Я тоже должна знать какие-то условия? — спросила я, нахмурившись.

Мои глаза стали больше фиолетовыми, чем красными.

— Да, — озорно подмигнув, ответил Макс. — Есть два условия. Во-первых, ты должна смотреть только на меня и ни на кого другого. Ты меня поняла?

Я машинально кивнула, и Макс улыбнулся, погладив меня по щеке.

— Умница.

— А что во-вторых? — поторопила я его, опасаясь услышать горькую правду.

— А во-вторых... Ты никогда не должна бояться рядом со мной. Ничего на свете. Ни моего прошлого, ни своего будущего. Ты согласна на такие условия?

— А у меня есть выбор, если я принадлежу тебе? — подавляя улыбку, буркнула я.

Макс рассмеялся, наклонился и вновь поцеловал меня. Трепетно. Нежно.

Эта ночь была только для нас. Это было наше волшебство, которое никто не в силах отнять. Мы пробежались по лесу, нечаянно спугивая светлячков. Я убегала от Макса, а он ловил меня, прижимая к себе и вновь целуя. Мне казалось, что счастливей я уже быть не могу, но с каждой секундой время доказывало мне обратное.

Когда Макс в очередной раз поймал меня, я, смеясь, увернулась от его поцелуя. Он обиженно надул губы и вопросительно взглянул на меня.

— Больше не могу, — тихо ответила я, прикасаясь к своим губам. — Столько счастья я не выдержу, Макс! У меня губы покраснелись и распухли!

Рассмеявшись, фаэрт расстегнул молнию кителя и поцеловал оголенное плечо, после чего вновь застегнул и, прижав меня к себе, спросил:

— Пойдем домой, Лисичка?

— Пойдем, — ответила я и, отстранившись, добавила: — Максик.

Глаза фаэрта расширились. Я, чтобы не быть вновь зацелованной в наказание, побежала в сторону выхода из леса. Естественно, Макс кинулся за мной, только не догонял. Не потому, что не успевает, а потому что знал правила игры.

Пока мы летели на гироцикле, я прижималась щекой к Максиму и думала, что попала в параллельную Вселенную. Не может же быть, чтобы блистательный фаэрт обратил на меня внимание! Но его слова и поступки уверяют меня в этом.

В дом зашли в молчании. Лишь когда я закрывала дверь своей комнаты, мы встретились взглядами. Наши глаза приобрели оранжево-красный оттенок, после чего я поспешно закрыла двери и осталась одна в спальне. Из звуков было слышно только мое колотящееся сердце.

5

За завтраком мы с Максом переглядывались. Я смущалась, а он забавлялся моей реакцией и улыбался. Мастер Эж пытался игнорировать нас, но в итоге даже его железные нервы не выдержали.

— Может, вам выделить отдельный стол? Потому что еда рядом с вами становится приторно-сладкой.

С этими словами Эжелион поднялся со своего места и вышел, а мы с Максом, переглянувшись, расхохотались. Мужчина подошел ко мне и обнял за плечи, поцеловав в висок. Готова ли я провести так всю жизнь? Определенно!

Я хочу, чтобы каждый мой день начинался с его поцелуя.

— Скажи, что это не сон, — попросила я, встречая губы возлюбленного фаэрта. — Но если это он, то не буди меня никогда!

— Не беспокойся, — прошептал Макс, обрисовав пальцем линию моих скул. — Если это сон, то я вечно буду охранять твой покой.

Этих слов мне было достаточно. Весь день я порхала, словно окрыленная. Наслаждалась жарким днем, напевала себе под нос веселый мотив и жмурилась, смотря на яркое небо.

Вечером мне позвонил Эштон. Я больше не могла игнорировать его звонки, поэтому, разместившись в беседке, приняла его вызов. Друг хмурился и был раздражен.

— Фил, что с тобой случилось? Ты хоть знаешь, как я волновался?

— Эш, твои тревоги напрасны. Я была слишком занята, — устало ответила я.

— Занята? Да ты сама жаловалась, что тебе там нечем заняться!

— Все течет, все меняется, — философски изрекла я и бросила взгляд в сторону, наткнувшись на Макса.

Он сверлил меня недовольным взглядом, сложив руки на груди. Я не могла позволить, чтобы он думал, будто у меня есть другой парень, поэтому улыбнулась и подвинулась на качелях, давая ему понять, что ничего плохого я не совершила.

— Фил, куда ты смотришь? Кто там? — тем временем спросил Эштон.

Его голограмма высвечивалась над коммуникатором, но он мог видеть только меня, ведь программа на электронном устройстве была настроена на один объект и один голос — мой.

— Так это тот самый Эштон? Ты разговариваешь с ним по вечерам? А говорила, что просто однокурсник, — фыркнул Макс и обнял меня, продолжая хмуриться.

— Кто с тобой? — Эштон сложил руки на груди, не имея возможности увидеть и услышать моего собеседника.

— Эштон мой друг и не более, — напомнила я Максу и обернулась к голограмме. — Эш, я тебе позже все объясню. Встретимся в училище.

Я не дала ему ответить, сбросив вызов. Для меня сейчас намного важнее было то, что подумает Лимаксион. Взяв руки мужчины в свои, я поднесла его ладонь к губам и поцеловала. Макс, высвободив руку, привлек меня к себе и усадил к себе на колени.

— Лиса, моя ревность — это не шутки. Фазрты жуткие собственники, а этот Эштон мне не понравился еще и в клубе. Есть в нем что-то...

— Властное, да? — закончила я за него фразу, испытующе глядя на моего контрабандиста.

— Да, — кивнул мужчина. — Слишком дерзкий для курсанта летного училища. Но пугает меня не это. Он провел с тобой намного больше времени, чем я, и я действительно не знаю, как унять свою ревность.

— Время не имеет значения, если это время, проведенное вдали от тебя, — тихо ответила я, поцеловав мужчину в подбородок. — Самые яркие моменты в моей жизни — это минуты рядом с тобой, Макс.

— Судьба слишком любит с нами шутить.

— Нет. — Я отрицательно покачала головой. — Яркими эти моменты сделала не судьба, а я сама. Ведь только мы решаем, что забыть, а что помнить всю жизнь.

— Знаешь, от твоих слов моя ревность утихает, — прошептал Макс, медленно притягивая меня к себе, чтобы поцеловать.

Я послушно закрыла глаза, давая себе возможность насладиться поцелуем самого привлекательного мужчины во Вселенной.

Дни летели за днями. С Эштоном я не ссорилась, но ощущение было, будто я предала его. Нет, выбор между Максом и Эшем очевиден, первого я люблю, а второго считаю не больше, чем другом, максимум — братом. О том, что он чувствует ко мне, я боялась думать.

К сожалению, наступил момент, когда нам пришлось расстаться. Макс и так задержался на спутнике именно из-за меня, хотя ему давно пора было лететь за пределы галактики, но он обещал подбросить меня на Фарэт. Поэтому тот максимум времени, который у нас остался, это всего лишь двадцать шесть часов.

Прощание с Эжелионом произошло на космодроме. Он неожиданно обнял меня и прошептал на ухо:

— Береги этого мальчика. Он сильный, но ты делаешь его неуязвимым. Ради тебя он будет стирать в пыль города, только используй его любовь во благо, а не во зло.

— Я буду беречь наши чувства, — искренне пообещала я.

— Что ты ей сказал? — спросил Макс, когда мастер Эж отстранился и обнял своего внука.

— Лишь то, что тебе с ней невероятно повезло. А ведь она обещала, что мне нечего бояться за своего внука, ведь она уже влюблена!

— Кто же знал, что ваш внук — Макс? — пробурчала я, и фаэрти рассмеялись.

Макс приобнял меня и поцеловал, после чего мы вместе направились к кораблю. Покидая спутник, я ощущала странное чувство, будто покидаю свой дом. Рассветное на Орео никогда не было мне близко, но именно это место неожиданно заставило меня почувствовать теплоту семейного очага.

Корабль был небольшой, включал в себя всего две каюты, рубку и инженерский отсек. Закинув вещи в разные комнаты, мы отправились на капитанский мостик, где Макс, заняв кресло пилота, запросил разрешение на вылет. Я присела рядом, развернув кресло в сторону приборной панели и пристегнувшись.

— Почему печалишься, красавица? — весело спросил Макс, заметив мою грусть.

— Чувство, будто дом покидаю. Орео так и не стал моей родной планетой, а Фарэт огромен, в нем нет теплоты.

— Вот как? Знаешь, мне приятно, что дом моего детства ты считаешь родным. Это место для меня особенное, — признался Макс, получив разрешение на вылет и включая системы.

Когда мы поднялись, преодолели искусственную атмосферу и вылетели в открытый космос,

Макс определил точку скачка и запрограммировал автопилот на движение в нужную сторону, а сам повернулся ко мне.

— Лиса, ты не знаешь, чей ты могла бы быть дочерью? Я уже узнал, что твой приемный отец был зависимым в третьем поколении, а мать — свободной ороситкой, которая выбрала любовь.

— Ты навел обо мне справки? — изумилась я.

— Можно подобрать другое выражение, но в целом все верно, — поморщившись, признался Макс и положил ладони мне на колени. — Я хочу помочь тебе отыскать твоих настоящих родителей.

— А ты спросил, хочу ли этого я? — раздраженно спросила я. Поняв, что была слишком груба, пояснила: — Они бросили меня, Макс. Я не хочу ничего спрашивать о них у моих родителей. Пусть все останется так, как есть. Или тебе стыдно за меня?

Последняя догадка возникла внезапно, но вызвала холодный пот. А что если все действительно так? Кто я такая: обычная девчонка, документы которой подделал мажор с Фарэта. А Макс, как я успела узнать, наследник крупной компании «КосмоЭнерго».

— Лиса, что за глупости тебе лезут в голову? — нахмурившись и сжав мои колени, спросил Фэрт. — Мне плевать, что было в прошлом, значение имеют лишь наши чувства сейчас. И никогда не допускай мысли, что мне стыдно.

— Но ведь тогда, в клубе, мы сделали вид, что не знакомы. Разве это было не твоё желание?

— Я хотел защитить тебя, но у меня это выходит из рук вон плохо, — со вздохом признался Макс. — Моя жизнь — это опасность. Меня в любой момент могут объявить преступником, поэтому я и хотел держаться подальше от тебя, но я больше не могу. Мысли о тебе не покидают мою голову, с каждой секундой тоска в моем сердце нарастала, и наша встреча здесь — это судьба. А кто я такой, чтобы спорить с ней? Я обещаю, что буду любить тебя, но большего я обещать не смогу, прости.

— Мне больше и не надо, — тихо ответила я, погладив мужчину по щеке.

Теперь была хоть какая-то определенность. Получается, он не собирается скрывать наши отношения и я официально его девушка? От этой мысли все внутри меня пело, мне хотелось расцеловать весь мир и подняться к звездам.

— Значит, отныне никаких сплетен о тебе и незнакомых мне девицах? — уточнила я.

— Отныне в моей жизни только ты, хотя блогеры и журналисты будут тебя преследовать. Готова ли ты к такому? — с усмешкой спросил Макс.

— О, мне придется обзавестись электрошокером, — рассмеялась я.

— Непременно! А еще придется купить тебе несколько платьев. Я вернусь через несколько месяцев, тогда мы и объявим о своих отношениях, хорошо?

— Но ты же мне будешь звонить?

— Каждый день, — пообещал он, и я успокоилась.

Расставаться с Максом совершенно не хотелось. Я бы схватилась за лацканы его пиджака,

притянула бы к себе и никогда не отпускала. Но мне достался лишь прощальный поцелуй — головокружительный и страстный, обещавший новую встречу.

Мы стояли на космодроме, вокруг ходили люди. Макс накинул капюшон и надел очки, чтобы его никто не узнал, и упоенно меня целовал.

— Я люблю тебя, Филисити, — прошептал Макс перед тем, как отстраниться.

Обескураженная его словами, я впала в ступор, а он сделал несколько шагов назад. Многочисленный поток гуманоидов разделил нас, и Макс пропал из виду, оставив меня с безумно колотящимся сердцем.

«Я люблю тебя...» — набатом звучало в моей голове, а я продолжала стоять на многолюдном космодроме и мечтать лишь о том, чтобы фаэрт вернулся.

Но чуда не случилось, поэтому я на ватных ногах поплелась в сторону выхода из космопорта. У меня с собой был лишь рюкзак и горшок с растением, подаренным Максом. Сев на поезд, я взяла в руки растение и повертела его.

— Как же тебя назвать, друг мой? Ты уже подросток на миллиметра два, так что тебя можно считать полноценным членом общества, — проговорила я, поймав несколько недоуменных взглядов других гуманоидов. — У тебя очень нежные лепестки. Как насчет Бархатца? Возражений нет? Отлично, так и буду тебя звать.

Наплевать, что думают обо мне случайные прохожие, я-то знаю, что это растение практически живое, оно имеет определенные зачатки разума, значит, способно понимать и речь. По крайней мере, реагирует на внешние эмоциональные потоки.

В общежитии меня ждали два сюрприза, один из которых приятный. Вторым сюрпризом была новая соседка по комнате — рослая ящерка с крепким телосложением вдвое больше меня. При виде меня её глубоко посаженные глаза сощурились, а мощный хвост забил по полу.

Одета она была уже в военную форму, длинные светлые волосы собраны в высокий хвост. Девушка имела приплюснутый нос, светло-зеленые наросты на теле и лице и тяжелый подбородок. Если бы я не встретила её в своей комнате, то приняла бы за мужчину.

— А, ты, видимо, моя соседка? — гаркнула она, оглядев меня с ног до головы. — Фейссор говорил, что ты была на практике.

— Добрый день, — поздоровалась я, скинув оцепенение и поставив горшок с цветком на стол. — Меня зовут Филисити МакКаст, я обучаюсь на втором курсе военного отделения...

— Да я там же, можешь не рассказывать!

Девушка махнула рукой, развернулась и легла на кровать, больше не обращая на меня внимания. Вот и поговорили!

Первым сюрпризом была душевая, которую оборудовали в соседней комнате и сделали между нашей спальней и новой душевой проход. Видимо, решили, что раз мы девушки, то нас можно и побаловать, а парням, которые живут на первом этаже, освободить общий душ. Я была целиком и полностью согласна с этим решением.

Когда я вернулась из душа, смыв с себя тревоги дорог, то смогла оглядеться в своей комнате. Она определенно изменилась. Я была минималисткой, поэтому ни стол, ни кровать никогда не были захламлены, оставаясь пустыми, как и стены, которые я не стала украшать плакатами и прочей молодежной ерундой.

Сейчас же все стены комнаты, даже на моей половине, были увешаны цветными экранами с фотоснимками, на которых в различных, но не пошлых, позах предстал... Макс.

Я даже рот от удивления открыла, застыв в центре комнаты и смотря на сменяющиеся на экранах одна за другой фотографии своего парня.

Соседка быстро заметила мой интерес, хмыкнула и произнесла:

— Завидуешь? Не представляешь, сколько я денег потратила на покупку этих фотографий!

Все фотоснимки и голограммы были собственностью владельцев и являлись платными. Определенная кодировка не позволяла использовать их даже в некоммерческих целях. Так же была защищена и любая интеллектуальная собственность.

— Зачем тебе столько снимков? — спросила я, отойдя от первого шока, но продолжая коситься на экраны.

— Как зачем? Любоваться, конечно! Ты хоть знаешь, кто это?

— И кто же? — насмешливо спросила я, проходя к кровати.

Соседка вздернула подбородок, совсем не почувствовав язвительность в моем тоне, и ответила:

— Лимакисион Оджифаэрс! Ты из какой глуши, что не знаешь о нем? А еще год проучилась здесь! Стыдно за тебя!

— Уж просвети меня, невежду, — едва сдерживая улыбку, сказала я и села на кровать, скрестив ноги.

— Красавец, миллиардер, наследник крупной корпорации и просто невероятный мужчина!

— Ты с ним общалась? — настороженно полюбопытствовала я, начиная сомневаться во вкусе Макса.

Неужели он обратил на нее внимание? Нет, я не про внешние данные, а про явную навязчивость, самомнение и глупость.

— Нет, — поджав губы, призналась собеседница. — Но я обязательно с ним познакомлюсь! Не зря же я поступила в летное училище? Стану пилотом его энергетической компании, и наши пути пересекутся! И потом, когда я его встречу, мы поженимся!

И это было сказано с такой уверенностью, что я сразу представила Макса связанным и с кляпом во рту, когда его эта женщина тащит к алтарю, заломив руки, а он, бедный, из последних сил вырывается. Картина оказалась настолько забавной и живой, что я прыснула от смеха, получив недовольный взгляд соседки.

— Не веришь? — сощурившись, грозно спросила она. — Хорошо смеется тот, кто смеется последним!

Я не стала отвечать, к тому же в дверь позвонили. Поднявшись с кровати, я отправилась открывать, зная, кого там увижу.

Эш, обняв меня, пронес в центр комнаты, а следом за ним вошли и четверо наших друзей. Они наперебой хвастались своими успехами, рассказывали о проведенной внеплановой практике и признавались, что жутко скучали. Я улыбалась, уже освободившись из объятий Эштона, и слушала друзей.

— Фил, ты не представляешь, как тебя мне не хватало! Хочешь над кем-то подшутить, а из потенциальных жертв только куратор, а его разыгрывать опасно для здоровья, — с широкой улыбкой признался Аста-Аз.

Парни начали его толкать, говоря, что я — общественное достояние и было бы нечестно давать насладиться моим обществом ему единственному. Из-за шумности однокурсники не сразу заметили мою соседку, а когда удостоили её внимания, то застыли, оценивая.

Эштона же привлекла не девушка, а экраны, которыми была увешана комната. Макс предстал на них с различными эмоциями: где-то озорной с приподнятой на животе футболкой, открывающей рельефный пресс, где-то грустный и смотрящий куда-то вдаль, где-то вдрызг пьяный, но были и романтичные, где он подмигивал своим поклонницам. Эш взглянул на меня с неодобрением и спросил:

— Неужели это ты развесила?

Я округлила от удивления глаза. И как мой друг пришел к подобному выводу?

— Брось, Эш, — вступился за меня Матар. — Разве Фил похожа на ту, кто будет загоняться по знаменитостям? Да и с чего бы ей фанатеть от Оджифаэrsa? Она разумная девушка и знает, что ей с ним ничего не светит.

А вот это обидно! Я бросила на Матара недовольный взгляд, и тот стусевался.

— Неужели я неправ и ты потеряла последние крохи разума?

— Не мели чепухи! — воскликнул Аста-Аз, ударив друга кулаком в плечо. — Ясно же, что снимки принадлежат новой соседке Филисити. С чего бы Фил так тратилась на этого мажора?

К счастью, азеанец свои мозги не растерял, что определенно радовало. Но вот их уверенность в невозможности наших отношений с Максом расстраивала.

— Значит, конец нашим пирушкам? — со вздохом спросил Матар, взглянув на нашу соседку.

Та наострила уши и наблюдала за нами. Эштон не сводил глаз с меня, будто пытался прочесть меня. Мне же стыдиться было нечего, поэтому я прямо встречала его взгляд.

— Н-да, испортили мы наших правильных ороситов, — с усмешкой отозвался Аста-Аз.

Мы негромко рассмеялись, но не от шутки, а от той теплоты нашей встречи, которая согревает дружеские сердца.

— Как тебя зовут-то? — в итоге спросил Эш, наконец, очнувшись от своих дум.

— Корресса Щитонг, — гордо вздернув подбородок, ответила девушка.

— Весьма приятно, — ответил Эштон, переглянувшись с парнями.

Корресса произвела неизгладимое впечатление на моих друзей, но еще больше меня удивило другое. Вечером, когда мы ложились спать, она прошлась по комнате и поцеловала каждый экран, после чего выключила их и со спокойным сердцем отправилась спать.

Я за этими действиями наблюдала с любопытством и изумлением. Нет, я, конечно, тоже не прочь сейчас поцеловать Макса, но простого пожелания доброй ночи от него мне уже достаточно.

Как же я скучала по утренней сирене! О, этот зычный голос фейссора, пробуждающий даже самых сонных курсантов!

Разлепив веки, я по привычке поплелась в душевую в конце коридора, только в последний момент вернулась обратно в комнату. Соседка уже была в полной боевой готовности, как я год назад. Мысленно улыбнувшись своим воспоминаниям, я зашла в ванную. Когда вернулась, Корресса сообщила о входящем вызове. Бросившись к своему коммуникатору, я обнаружила пропущенный от Макса.

Так. Нельзя, чтобы соседка по комнате видела наше общение с Оджиаэрсом, а то, чего доброго, она решит избавиться от конкурентки самым радикальным способом. Я, конечно, Макса люблю, но расставаться с жизнью из-за его сумасшедшей фанатки не хочу.

И за что мне такая соседка досталась?..

Со вздохом я поплелась обратно в ванную и, закрывшись, позвонила Макссу, заранее отключив голограмму фона, оставив проецирование только самого абонента. Входящий приняли мгновенно.

— Доброе утро, Лисичка! — Фаэрт улыбнулся мне, отпив кофе. — Как настроение? Соскучилась по мне?

— О, нет, скучать мне по тебе не приходится, — с усмешкой отозвалась я, — все стены моей комнаты отныне увешаны твоими фотографиями.

— О чем ты? — недоуменно спросил мужчина, приподняв брови.

— У меня новая соседка, — призналась я, — и она фанатеет от тебя. Она вчера на ночь расцеловала каждую твою фотографию, представляешь?!

К моему глубочайшему удивлению, Макс отреагировал спокойно.

— А чего это ты к ней не присоединилась? Неужели не хочешь меня поцеловать?

Его совсем не удивляет, что какие-то незнакомые девицы выцеловывают его изображения? Меня это жутко раздражает!

— Я предпочитаю целовать реального Макса, а не электронного, — честно призналась я. — К тому же у меня есть неоспоримое преимущество: в отличие от них, у меня существует на то полное право.

Макс рассмеялся, чуть не подавившись кофе.

— Но ведь меня сейчас нет рядом, неужели совсем-совсем не было тяги поцеловать даже мое изображение?

— Знаешь, в тот момент я об этом не думала. Мои мысли были менее радужными, а именно: в голове созрел план с участием гильотины и моей соседки, которая с завидной уверенностью утверждает о вашей свадьбе!

— Лиса, неужели это ревность? — со счастливым огоньком в глазах спросил фаэрт. — И почему из всех девушек конфедерации я влюбился именно в ту, которая не развешивает мои портреты по периметру комнаты?

— Мне кажется, это не вопрос, а причинно-следственная связь, — уверила его я, радостно улыгнувшись. — Макс, мне пора идти на строевую. Люблю тебя.

— И я тебя.

Я отключилась и прижала к себе коммуникатор. Странно, но произносить эти заветные слова по голосвязи было намного проще, чем в реальности. Почему же в сети мы всегда более раскованы и смелы, а в настоящей жизни нас тисками сжимают наши комплексы и страхи?

Трехнедельное отсутствие физической нагрузки сказалось на моем здоровье в самом прямом смысле: Форхат-онг от души погонял меня по плацу, придавая ускорения своим хвостом. Мне оставалось недовольно ворчать и увеличивать скорость.

А вот на лекции декан сообщил нам интересные новости. Со второго курса появляются дневные и ночные дежурства в общежитии и корпусах на каждом этаже. Раньше я замечала парней, стоящих у стойки, но никогда не проецировала их опыт на себя, выходит, и мне придется быть таким же неподвижным истуканом.

— Господин Заолини, — обратилась я к мейссору, подняв руку. Тот позволил мне продолжить.

— Скажите, а мне тоже придется быть дежурной?

— Разумеется, курсантка МакКаст. Или надеялись отлынивать от работы? Увы, условия для всех одинаковые. Между прочим, я знаю многих женщин — военных летчиц.

— О, мне это определенно льстит, — улынулась я, и Пирот-онг наградил меня тяжелым взглядом.

— Вам это льстит, а мне приходится с этим работать, — огорошил декан своим ответом, вызвав дикий хохот у моих однокурсников.

Я поджала губы и более рот на паре декана не открывала.

Учеба быстро вошла для меня в привычную колею: учеба, плац, наряды. Будни скрашивали друзья и разговоры с Максом. Его не было рядом, но казалось, что он заполнил мою жизнь. Его любовь незримой тенью следовала за мной.

Сегодня ночью мне выпало мое первое дежурство на первом этаже общежития. Было очень трудно не заснуть, но под утро я все равно клевала носом. Этим и воспользовался старшекурсник, который, оглядев меня с ног до головы, принялся отчитывать.

— И кто так стоит? Где осанка? А ну выпрямилась! Почему не отдаешь честь при виде старшего по званию? Лычки видишь?

Стиснув зубы, я приложила два пальца к виску и выпрямилась, но этого старшекурснику оказалось недостаточно.

— Ну кто тебя так учил честь отдавать, а? Пальцы криво держишь. Чего смотришь на меня? — нахмурившись, спросил он. Я же смотрела не на него, а за его спину, где, скрестив руки на груди, стоял фейссор. — Почему не отвечаешь старшему по званию, когда тебя спрашивают?!

— Действительно, Филисити, как нехорошо получается, — со смешком отозвался комендант, и старшекурсник развернулся на пятках, приложив два пальца к виску.

— Доброго утра, господин фейссор!

Роасан смерил его недовольным взглядом.

— В мой кабинет, курсант!

— Есть, господин!

Органг-онг подмигнул мне и, насвистывая веселый мотивчик, пошел вслед за курсантом, оставив меня в полном недоумении. Кажется, в этот раз я останусь без наряда вне очереди!

7

К дежурству я быстро привыкла и научилась дремать стоя, а соседку вовсе перестала замечать, даже её вечерний обряд «целования кумира», как прозвала его я, оказался вполне забавным на сон грядущий. Но эти фотоснимки Макса, развешанные по комнате, заставляли меня скучать по нему еще больше.

Прошло уже более трех месяцев, а для влюбленных это большой срок. Эштон порой замечал мой тоскующий взгляд, но не спрашивал, как и сейчас. Он сидел в моей комнате и просто наблюдал за мной, как я учила аэродинамику.

На панели раздался звонок, после чего я открыла дверь и пропустила Аста-Аза. Он оглянулся по сторонам в поисках моей соседке. Той в комнате не было, поэтому азеанец облегченно выдохнул.

— Как хорошо, что её нет! Совсем она меня затюкала, я уже боюсь заходить в эту комнату.

— Ага, — подтвердил Эштон и добавил доверительным тоном: — Вот поэтому я вовсе не выхожу отсюда, не пустит ведь!

Аста-Аз рассмеялся, а я хихикнула. В последнее время Корресса сильно наезжает на моих друзей. Они аргументируют это привлечением внимания с её стороны, я же считаю, что в чем-то она права. Эштон почти не выходит из моей комнаты, будто действительно боится, что его потом не пустят!

На коммуникатор поступил входящий, и я с запредельной улыбкой под смешки однокурсников помчалась в ванную. Всегда при наших звонках Макс начинал разговор первым, но сегодня даже он молчал, гипнотизируя меня своим взглядом. Когда я уже начала нервничать, он с

обольстительной улыбкой сообщил:

— Я вернулся.

Этих двух слов было для меня достаточно, чтобы я выронила коммуникатор из рук, чудом его не разбив. Когда я заново соединилась с Максом, тот смотрел на меня с беспокойством, а у меня от радости даже слезы на глазах проступили.

— Что случилось? Почему ты испугалась?

— Я не испугалась, Макс, — ответила я, всхлипнув. — Я так счастлива!

Фаэрт широко улыбнулся, явно довольный моими словами.

— Тогда через полчаса я буду ждать тебя у ворот училища.

— Ты серьезно?! Ты уже так близко?! Но я ведь даже голову вымыть не успею!

— Забудь. Соберешься у меня в квартире. У нас на вечер большие планы.

— Но у меня комендантский час! — растерянно сказала я. — А еще ночное дежурство!

— Думаю, вопрос с твоим руководством можно решить, только мне нужно немного больше времени. У тебя час на сборы.

Он отключился, а я еще минуту смотрела на погаснувший экран коммуникатора. Это что? Свидание?

Сердце заколотилось быстрее, а на губы непроизвольно скользнула улыбка. Выскочив из ванной, я принялась собирать вещи и только потом заметила, что в комнате-то я не одна. Уперев руки в бока, я недовольно посмотрела на друзей.

— А вы почему еще не ушли?

— А ты куда-то уходишь? — вместо ответа спросил Эштон.

— Непредвиденные обстоятельства, — растерянно ответила я, смутившись.

— Недостижимый идеал, да? — со смешком спросил Эш, и я кивнула, закусив губу. — И что ты в нем нашла?

— О ком вы? — растерянно спросил Аста-Аз, и фаэрт покачал головой.

— Идем. Филисити тут явно не до нас, — с явной обидой в голосе произнес Эштон, похлопав друга по плечу, и покинул комнату.

За ним ушел и азеанец. Моё одиночество длилось недолго, только я вышла из душа и высушила волосы, как вернулась Корресса. Она не придавала значения моим сборам, пока я собиралась. Я хотела надеть своё единственное украшение, которое мне отдал отец, но передумала. Я его побаивалась, будто оно принесет с собой груз ответственности.

Приборная панель пиликнула, хотя на ней никто не отобразился, лишь пустой коридор. Моё сердце заколотилось с удвоенной силой. Я вышла в коридор и огляделась по сторонам. Справа, привалившись к стене, стоял Макс и улыбался самой плутовской улыбкой во Вселенной.

— Макс, — тихо прошептала я и бросилась к нему.

Мужчина поймал меня, закружив и покрывая поцелуями мое лицо. Я прижималась к нему, хватаясь за плечи, и думала, что счастье осязаемо. Моя любопытная соседка выглянула из комнаты и так и застыла, смотря на своего кумира. Фаэрт, будто почувствовав внимание зрителей, опустил меня на пол и оглянулся к Коррессе.

— Вы, должно быть, соседка Филисити? — спросил он вежливо, оглядев в открывшийся проем нашу комнату.

Конечно, экраны с его фотографиями не могли укрыться от его внимания. Это поняла и Корресса, которая залилась краской. Раньше за ней такое не наблюдалось.

— Ты собралась? — обратился уже ко мне Макс, так и не получив ответа от своей фанатки.

— Да, — кивнула я, оправив юбку цветастого сарафана и взяв фаэрта за руку.

Когда мы пересекали холл, столкнулись с фейссором. Тот хмыкнул и спросил:

— У Эжелиона познакомились?

— А где мы еще могли познакомиться? — как ни в чем не бывало вопросом на вопрос ответил Оджифаэрс.

— И то верно, — кивнул Орган-онг и отошел в сторону, пропуская нас.

Когда мы покидали училище, то дежурный на КПП удивленно приподнял брови и бросил своему сокурснику, думая, что мы его не слышим:

— Я же говорил, что она не гомосексуалка...

После этих слов мне хотелось провалиться сквозь землю, я схватила Макса и побежала к парковке под его хохот. Когда мы дошли до его аэромобиля, то у мужчины от смеха даже слезы выступили.

— Лиса, серьезно? Почему они так подумали? Да ты же сама невинность!

— Эти слухи распустил Эштон, — призналась я, смущенно оправив юбку платья. — Хотел уменьшить внимание к моей персоне.

— Первый раз упоминание о нем меня не раздражает, — сощурившись, констатировал фаэрт и открыл для меня дверцу аэромобиля.

— Куда мы поедем? — спросила я, как только мы оба оказались в салоне.

— Сначала сходим на онлайн-аттракционы, а потом я представлю тебя своим родителям, — спокойно ответил Макс, подняв аэромобиль в воздух и вклиниваясь в воздушную трассу.

— Родителям? Не рано ли? Мне еще не хочется с ними знакомиться, — призналась я, отвернувшись к окну.

— В данном случае я не могу учесть твое желание. Если я буду тайно с тобой встречаться, это породит только больше слухов и сплетен. Если же все будет официально, то волнение и интерес не вызовет. Официальные факты скучны, по мнению населения.

— Это единственная причина? — уточнила я.

— На самом деле, нет. Дед упомянул о тебе при моих родителях, и теперь они просто жаждут с тобой познакомиться.

— Скажи честно, чего мне ожидать. Твои родители против вертикальной мобильности?

— Им плевать, — с усмешкой ответил фаэрт. — Если я буду счастлив, они примут даже тартарианку.

Я невольно улыбнулась. Значит, все не так страшно, как я опасалась.

— Твои родители так плохо настроены к представителям этой расы?

— А кто захочет иметь в невестках девушку, читающую тебя, как открытую книгу?

Это точно. А ведь кто-то еще влюбляется в телепатов! Как же они с ними живут? Ведь каждая мысль на поверхности. А каково тартарианцам, которым постоянно приходится фильтровать полученную информацию и хранить важные секреты?

Как и обещал Макс, сначала мы побывали на аттракционах. Они представляли собой смесь виртуальной реальности и настоящих ощущений — нас подвешивали над батутами, надевали очки и включали видео полного погружения.

Тут и начиналось самое страшное. Чувство невесомости, когда с помощью батута я взлетаю в воздух, и картинка перед глазами, в которой я лечу со скалы — непередаваемая гремучая смесь ощущений. И эти ощущения постоянно сменялись. То зомби-апокалипсис, то скоростные гонки, то доисторический лес с опасными хищниками.

Между фильмами были перерывы, поэтому мы с фаэртом успевали поделиться впечатлениями и вместе посмеяться. Потом мы вновь погружались в виртуальную реальность, и я вновь оказывалась на грани страха. И осознание того, что все вокруг не реально, ни капли меня не утешало. Все было настолько будоражающим, что пробирало меня до мурашек.

Я была в восторге, хотя с трудом держалась на ногах после четырех просмотренных фильмов. Сердце безумно колотилось, а живот еще скручивался в страхе, но зато на лице была безумная улыбка. Выброс адреналина был колоссальным.

Макс посмеивался, смотря на меня. Конечно, он-то наверняка все это видел еще в юношестве, мне же негде было испытать подобные ощущения. Фаэрт взял меня за руку и повел в сторону кафе, где мы перекусили, но не стали наедаться. Макс аргументировал это предстоящим торжеством.

— Ты уверен, что хочешь познакомить меня со своими родителями? — переспросила я, открывая дверцу автомобиля.

— Абсолютно, — уверил меня Макс.

Прилетели мы быстро. Квартиру Макса я помнила с точностью до мелочей, даже приходила сюда я с легким трепетом, словно возвращалась туда, где прошли годы моей юности. Я была здесь всего один день, когда эта квартира успела стать мне настолько родной? Странно, но всё, что связывало меня с Максом, мгновенно становилось привычным и родным.

— В спальне на кровати лежит платье и туфли. Переоденься, хорошо?

Я кивнула и прошла в указанную комнату, быстро обнаружив коробки. Проверив их содержимое, я пришла к выводу, что готовится не просто знакомство с родителями, а как минимум королевский прием. Конечно, Макс — наследник компании «КосмоЭнерго», но неужели все должно быть настолько официально?

Платье было персикового цвета, с расшитым бисером лифом из легкой многослойной ткани на бретельках. Спереди юбка доходила до середины бедра, а вот сзади спускалась до щиколоток. Сам цвет и фасон прекрасно подходил и к цвету кожи, и к моей фигуре, но чувствовала я себя при этом некомфортно.

Словно девица, нелегально пробравшаяся в королевский дворец и притворившаяся принцессой.

От этой мысли настроение резко поползло вверх. Нервно оправив юбку, я взяла в руки босоножки в цвет к платью с множеством ремешком и так же расшитые бисером. Каблук был небольшой и устойчивый, поэтому не стеснял мои движения.

В дверь постучались, вошел Макс и, окинув меня придирчивым взглядом, удовлетворенно кивнул и пропустил внутрь высокую азеанку с чемоданом в руках.

— Позволишь ей заняться макияжем? — спросил Макс, кивнув в сторону девушки.

— Как будет угодно, — немного раздраженно ответила я.

Фаэрт тут же почувствовал изменения в моем настроении, поэтому жестом приказал азеанке выйти, а сам подошел ко мне и взял за руки. Заглянув мне в глаза, он сказал:

— Лиса, для меня ты хороша в любых нарядах, а лучше всего — без них. Но я хочу, чтобы ты не чувствовала себя смущенно рядом с другими гостями моих родителей.

— Мы идем не просто на знакомство? — изумленно переспросила я, заглянув в глаза моему контрабандисту.

— Нет, — ответил Макс спокойно. — Я хочу представить тебя, как свою девушку. Не беспокойся. Я не отойду от тебя ни на секунду. Ты мне веришь?

— Иногда мне кажется, что во всей Вселенной я верю только тебе.

8

Не сказать, что Макс как-то по-особенному отреагировал на стиль, созданный визажистом, но ему определенно понравилось. Об этом говорили искорки в его глазах и легкая заминка, когда я вышла из комнаты.

Светлые волосы сплели в «корзинку», оставив несколько прядей обрамлять лицо. Вечерний макияж был фиолетовых оттенков, прекрасно гармонирующий с моими глазами оранжево-красного цвета. Как же фаэртам легко выдать свои чувства! Скрывать собственные эмоции учат политиков и детей из богатых семей, которым приходится улыбаться даже собственным недругам и умирять свой гнев.

Мне незачем было скрывать свои чувства. Макс и так знал, что я безумно в него влюблена.

— Идем? — протянул мне руку фаэрт, и я вложила свою ладонь, улыбнувшись.

Сам мужчина был облачен в темно-бордовый смокинг с рубашкой персикового цвета. Разумеется, мы были так гармоничны, что даже наши наряды кричали об особых отношениях между нами. Макс специально подобрал нам такую одежду.

Полетели мы не на личном аэромобиле, а с водителем, которого я видела еще в первый день пребывания на Фарэте. Даже если он узнал меня, то вида не подал. Мы с Максом сели на заднее сиденье, и фаэрт тут же взял меня за руку, успокаивая. Я ответила ему слабой улыбкой.

Сказать, что я не нервничала — это непременно солгать. Живот скручивало от волнения, и только рука Макса, сжимающая мою ладонь, помогала справиться с нервозностью.

Казалось, что наш полет длился несколько часов, хотя занял он не больше двадцати минут. Мы остановились перед парадным входом четырехэтажного здания, выполненного из камня и подсвечиваемого множеством световых пушек. Но удивительным был не старинный экстерьер, а красная ковровая дорожка и живой коридор из журналистов, ожидающих нашего появления. Неужели здесь собрались настолько именитые гуманоиды, что толпа с таким ажиотажем жаждет появления нового гостя?

Макс вышел из аэромобиля под рев и крики толпы и открыл передо мной дверцу. Стараясь унять дрожь, я вышла из машины, поправив болеро на плечах, и прошла под руку с Максом по ковровой дорожке. На нас сыпались вопросы, но фаэрт их игнорировал, сжимая мою ладонь, лежащую на сгибе его локтя.

Яркий свет парадной ослепил, и я на миг зажмурилась, давая зрению привыкнуть. Когда же открыла глаза, то поняла, что попала в центр внимания. Гости в дорогих одеждах, отложив все светские беседы, смотрели в сторону входа.

Широкая лестница впереди и балконы по бокам были заполнены гуманоидами, несколько пар было и в холле, но большинство гостей предпочитали отправиться вверх по лестнице в зал с высокими потолками и хрустальными люстрами, которые виднелись через распахнутые двери даже с моего места.

К нам подошел лакей и принял верхние одежды, после чего с легким поклоном отошел, Макс же вновь взял меня под руку, и мы вместе поднялись по лестнице под множество любопытных взглядов.

— О чем они думают, интересно? И что будут говорить, стоит нам перешагнуть двери зала? — тихо спросила я, наклонившись к спутнику.

— Они думают, насколько сильно я влюблен и не окончательно ли я потерял голову. Видишь ли, у нас с тобой глаза красноречивей любых слов.

Я смущенно потупила взор, хотя счастье буквально рвалось наружу в виде улыбки. Из зала, куда мы направлялись, текла приятная классическая музыка и были слышны гомон голосов и негромкий звон бокалов.

Когда мы вошли, не менее половины взоров окружающих были направлены к нам. Стараясь ступать легко и непринужденно, я приклеила к лицу легкую улыбку и позволила своему контрабандисту провести меня по центру зала к молодой паре, с интересом оценивающей меня.

— Это твои родители? — шепотом спросила я.

— Да.

Они, будто услышав наш разговор, переглянулись и улыбнулись. Оба высокие, статные, с темными волосами и невероятно красивые. Вместе они так гармонично смотрелись, затмевая собой многие пары из здесь присутствующих. Выглядели они немногим старше Макса, возможно, недавно прошли процедуру омоложения, но при этом в их взглядах чувствовалась мудрость прожитых лет.

Мужчина был в строгом черном смокинге с белой рубашкой и бордовым галстуком-шарфом, а его жена облачена в струящееся по фигуре темно-красным шелком платье до щиколоток. Наверное, умение гармонизировать парами у Макса от родителей.

— Позвольте представить вам мою девушку, — как только мы подошли, сказал Макс и положил руку мне на талию. — Филисити МакКаст. Мама, ты же с ней уже знакома.

Разумеется, он намекал о своей лжи при оформлении моих документов. Я бросила мимолетный взгляд на Макса, который слегка улыбался. Неужели он рассказал своим родителям о моем происхождении? Хотя это было тайной даже для меня.

— Поэтому представлять тебе госпожу Никеллу не нужно, — продолжил Макс, — а вот с отцом, господином Элитоном, я обязан тебя познакомить.

— Очень приятно, — ответила я, слегка склонив голову и с трудом подавив позыв прижать два пальца к виску, как учили нас на военной кафедре.

— И нам, — кивнул господин Элитон, и я даже слегка вздрогнула, так как голос у него был идентичным голосу сына. — Мы наслышаны о тебе.

— Мой отец хвалил тебя, — с улыбкой пояснила Никелла, переглянувшись с мужем. — А он слов на ветер не бросает.

— О, да, — с усмешкой согласился Элитон, смотря на меня. — Он слишком краток. Когда я попросил руки его дочери, он кивнул и ушел, оставив меня без ответа. Помнится, тогда у меня прибавилось седых волос.

Мы слегка рассмеялись, а родители Макса обменялись нежными взглядами.

— Что ж, развлекайтесь, — положил руку на сгиб локтя мужа, сказала Никелла.

Мы отошли к фуршетному столику, и Макс подал мне бокал с соком и тарелочку с закусками. Но из-за волнения я лишь попробовала угощения, но так и не съела.

— И почему ты такая трусишка, хотя обучаешься на военном отделении? — нагнувшись ко мне и опалив кожу у шеи своим дыханием, спросил фээрт.

— Я совершенно не ожидала, что попаду именно туда, — ответила я, и Макс хмыкнул.

— На твой выпускной я тебе расскажу истинную причину, — пообещал Макс, удостоившись моего изумленного взгляда. — Сразу хочу предупредить, что к этому я не имею никакого отношения, просто кое-что успел узнать.

— Я же теперь умру от любопытства!

— Тогда я отправлюсь на тот свет за тобой, — с улыбкой пообещал Макс, подарив легкий поцелуй в щеку.

— Потанцуем?

В другой части зала возле оркестра действительно была небольшая площадка, где пары могли насладиться танцами. Я отрицательно покачала головой, так как совершенно не была обучена светским танцам. Макс, будто разгадав причину, потянул меня к оркестру.

— Просто двигайся за мной, хорошо? — тихо прошептал он, положив одну руку мне на талию, а второй сжав мою ладонь. — Положи правую руку мне на плечо. Вот так. И смотри на меня, а не под ноги.

Музыка сменилась, и Макс начал движение. Я послушно последовала за ним, не отводя взгляда от его глаз. В них плескалось столько нежности, что я боялась утонуть в них. Мне не верилось, что я танцую с самым невероятным мужчиной во Вселенной, который не просто влюбился в меня, а признал своей девушкой перед общественностью.

Сколько его планов разрушили наши отношения? Я ведь догадываюсь, что он поддерживал образ мальчика-плейбоя не просто из интереса, а причина его поступков была намного глубже. Это заставляло меня одновременно волноваться за него и радоваться, что на первом месте для него мы и наши отношения.

Музыка закончилась слишком быстро, и мы отошли к креслам, когда к нам подошли знакомые Лимаксиона. Разговор был светский, призванный лишь растянуть время для изучения меня. Я держала ровно спину, чему меня научили физические тренировки, и старалась быть безучастной. Вскоре разговор иссяк, и Макс предложил прогуляться по саду.

На деревьях висели гирлянды, вдоль дорожек стояли скамьи и клумбы с цветами, подсвечиваемые яркими огнями светильников. Уже был вечер, и это напомнило мне наше первое свидание в лесу.

— А чей это особняк? — спросила я, чтобы заполнить паузу.

— Моих родителей, но этот дом никогда не был мне родным, — ответил фаэрт. — Я обучался на дому и проводил много времени у деда, только по достижении совершеннолетия меня отпустили в Фарэтский государственный университет, а там я уже съехал в свою квартиру. Также я много времени проводил во дворце.

— А там ты что делал? — Я изумилась, выгнув вопросительно брови.

— Мы были дружны с его высочеством Фималионом в детские годы, разница в возрасте у нас была небольшая — только два года.

Максу сейчас сорок один, значит, его высочеству сорок три. По фаэрскому летоисчислению это еще мальчишки. Серьезный возраст для брака и для свершений начинается к восьмидесяти-ста годам.

— Ты думаешь, он жив?

— Кто знает, — пожал плечами Макс, — я надеюсь, что он хорошо прячется.

— Ты ведь его ищешь, да? — тихо спросила я, сжав руку моего контрабандиста. — Бонни и Клайд — это про вас с Чо?

— Тише, Лиса, — прошептал Макс, улыбнувшись. — И спасибо, что ничего не спрашивала у меня, хотя сама уже догадалась.

— Я люблю тебя, и ничто это уже не изменит, — остановившись, ответила я.

Макс встал напротив меня, обхватив мое лицо руками. Я положила ладони ему на талию и Фазерт признался:

— Ты меня очаровала, Лиса. Ты зацепила крючком мое сердце и медленно тянула за леску, пока полностью не завладела мной. Вот только ты забрала у меня нечто большее, чем сердце. Ты украла мою душу. Ты суший Дьявол, Лиса, но как же я счастлив быть сатанистом.

Я не совсем поняла его слова о сатанистах, видимо, это история других конфедераций, может быть, легенды Фаэра, но его слова звучали настолько уверенно и проникновенно, что я поняла — в них он действительно обнажил свою душу передо мной. Чтобы ни случилось, но мы с ним связаны нерастяжимой нитью, и как бы мы не раскручивали катушку — в итоге нас притянет друг к другу.

Макс медленно наклонился ко мне и невесомо поцеловал. Я закрыла глаза, отдавшись власти его губ. Наши прикосновения — это пожар, заставляющий заходиться сердце в бешеном ритме. Наша жизнь — это череда событий, заставляющих ожидать следующей случайности с восторженно-сумасшедшим взглядом.

Зазвучала медленная музыка, и я отстранилась. Откуда она звучит? Макс загадочно улыбнулся. Он все подстроил? Сделав шаг назад, мужчина протянул мне руку с легким поклоном. Я приняла приглашение, присев в шутливом реверансе.

Еще один танец в одиночестве деревьев оказался для меня подарком, сравнимым со всем счастьем вселенной. Когда отыграли последние аккорды, Макс обнял меня и поднял пальцем мой подбородок, заставив посмотреть на небо, где кружили звезды. Разумеется, это множество искусственных спутников так мигают нам, будто падая, а не настоящие небесные светила.

Внезапно их хаотичное движение приобрело четкую траекторию, и они выстроились в знакомые буквы моего имени.

Лиса.

Это для меня. Сколько же стоило запустить столько спутников в небо, что они мигающими звездами написали на ночном небе мое имя? Сейчас весь Фазерт видит это молчаливое признание. На глазах выступили слезы, но я была не в силах оторваться от созерцания неба.

Макс обнял меня за талию, встав сзади.

— Когда-то я услышал, что сила женской любви в том, чтобы отпустить и дать возлюбленному шанс на обретение счастья, — тихо прошептал Макс. — Сила же мужской любви иная, и она заключается в стальных силках, которыми удерживает мужчина свою возлюбленную. Он не сможет отпустить, потому что в любви его единственная слабость. Лиса, — его дыхание опалило кожу на висках, — ты моя слабость, но с тобой я становлюсь невероятно сильным. Парадокс любви, правда?

— Правда, — счастливо ответила я, закрыв глаза и позволяя слезам радости скатиться по щекам.

Макс вновь подарил мне чудесный вечер. Каждый раз, когда я думаю, что счастливей уже быть не могу, он удивляет меня. Сколько нас ждет еще счастливых часов и минут?

Часть 4

1

В общежитие я забегала с горящими глазами, словно опьяненная. В холле меня встретил Эштон. Он сложил руки на груди и строго спросил:

— Ты пьяна? Дыхни.

Я рассмеялась и послушно выполнила приказ друга. Естественно, алкоголя в моей крови не было, что понял и фаэрт. Он нахмурился и отступил в сторону, пропуская меня внутрь. Я же обняла друга и призналась:

— Я очень его люблю!

— Мы видели, — кивнул парень, — на небе зажглось твое имя. Он ведь так тебя называет? Лиса?

Я смущенно улыбнулась и кивнула. Эш отвернулся, его глаза стали фиолетовыми, что говорило о его бешенстве. Я сделала шаг назад, но фаэрт приблизился ко мне, схватив меня за плечи и потрясывая, и прокричал:

— Прекрати его любить! Посмотри хоть раз в мою сторону!

Растерянная его неожиданным напором, я прошептала:

— Не могу. Я отдала ему своё сердце.

Эш сделал шаг назад, пошатнувшись. Постояв еще несколько секунд в неподвижности, я убежала к себе в комнату. Соседка не спала, сидела на кровати и смотрела в окно. Экраны со стен были убраны, над чем я мысленно усмехнулась. Пройдя к столу, я погладила лепестки своего цветка и услышала вопрос Коррессы:

— Вы с ним встречаетесь? Твое имя первое в поисковых запросах на сегодняшний день. Почему ты мне не сказала?

— Мы сначала решили не афишировать наши отношения, но в итоге Макс переиграл, — честно призналась я.

И мне вновь не ответили. Тоже игнорируют? Но настроение не испортили даже слова и поведение Эштона. Любовь Макса окрыляет и делает меня самой счастливой во Вселенной.

Кажется, следующие три месяца я не жила, а парила по облакам. Внезапно в моей жизни

появилась наполненность, Макс стал её неотъемлемой частью. Мы встречались почти каждый день. Не знаю, как Оджифаэрсу удалось уговорить администрацию, но даже если меня не выпускали за территорию надолго, то мы сидели у него в машине, целовались и разговаривали обо всем, что можно.

Слухи о нашем романе уже улеглись, хотя периодически все равно проскакивали наши голограммы в новостных потоках. Я уже относилась к этому спокойно, больше меня заботила ревность Эштона.

Мы с ним отдалялись друг от друга, хотя другие ребята относились ко мне по-прежнему, только подкалывали насчет моей псевдо-нетрадиционной ориентации.

Сегодня, в честь начала нового года, у нас были три выходных, в течение которых можно получить увольнительные. Естественно, я собиралась отпраздновать новый год с Максом. Он обещал устроить ужин у него в квартире, и это первый раз, когда ужин был назначен так поздно вечером.

С каждой нашей встречей прикосновений Макса мне не хватало, хотелось большего, но в то же время во мне жил страх первой близости с мужчиной. Сегодня я облачилась в красное короткое платье, которое подарил мне Макс еще месяц назад.

Вообще, он делал мне много подарков, и запретить ему я не могла, потому что понимала — ему это необходимо. Он пытался заполнить все пробелы моей жизни собой, я же и так дышала этим мужчиной.

Сегодня мне хотелось быть особенной, и первый раз я достала кулон, подаренный отцом перед нашим расставанием. Наши разговоры с родителями были еженедельными, но я очень скучала по ним, поэтому после практики этим летом собиралась полететь на Орео, о чем я уже сообщила Максиму, и он обещал полететь со мной. Мне так важна была его поддержка!

Панель зазвонила, и в комнату вошел Эштон. Он махнул рукой соседке по комнате и сел на стул, окинув меня оценивающим взглядом. Красное платье выгодно подчеркивало каждый изгиб моего тела.

— Прекрасно выглядишь!

— Спасибо, — ответила я. — Почему ты еще не улетел?

— Хочу для начала проводить свою сестренку и дать несколько наказов Оджифаэрсу.

— Ты же знаешь, что он тебя не послушает.

— Но повторение — мать учения, — наставительно сказал фаэрт и подмигнул.

Его взгляд внезапно зацепился за кулон у меня в руках, и Эш застыл, ошеломленно глядя на него. Он протянул руку и взял его, повертев в разные стороны, разглядывая под хорошим углом освещения.

— Откуда он у тебя? — потрясенно спросил он.

— Отец отдал, — смущенно призналась я, и Эш наградил меня еще более удивленным взглядом.

Да что с ним?

— Кто твой отец?

— На самом деле я приемная, — призналась я, заправив прядь волос за ухо и сев на кровать. — И его мне отдал приемный отец в день моего отлета, наказав беречь украшение. А что? Ты его прежде где-то видел?

— Да... Нет, — внезапно запнулся друг, закусив губу.

— Эш, что это значит?

Друг оглянулся на мою соседку, но та была в наушниках, поэтому не слушала нас.

— Мне надо все обдумать, Фил, — наконец, сообщил мне друг. — Ты же собираешься на свидание? Поговорим завтра.

— Я собираюсь остаться у Макса на несколько дней, — ответила я, почувствовав, как щеки опалило жгучим румянцем.

Разумеется, Эштон понял, но в этот раз даже не выказал своей ревности, лишь задумчиво кивнул и покинул мою комнату. Я проводила его недоуменным взглядом, так и не спросив: «А как же наставления для Оджифаэrsa?»

Макс встретил меня на КПП легким поцелуем.

— Прекрасно выглядишь.

— Все для тебя, — ответила я, подмигнув, и взяла фаэрта за руку.

Мы вместе направились к аэромобилю. На мне была теплая куртка, так как на Фарэте были холода. Забравшись внутрь салона, я тут же положила руки на вентиляционные устройства, обогреваясь.

— Когда замерзнуть успела? — с усмешкой спросил Макс, поднимая аэромобиль в воздух.

— Я родилась и прожила на Орео, а там вечная жара, — пояснила я и отвернулась к окошку.

Летели мы долго и осторожно, так как был сильный ветер, свойственный этому времени года. Есть что-то прекрасное в том, чтобы сидеть в теплом салоне с любимым человеком, когда вокруг вас бушует буря.

Входя в квартиру Макса, я немного волновалась, что вновь не укрылось от моего контрабандиста. Он ласково улыбнулся, взял мое лицо в свои руки и проникновенно сказал:

— Если ты этого не хочешь, то ничего не будет.

— Я хочу, — выдала я с придыханием, покраснев до кончиков волос.

Макс рассмеялся, поцеловав сначала щеки и только потом губы. Сняв с меня куртку, он повесил её на вешалку, а потом опустился на колени и помог снять сапоги. Его забота была естественной, поэтому не вызвала неловкости.

В зале на барной стойке был накрыт ужин с электронными свечами в форме цветов. Свет был

приглушен, а через витражное окно открывался вид на яркие огни вывесок ночного города, поглощенного празднованием нового года.

Макс прошел к столу и открыл бутылку вина, разлив его по бокалам. Я не спешила проходить к столу, так как есть мне совсем не хотелось. Макс меня понял, кажется, его тоже не особенно заботила в этот момент еда.

— Сядем? — спросил он, кивнув на диван, и подал мне один из бокалов.

Пригубив вино, я удивленно глянула на Макса.

— Литтелла? Разве из неё делают напитки?

— В закрытых винодельнях, — подмигнул Макс, потянув меня к дивану.

На столике стояли вазы с различными фруктами. Я взяла в руки несколько сиреневых ягод, попробовав одну, а вторую протянув Максу. Он сначала поцеловал мои пальцы, и только потом съел ягоду, неотрывно глядя на меня.

— Соблазняешь? — с улыбкой спросила я.

— Если ты согласна соблазниться, — ответил он, отпив из своего бокала.

Я рассмеялась, поджав под себя ноги и облокотившись о спинку дивана. Макс придвинулся ко мне и, поставив на стол свой бокал, поцеловал мои губы. Отстранившись, он взял мой бокал и пригубил напиток, после чего протянул вино к моим губам. Наклонив голову, я выпила остатки.

Несколько капелек упало мне на грудь. Макс, поставив вино на стол, наклонился ниже и поцеловал шею, медленно спускаясь к декольте. Так всегда в наших отношениях. Кажется, что я выпиваю остатки, оставляю последнее слово за собой, но в итоге все достается ему — последние капли меня, последнее слово в наших отношениях. Я чувствую себя рядом с ним если не ребенком, то ласковым фокси, готовым ластиться к хозяину.

— Макс, — выдохнула я, когда мужчина целовал открытую в вырезе платья грудь, сжав мою талию руками.

— Да, Лиса? — тихо спросил фаэрт, поднимаясь выше, покрывая легкими прикосновениями своих губ мою шею.

Мы встретились взглядами, и я медленно стянула с него пиджак. Макс не улыбался, так же как и я, но его глаза были багрового цвета. Интересно, у меня такие же? И как это контрастирует с моим платьем?

Руки Макса легли на мои бедра, он погладил кожу, вызывая мурашки, и потянул юбку наверх. Его движения были медленными, будто он давал мне время для отступления, но я даже не собиралась отступать. Чтобы доказать свою решительность, я потянулась к его рубашке, расстегнув несколько пуговиц. Макс улыбнулся, и уверенно снял с меня платье, поглощая жадным взглядом мое тело.

Для него я надела вызывающее кружевное белье, которое было сплетено из семи нитей различных цветов радуги.

— Ты сведешь меня с ума!

— Разве я не сделала это полгода назад? — улыбнулась я, вспоминая нашу встречу в лесу, где светлячки танцевали только для нас.

— Самоуверенная девчонка, — хмыкнул Макс и наклонился, даря незабываемый поцелуй.

Мужчина подхватил меня на руки и понес в спальню, кровать в которой была устлана лепестками. Свет здесь был фиолетовый, создавая романтическую атмосферу. Макс уложил меня поверх лепестков, которые приятным бархатом дотронулись до разгоряченной кожи.

— Этой ночью и на всю жизнь ты только моя. Обещай мне это.

— Ты и так это знаешь, а слова — лишь вибрация воздуха, — тихо ответила я, расстегнув спереди бюстгальтер и выгнув спину. — Я — твоя.

Встречать новый год в его объятиях — волшебно. Ведь каждый знает, как новый год встретишь, так его и проведешь. Я хочу проводить каждую минуту рядом с Максом. Всю жизнь.

Я столько раз читала в книгах про утро возлюбленных, но вот первый раз мне удалось проверить все на себе. Поцелуи, покрывающие моё тело, и легкое пробуждение, вызывающее запредельную улыбку на губах. Я потянулась к губам Макса, совершенно не стесняясь своей наготы.

— С новым годом, — прошептал он, стоило нам разорвать поцелуй.

— С новым годом, — вторила я, зажмурившись от удовольствия.

Макс негромко рассмеялся и подул на лицо, смахивая несколько прядей волос.

— Я приготовлю завтрак, — пообещал он, встав с кровати и отправившись на кухню.

Голый.

Я рассмеялась, а Макс обернулся в дверях и подарил мне широкую улыбку. Он невыносим! Хотя о чем это я? Он самый-самый лучший!

Вымывшись в душе, я надела футболку Макса, оставленную им на кровати специально для меня. Сам же он натянул спортивные штаны и уже приготовил все для завтрака, убрав вчерашнюю еду, к которой мы даже не притронулись.

За окном вновь лил дождь, такой привычный для холодного сезона, но в квартире было тепло и уютно. Электронные часы на стене тикали, а приятный женский голос домашнего компьютера говорил о последних новостях мира. В этом спокойствии было свое очарование. Словно ты куда-то долго-долго бежал, сбиваясь с ног, и, наконец, остановился, насладившись прекрасным мгновением. Нет, ты еще не прибежал, но приобрел бесценный опыт жизни и кое-что еще — счастье.

Все выходные с Максом провели буквально в обнимку. Мы смотрели фильмы, играли в игры виртуальной реальности и, конечно, наслаждались обществом друг друга в полной мере. Макс знакомил меня с особенностями наших тел, и я плавилась в его умелых руках.

Мы принимали вместе душ. Макс даже как-то пошутил, что с моим темпераментом он очень пожалел, что в тот первый день на спутнике, когда застал меня голой в душе, он вышел, а не закрыл за собой дверь и не познакомил меня с особенностями физиологии раньше.

Я поджимала губы, хотя мысленно сама прокручивала альтернативное развитие событий в голове. Хотя у нас и так все прекрасно получилось. Постепенно и сладко.

Расставаться с Максом мне не хотелось, но впереди меня ждала учеба, а его — новый полет с Чо. Когда мы сидели в аэромобиле на парковке перед училищем, Макс поделился:

— Мне вновь придется улететь на несколько месяцев.

Я не ответила, потому что слова были лишними. Я не хотела вмешиваться в его дела, понимая, что это опасно. Чем я меньше знаю, тем меньшей опасности подвергает себя Макс. А то, что мы будем часто созваниваться, это само собой разумеющееся.

Эштон ждал меня на КПП. Он улыбнулся и приветственно махнул Максу рукой, тот ответил ему сигналом световых огней аэромобиля и поднялся в воздух. Друг приобнял меня за плечи и сказал:

— С новым годом, Фил!

— С новым годом, — с улыбкой ответила я, замечая неожиданные перемены в друге.

Из его взгляда ушла тоска, будто он вновь стал тем весельчаком, с которым мы познакомились на первом курсе. Неужели он больше не ревнует меня? Какое же облегчение! Мне так не хватало моего друга, который успел мне стать настоящим старшим братом!

— Идем? — спросил Эш, взяв меня за руку и потянув ко входу в училище.

— Ты изменился. Что-то произошло?

— О, да, — кивнул Эш и улыбнулся, — представляешь, я нашел потерянную сестру!

— Не может быть! — воскликнула я. — Как? Когда? Познакомишь?

— Когда-нибудь позже. Сейчас не время. — Эштон мотнул головой и посмотрел на общежитие, куда мы направлялись. — Я считал её погибшей, поэтому просто счастлив, что она выросла такой замечательной девушкой.

— Ты разжигаешь моё любопытство, — пожурела я друга, и тот рассмеялся, потрепав мои волосы.

— Я вас обязательно познакомлю, Филисити, — ответил друг и с хитринкой посмотрел на меня.

— Так чем вы занимались с Максом все эти дни?

Мои щеки украсил румянец, а фаэрт звонко расхохотался, из-за чего на нас начали оглядываться студенты. Закусив губу и поправив на плече сумку, я ускорила шаг, а Эштон так и остался следовать за мной верной тенью. Лучшего друга я и пожелать не могла.

Иногда сказка так стремительно врывается в наши двери, что уже не отличишь её от реальности. Так случилось и со мной. Сказка поселилась в моем сердце.

После прохождения летней практики на турбинном предприятии, я отправилась на законные каникулы с Максом. Бархатец, который достиг в высоту десять сантиметров, я оставила у Эша.

Выйдя с КПП и увидев на парковке синий аэромобиль возлюбленного фаэрта, я улыбнулась и побежала в его сторону. Макс вышел из салона и поймал меня в свои объятия, закружив.

— Как я скучал, моя Лиса, — шептал мужчина, покрывая поцелуями моё лицо.

— Я тоже, — прошептала я, положив руки на его плечи.

Пусть наши отношения уже были привычными, но я все равно не могла избавиться от сердечного трепета всякий раз, когда мы находились рядом. Даже если мы не смотрели друг на друга, то чувствовали и ощущали присутствие.

Сев в аэромобиль, мы еще долго переглядывались. Пересекая черту города, Макс спросил:

— Ты не против, если перед Орео мы слетаем на одну маленькую планету? У меня там есть дела.

— Как тебе будет угодно, если это не займет много времени, — покладисто согласилась я.

Макс загадочно улыбнулся, но не ответил.

На личном корабле моего контрабандиста меня ждал сюрприз в лице экипажа, с которым я познакомилась в первый день встречи с Оджифаэрсом. Чо, Марго и Данс глядели на меня с усмешкой, но при этом любезно поздоровались и пожелали приятного полета. Их присутствию я удивилась, поэтому, когда мы оказались в каюте, спросила:

— А мы разве не одни полетим к моим родителям?

— Прости, Лиса, — виновато ответил фаэрт, обняв меня за талию и притянув к себе, — но я не смогу быть с тобой во время каникул в Рассветном. Мне нужно быть на одной из колоний в Орской системе. Чо в последний момент сказал мне это.

Кажется, пришла мне пора многое узнать и открыть глаза. Утянув Макса за собой, я усадила его в кресло и села ему на колени, обняв мужчину за шею.

— Расскажешь?

— А ты хочешь услышать? — спросил фаэрт, давая мне пути к отступлению. Я уверенно кивнула. — Хорошо, раз ты сама желаешь этого. Последний год зависимым перестали платить даже те крохи, что были раньше, и они устраивают забастовки. В свою очередь правительство очень жестко с ними расправляется, просто сбрасывая бомбы на места обитания забастовщиков.

— Что?! — вскрикнула я, открыв от удивления рот. — Это ужасно! Но почему в новостях нет об этом ни одного упоминания?

— Правительство контролирует СМИ. Грядут изменения, Филисити, и меня пугает то, кто может встать во главе Шестого межгалактического союза.

— Поэтому мы куда-то заедем перед Орео?

— Нет, это связано с другим, — ответил Макс, так ничего и не разъяснив мне.

Я же делала для себя кое-какие выводы. Деятельность Макса вне закона, а я — военная курсантка. И мне что-то нужно решать с этим диссонансом. Следует выбрать либо Макса, либо военную службу. И моё сердце уже сделало своё выбор.

Сказать, что я ждала поездки к родителям — это ничего не сказать. Я хотела их видеть до слез, желала обнять маму и папу и признаться, как сильно скучала по ним, убедить их, как сильно я счастлива, и поблагодарить за все, что они для меня сделали.

Как-то вечером, когда я стояла перед шлюзом и смотрела на галактику, ко мне подошел Макс и обнял меня за плечи. Полет уже длился пять дней, и скоро мы должны совершить гиперпрыжок, тогда и окажемся в Орской системе недалеко от того места, которое нужно посетить Лимаксиону.

— Лиса, я хочу выкупить Рассветное, заплатив долги и твоих родителей, и других жителей села, — тихо сказал Макс, и я застыла.

Я сама думала об этом, но боялась ему сказать. Можно было продать те подарки, которые он мне дарил, и денег бы хватило с лихвой, но я не решалась. И сейчас моей радости не было предела, когда он предложил выкуп моих родителей.

— Не смей отказываться, — заговорил Макс раньше, чем я успела его поблагодарить. — Я и до этого выкупал зависимых в силу своих возможностей, правда, чаще занимался немного другой деятельностью, более масштабной. Сама знаешь, что многие зависимые — каторжники и преступники, поэтому всегда нужно проверять почву перед выкупом.

Я развернулась в его руках и крепко обняла, расплакавшись.

— Все будет хорошо, — пообещал Макс, приподняв мою голову за подбородок и утерев слезы. — Я сейчас кое-что спрошу у тебя. Ответь сердцем, прошу тебя. Не из чувства благодарности, а только потому, что любишь меня. Хорошо? — Я кивнула, и мой контрабандист продолжил: — Я давно влюблен в тебя. Сначала сам не понимал, почему взгляд ищет в толпе тебя, а мысли возвращаются к твоему образу. Ты уже растворилась во мне, стала моей неотъемлемой частью, и нет смысла скрывать то, что я не представляю без тебя своей дальнейшей жизни.

Макс сделал паузу, взяв меня за руки и поцеловав ладони. Слезы окончательно высохли и я, затаив дыхание, ожидала дальнейшую речь фаэрта.

— Филисити МакКаст, осчастливьте меня своим согласием стать моей женой. Со своей стороны обещаю любить и беречь вас вопреки всем жизненным препятствиям.

Раньше, читая любовные романы, я и на сотую долю не могла вообразить всей радости главной героини. Но сейчас я просто не могла подобрать слов, чтобы выразить всё свое счастье, поэтому ответила лишь одним слогом на выдохе:

— Да!

Макс, до этого задержавший дыхание, облегченно выдохнул и стиснул в объятиях, зарываясь лицом мне в волосы.

— Спасибо.

Кто это произнес? Я или он? Кажется, оба. Обнявшись, мы так и простояли, пока сонливость окончательно не победила нас и мы не отправились спать.

На следующий день нас ждали палящие лучи Орса. Мы сошли на маленькой отдаленной планете, которую раньше принимали за спутник, но потом установили её самостоятельность. Планета была знаменита одним источником — неизученной живой водой, которая могла связывать души.

Здесь заключались так называемые вечные браки, и не нужно быть гением, чтобы понять, зачем мы сюда прилетели. Не сказать, что брак, заключенный здесь, полностью исключал измены — нет, он действовал по-другому.

Между супругами устанавливалась такая физическая связь, что единение становилось невероятным, сильнейшим. И надобность в измене напрочь отпадала, ведь никто не смог бы принести такого же удовольствия, как супруг.

Выходя из звездолета под руку с Максом, я уже знала, что меня ждет в будущем. Практически нерушимый брак с возлюбленным фаэртом.

Я надела белое платье с короткой обтягивающей нижней юбкой, верхняя же была из газа и прикрывала щиколотки. Верх платья представлял собой топик на бретельках. Макс тоже облачился в белые одежды: узкие брюки и приталенную рубашку, которая выгодно подчеркивала широкие плечи.

Я не раз отмечала, что вместе мы гармонично смотрелись — худенькая блондинка с тонкими чертами лица и высокий фаэрт с короткими темными волосами.

— Ты ведь догадываешься? — тихо спросил Макс, когда мы ступили на с виду заброшенный космодром, окруженный лесом.

За нами вышли Марго и Данс, видимо, как свидетели нашего брака. Я видела снимки этой местности, поэтому примерно знала, куда мы сейчас пойдём — через лесную дорожку к водопаду.

— Если бы нет, ты бы все равно повел меня дальше? — с озорным огоньком в глазах осведомилась я.

— Я ни за что не откажусь от брака с тобой, ведь это дает гарантию, что мы никогда не потеряемся, — серьезно ответил фаэрт, сжав мою руку.

— Тогда вперед, — улыбнувшись, ответила я и потянула жениха к узкой лесной дорожке.

Сердце колотилось в бешеном темпе, но неуверенности не было. Мы с Максом старались идти медленно, не спеша, но все равно то и дело ускоряли шаг, будто желали быстрее соединить наши тела и сердца.

Шум падающей воды усиливался, и вскоре мы подошли к водопаду, возле которого стояли монахи в коричневых хламидах. Мужчины медленно развернулись к нам, сложили руки в замок и стали ожидать нашего приближения.

— Вижу, вы хотите соединить свои судьбы? — спросил один из монахов, посмотрев на наши

сцепленные руки.

— Больше всего на свете, — твердо ответил Макс.

— Твое сердце пылает, — сказал второй монах, посмотрев на жениха. — И так сильно, что пылать оно будет вечно. Но твоя возлюбленная не боится этого огня, она его принимает и ласкает. Вполне вероятно, живая вода согласится скрепить этот брак. Есть ли свидетели союза?

— Да, — одновременно ответили Марго и Данс, сделав шаг вперед.

— На ваших глазах двое влюбленных войдут через водопад в пещеру. Вы должны засвидетельствовать отсутствие принуждения и добрую волю жениха и невесты, — сказал монах и обратился к Макс: — Живая вода ждет вас.

Не расцепляя рук, мы двинулись в сторону пологого берега. Войдя в воду, которая приятно остудила кожу, мы под палящими лучами Оrsa направились к водопаду. Частички воды пузырьками стали отделяться от водной глади и покрывать наши тела, играть с волосами и одеждой. Капельки соединялись нитями, сплетая тела.

Пройдя сквозь водопад, мы оказались в пещере с одним озерцом, размером с домашний бассейн. Вода в нем была кристально-зеленая, так и хотелось опуститься в нее, она влекла и манила.

— Если мы хотим получить благословение источника, то должны физически закрепить нашу связь, тогда вода и решит, соединять ли наши души, — пояснил Макс, пригладив мои мокрые волосы.

— А есть вероятность, что она откажется благословлять союз? — с опаской спросила я.

— Все возможно, — задумчиво ответил фаэрт, — иногда вода ошибается и соединяет не тех возлюбленных, которых скрепляет только сильная физическая связь. А иногда благословение не получают те, кто провел всю жизнь бок о бок. Может быть, влияние оказывают наши сомнения, — задумчиво предположил Макс, сжав мою руку и посмотрев на водную гладь. — Но я уверен в своем решении.

— Я тоже, — ответила я и приподнялась на цыпочках, чтобы запечатлеть невесомый поцелуй на щеке мужчины.

Макс развернулся ко мне и снял свою рубашку, после чего начал медленно раздевать меня, покрывая тело поцелуями и вызывая негу во всем теле. Скинув свою одежду, он поднял меня на руки и опустил в воду.

Резкий контраст температур пустил дрожь по всему телу, и я потянулась к жениху, чтобы согреться. Макс принял в объятия, целуя губы. Заниматься любовью в воде было для меня новым опытом, если не считать совместный душ.

Весь мир отошел на второй план, оставив для меня только близость тела возлюбленного фаэрта. Наши глаза были закрыты, и существовали лишь ощущения. Я оседлала Макса и медленно опустилась на него. Темп ускорялся, движения становились резкими, и в какой-то момент я почувствовала, что меня не существует.

Совсем не существует. Есть единое целое — мы — и вокруг ласковая вода, оберегающая нашу любовь. Тяжело дыша, я открыла глаза и столкнулась с красным немигающим взглядом...мужа.

— Лиса, — выдохнул Макс, не в силах даже улыбнуться, ведь сейчас наши мысли и эмоции были настолько обострены, что малейшее их проявление могло сбросить нас в обрыв.

— Люблю тебя, — прошептала я, припадая к губам фэрта.

Одевались мы ленно, будто не желая расставаться с блаженным уединением. Источник не оставил на нас никаких следов, но соединил души — я чувствовала каждой клеточкой своего тела Макса, будто он был частью меня самой.

— Что скажем, когда выйдем? — тихо спросила я.

— Ничего, — прошелестел ответ Макса, и он приподнял мой подбородок, поцеловав губы. — Мы просто вернемся к ним. Они сами поймут.

Так и случилось. Монахи слегка улыбались, а Данс и Марго лишь усмехались, переглядываясь. Поблагодарив слугителей, мы отправились на корабль, продолжая держаться за руки.

Шум водопада остался позади, мокрые волосы развевал теплый ветер, но ничто не имело значения, кроме его руки, сжимающей мою ладонь.

И лишь легкое чувство тревоги бередило душу. Будто это последний мой счастливый день.

3

— Макс, Лиса! — выкрикнул Чо, когда мы приблизились к кораблю.

Сотар-онг выглядел взволнованным, поэтому мы, переглянувшись, нахмурились. Что могло произойти, что вывело обычно спокойного роасана из равновесия? Прибавив шаг, мы забежали через шлюз на корабль.

— Вы должны это видеть, — прокомментировал Чо, оглядев нас и Марго с Дансом, после чего мы все вместе проследовали в капитанскую рубку.

Здесь на полный экран включили видеозапись в прямом эфире, а именно бомбардировку одного из поселков в Орской системе. Затравлено посматрив на Чо, я хотела спросить у него координаты местности, но так и застыла, не в силах выговорить и слова.

— Это Рассветное, — тихо ответил Сотар-онг на невысказанный вопрос.

Его слова громом отозвались в ушах. Я неосознанно сделала шаг назад, пошатнувшись. Меня тут же подхватили бережные руки Макса, но я уже ничего не видела и не слышала, кроме изображения экрана, передающего на весь Шестой межгалактический союз бомбардировку поселка с зависимыми.

— Лиса! Лиса! — отчаянно звал Макс, усадив меня на кресло. — Чо, не стой столбом! Поднимай звездолет!

Голова будто потяжелела, мне хотелось кричать, но голос меня не слушался. Боль тискающими сжимала сердце, дышать стало невыносимо трудно, и каждый вздох давался через два раза с

огромными усилиями.

Нет, нет, нет! Этого не может быть! Мои родители не могли вот так просто погибнуть, не дождавшись меня! Нет, не может быть, я не хочу в это верить...

Если бы мы поторопились и не залетели на эту планету, то я смогла бы увидеть своих родителей! Слезы потекли по щекам. Неужели это я виновата в том, что не смогла с ними проститься? Моя любовь к Максy стала преградой между мной и родителями?

— Лиса... — тихо позвал Макс, пристегнув меня ремнями и сев в соседнее кресло. — Лисичка моя...

— Если бы мы не поженились, то я смогла бы увидеть их, — беззвучно прошептала я, но Макс будто прочел по губам или угадал.

— Если бы мы не заключили брак, то я бы вовсе тебя не увидел. Ты бы погибла, Лиса, — ответил Макс, сжав мою руку.

Но я вырвала свою ладонь из его хватки, отвернувшись и разрыдавшись. Лучше бы я оказалась там вместе с родителями! Они столько сделали для меня! Столько сделали! А я даже отблагодарить их не смогла!

Я даже не рассказала им про Макса! Просто не смогла...

Отец так опасался, что я встречу не того человека, что я лично хотела познакомить его со своим женихом. Кто же знал, что их жизнь будет так коротка? Что они так и не увидят моего мужа?

Макс опустился передо мной на колени, погладив по спине, и я поняла, что мы уже прошли атмосферу и теперь в космосе. Отстегнув ремень, я, не в силах больше слышать звуки бомбардировки Рассветного, встала и побежала в каюту.

Макс последовал за мной, хотя не могу не признаться, что сейчас во мне клокотала злость на него, будто это именно он был повинен в случившемся. Взяв свой коммуникатор, я совершила вызов родителям, но он так и остался вечно без ответа.

Надежды у меня не было. Это понимал и Макс, поэтому не пытался утешить, а молча сидел рядом, обняв меня. Зависимые не покидают поселения, поэтому все, кто был в зоне поражения, погибли.

Следующие часы полета были для меня часами страха и смятения. Я никогда не забуду это угнетающее время, неопределенность и умирающую надежду. Мой мир рухнул, разбился вдребезги.

Макс заставил меня переодеться в повседневную одежду и высушил мне волосы, после чего мы оба облачились в защитные полупрозрачные костюмы. Я будто не замечала ничего вокруг, и для меня существовали лишь мысли и картинки из Рассветного.

Когда корабль завис в метре над опустошенной землей, я сбежала по трапу и застыла, не в силах сдвинуться с места. На километры от меня простилалась выжженная серая земля и пепелище. Сердце защемило так сильно, что захотелось проломить грудную клетку и вырвать его, выкинув всю боль вместе с воспоминаниями.

Но нет... так сделать нельзя. Так устроен человек, чтобы вечно переваривать боль и добавлять новую, словно любимое блюдо врага.

— Лиса... мне жаль, — тихо сказал Макс рядом.

Я поджала губы и бросилась вперед, хотя ноги тонули в грязи и пепле, но я продолжала бежать туда, где ориентировочно должна находиться хижина родителей. Вера в чудо умирает последней, даже если мозг твердит, что это невозможно.

Макс бросился следом за мной. Дом, точнее, то, что от него осталось, я нашла быстро. Развалившееся и истлевшее здание, когда-то являвшееся моим пристанищем, лишило меня всяких сомнений.

Не осталось даже тел. Те, кто был непосредственно рядом с бомбой, разлетелись на молекулы в раскаленном воздухе, а стоящие неподалеку — сгорели, обратившись в уголь.

Я упала на колени перед разрушенной землянкой, обхватив себя руками. Слезы больше не жгли кожу, потому что их не осталось, я лишь сотрясалась в безмолвном рыдании. Макс обнял меня, но даже его утешения не могли заглушить эту всепоглощающую боль потери.

— Лиса, идем, — тихо проговорил Макс, поднимаясь и утягивая меня за собой. — Скоро сюда нагрянут службы зачистки, и у них могут возникнуть вопросы.

Я кивнула и оглянулась назад, сжимая в руке грязь, смешанную с пеплом. Я уходила, с трудом передвигая ногами и зная, что отныне здесь похоронена частичка меня.

Как я оказалась в каюте — не помню. Должно быть, Макс донес на руках, потому что я плохо соображала. Просто в какой-то момент оказалась в кровати полураздетая и укутанная в одеяло, а рядом лежал муж, обнимая.

— Я так многое не успела им рассказать, — тихо прошептала я.

— Они и так все знали, — ответил Макс, поцеловав меня в висок. — Любящие родители всегда знают, что происходит в жизни их ребенка, только не торопят его с признанием.

— Два года, Макс. Меня не было два года, я так и не долетела до них. Я могла бы попытаться что-то сделать. Мне нужно было попросить тебя раньше, я бы взяла академический отпуск в училище и полетела бы сюда, — сказала я. — Но я не успела. Это я во всем виновата.

— Нет, твоей вины тут нет. Чему быть, того не миновать. Если нам суждено было встретиться на том шаттле именно в то время, то мы уже ничего не смогли бы изменить. Если твоим родителям суждено было отжить отмеренный им срок, то так тому и быть. Мы бы не смогли ничего сделать.

— Знать бы, где упадешь...

Не знаю, сколько мы так пролежали. Я успела вспомнить каждый отрывок своей жизни, когда в каюту постучался Чо. Он неуверенно вошел и потоптался на пороге, после чего обратился к другу:

— Макс, там настройки сбились в компьютере. Тебе необходимо «поколдовать», иначе Марго и Данс не пройдут астероидное поле.

— Сейчас, — устало отозвался фаэрт и приподнялся на локтях, подарив мне невесомый поцелуй в лоб. — Отдыхай. Я скоро вернусь.

Макс вышел, а вот Чо задержался в каюте. Я безразлично воззрилась на него, а он, скрестив руки на груди и нахмурившись, спросил:

— Что собираешься делать, Филисити?

— О чем ты? — недоуменно переспросила я.

— Твои родители погибли, и во многом по нашей вине, — неожиданно признался роасан. — Мы с Максом развели слишком активную деятельность, буквально призывая зависимых к забастовкам. Мы подарили им надежду. И это самое страшное.

— Хочешь взять вину за случившееся на себя? — удивленно спросила я, приподняв брови.

— Она и так лежит на нас с Максом. Зря ты осталась с нами. Только хуже получилось. Бежать тебе надо сломя голову. Ты военнотружущая, когда-нибудь ему или тебе придется выбирать. А теперь твои родители погибли из-за наших идеалистических представлений о правильной системе государственной власти.

Голова разболелась, и в мыслях звучал голос Чо. Злость захлестнула меня, я отвернулась от роасана, сжимая кулаки. А ведь действительно! Во всем виноват именно Макс, если все так, как говорит Сотар-онг! Мои родители оказались втянуты в последствия их деятельности...

— Прости, что пришлось открыть тебе глаза, — прошелестел голос Чо, после чего мужчина вышел из каюты, оставив меня наедине со своей болью.

У меня совершенно не было сил даже на всхлипы. Я просто лежала, смотрела в белую стену каюты и как-то неожиданно для самой себя заснула.

Снился мне жуткий сон. Будто мир разделен на два цвета, а я стою посередине. Я закон и порядок — военная, а Макс во тьме — символ бесчинства. На светлой половине стояли мои родители и улыбались, протягивая мне руки.

Внезапно Макс достал бластер и двумя точными выстрелами в голову прожег отверстия в моих родителях. Я вскрикнула и резко поднялась, проснувшись.

Надо мной навис Макс, обеспокоенно оглядывая меня. Я отодвинулась от него и нервно поправила волосы. Такие сны не к добру, но они лишь отражения наших страхов.

— Приснилось что-то жуткое? — спросил Макс, сев рядом.

Я кивнула, поежившись и свесив ноги с койки. Сердце все еще колотилось от увиденной картины. Макс положил руку мне на плечо, но я скинула её, как ошпаренная его прикосновением.

— Не трогай меня! — закричала я, не вполне соображая, по щекам уже катились слезы.

Должно быть, это нервное. Не каждый день я теряю родителей. И слова Чо совсем пошатнули мою психику.

— Лиса, успокойся, — нахмурившись и поднявшись с кровати, попросил фаэрт.

— Это ты... это все из-за тебя, Макс! — внезапно закричала я, подскочив с кровати и трясущимся указательным пальцем тыча в грудь возлюбленного. — Если бы ты умел вовремя остановиться, мои родители были живы! Ради чего, Макс?! Ради чего, скажи мне, погибли ни в чем не повинные зависимые? Оно того стоило? Ты стал жить лучше? А кто стал жить лучше, а?

— Лиса, ты бредишь! — прикрикнул на меня фаэрт, схватив за плечи. — О чем ты говоришь? Возможно, в этом есть моя вина, но твои родители оказались случайной жертвой устрашения народа! Виновен не я, а существующая система власти! Разве ты не понимаешь, что творится?!

— Вижу! Вижу, что я вышла замуж по ошибке!

— По ошибке? — Макс даже отшатнулся, словно ему вlepили пощечину. — Так вот что ты думаешь? Ясно. Лучше бы ты размышляла не на тему наших отношений, а на тему того, что Император болен, а всем заведует другой человек, который явно не желает счастья своему народу. Но ты слишком... глупа, — выплюнул Макс на эмоциях, — чтобы хоть что-то понимать!

— Я глупа?! Да как ты посмел такое сказать?! Ненавижу тебя, ненавижу! Убирайся с моих глаз! Я не хочу тебя видеть!

— Взаимно! — воскликнул фаэрт, развернувшись.

У дверей он остановился, подошел ко мне и, крепко прижав к себе, впился в губы жестким поцелуем, который не принес удовольствие ни мне, ни ему. У меня по щекам потекли слезы, а Макс, ударив стену рядом со мной, вылетел из каюты.

Я безмолвно опустила на койку и горько расплакалась, кажется, даже пуще прежнего. Ненавижу его... ненавижу, потому что понимаю, что безумно люблю. И эта любовь никогда не пройдет.

Но как же мне простить его? Как?..

Во сне мне чудилось, будто Макс сел рядом со мной на кровать, погладил по волосам и прошептал:

— Прости меня, если сможешь.

Проснувшись я от того, что меня кто-то настойчиво тряс за плечо. Открыв глаза и проморгавшись, я сфокусировала взгляд на Сотар-онге. Он обеспокоенно глядел на меня, после чего бросил мне рюкзак с моими вещами и коротко приказал:

— Одевайся. Это приказ Лимаксиона.

— О чем ты? — удивленно переспросила я, вставая с кровати и натягивая комбинезон. — Что произошло?

— За нами погоня. Ты должна немедленно покинуть корабль.

Я похолодела. Неужели все настолько серьезно? Нужно найти Макса и точно у него все узнать! А еще я поняла, что не оставлю его ни в коем случае. Если мне суждено погибнуть рядом с ним, то пусть будет так. Чо, будто прочитав мои мысли, предостерег:

— Даже не думай! Слушайся беспрекословно, ты меня поняла?

Спросонья я толком не могла понять, о чем говорил Чо. Я просто побежала за ним, оглядываясь по сторонам в надежде встретить своего фаэрта. Корабль мигал красными огнями, выла сирена, и мне становилось страшно.

— Ты понимаешь, что мы с Максом — оппозиционеры?

— Я давно поняла, что Макс и военная служба — противоположности, — кивнула в ответ, в голосе слышалась сталь. — Как и осознаю, что не смогу служить, если останусь с ним, поэтому мне придется выбирать между Максом и любимым делом. Думаю, ответ очевиден...

— Достаточно, — остановил меня Чо, горько усмехнувшись. — Я тебя предельно ясно понял и могу пожелать только счастья, даже несмотря на боль, которую ты причиняешь.

Я нахмурилась, хотела возразить, может, он что-то не так понял? Но мы в это время подошли к шлюзу. Я облачилась в прозрачный скафандр и села в шлюп, после чего Чо закрыл шлюз и выпустил меня в открытый космос. Я знала, как управлять этими капсулами, поэтому тут же вбила координаты ближайшей планеты, начиная настройку на притяжение к ней.

Что происходит? В голове каша. Не понимаю. Макс бросил меня? Неужели он тоже считает, что мы не можем быть вместе? Но я ради него готова оставить службу, бросить мечту пилота! Зачем он так со мной? Не понимаю!

Да, я сегодня вспылила и наговорила гадостей, но и он не лучше, если не хуже.

Координация происходила медленно, и я еще больше нервничала. А когда будто из ниоткуда появились несколько крупных кораблей, вздрогнула. Вцепившись в контроллер движения, я испуганно смотрела на сенсорную панель, где продолжалось сканирование космолокации. Что же теперь будет?..

Корабль Макса выпустил энергощиты. Значит, будет перестрелка, и меня просто разнесет на мелкие частицы. Как Макс мог так со мной поступить?!

Кажется, в этот момент я поняла, что для Макса действительно важно. Его деятельность. Я для него та, от которой можно избавиться, как от лишнего свидетеля. В этом есть логика, но почему же мне так больно?

Но того, что луч будет отправлен именно с корабля Макса, я не ожидала. Панель замигала огнями, я попыталась уйти или сделать хоть что-нибудь, но управление шлюпом принадлежало уже не мне. Что за мракс тут происходит?!

— Энергощиты включены на полную мощность, аварийная посадка задействована, ближайшая точка высадки найдена, — сообщил монотонный компьютерный голос, и я в который раз вознесла похвалы инженерам, проектировавшим летательные аппараты.

Вспышка на миг ослепила меня, я ударилась головой, хотя была пристегнута, и в следующий момент потеряла сознание, надеясь, что все обойдется.

Лимаксион Оджифаэрс

— Где Лиса? — требовательно спросил я, когда Сотар-онг вошел на капитанский мостик.

— Её не было в каюте, — отрапортовал хмурый друг.

Я недоуменно воззрелся на него, после открыл систему корабля и увидел, что недавно отстыковался один из шлюпов. Сердце заколотилось в бешеном ритме, я активировал внешние камеры и прошептал в пустоту:

— Что эта дура делает?.. За нами погоня! Да её поймают!

— Если она сама не хочет быть пойманной, — мрачно констатировала Марго, и я обернулся к ней. — Макс, не хочу быть голословной, но тут все очевидно. Именно она сдала нас и теперь покинула корабль. Кажется, она не простила тебе смерть своих родителей.

Не может быть. Я затряс головой, не веря друзьям. Лиса не могла меня предать! Пусть весь мир будет против меня, но она встанет на мою сторону! Ведь так? Или нет?..

— Макс, — обратился ко мне Сотар-онг, положив руку на плечо, — я понимаю, тебе тяжело в это поверить, но я вынужден согласиться с Марго. Все выглядит именно так...

— Это ошибка, — пробормотал я, не решаясь включить притяжение и «заглотить» шлюп обратно.

Вдруг они правы?..

Как же кощунственно звучит подобное предположение, но я слышал слова Лисы о том, что она ненавидит меня. И для неё это была бы лучшая месть.

— Послушай кое-что, — неожиданно начал роасан, — я не решался тебе это давать, но раз Филисити всё-таки оказалась предательницей...

— Она не предательница! — резко ответил я, но тут же сник, попытавшись успокоиться.

Факты пока не на моей стороне.

— Просто послушай, — тихо вставил Чо и включил проигрыватель, на записи которого я сразу же узнал голос Лисы.

«...Я давно поняла, что Макс и военная служба — противоположности. Как и осознаю, что не смогу служить, если останусь с ним, поэтому мне придется выбирать между Максом и любимым делом. Думаю, ответ очевиден...

— Достаточно. Я тебя предельно ясно понял и могу пожелать только счастья, даже несмотря на боль, которую ты причиняешь».

Боль... какое ужасное слово!

Я схватился за сердце и уставился на экран, где была внешняя запись и неподвижный шлюп. Чего же она ждет? Подкрепление?

Впрочем, последнего осталось ждать недолго. Корабли конфедерации совершили гиперпрыжок и теперь грозили своей мощью. И когда они выставили оружие, я понял, что им мелкие сошки не нужны. Даже если Лиса предала меня, они не собирались оставлять её в живых.

— Выставить энергощиты, — выкрикнул Чо.

— Нет! Не выставлять! Нужно притянуть Лису! — прокричал я и тут же сел за главный

компьютер, но моего приказа никто не послушал.

— Макс, если мы уберем энергощиты, то погибнем вместе с ней, — констатировала Марго, и я знал, что она права.

— Придется дать ей умереть, — положив руку мне на плечо, сказал роасан. — Она сама выбрала свою судьбу.

— Нет. — Я горько усмехнулся. — Я не дам ей этого выбора.

Взломать систему пилотирования шлюпа для меня было секундным делом, к тому же все пароли и доступы у меня были — все же летательный аппарат принадлежал моему кораблю.

— Что ты собрался делать? — испуганно спросил Чо, когда я наставил луч на шлюп Лисы, а не на приближавшиеся корабли конфедерации. — Нам нужно срочно уходить!

— Я перенастроил её шлюп на экстренное консервирование и доставку на ближайшую космическую станцию, но программа сработает только при внешнем воздействии. Все системы жизнеобеспечения максимально снижены, и энергия направлена на транспортировку и энергощит.

Даже если она предала меня, это не отменяет того факта, что я отдал ей своё сердце. Я настолько безумно влюблен, что готов спасти её жизнь ценой своей даже после того, что произошло. Пусть она меня ненавидит, но я её ненавидеть не способен.

— А теперь уносим отсюда турбины, — когда луч достигнул шлюпа, сказал я, что означало «сматываемся отсюда».

Это всё, что я могу для неё сделать. Теперь наши пути никогда не пересекутся. Нужно сделать всё возможное для этого. Только интересно, почему она не раскрыла мою личность? Хотела отдать всю информацию при личной встрече? И где гарантия, что этого не случится в будущем?

5

Прошло три года

Как-то с самого начала последний учебный год у нас не задался.

Все время мы нарушили порядки, хотя всего через месяц нас ждет присяга Императору. И я боялась этого, так как за последние три года мой мир сильно изменился. Из светлого он превратился в черный, и связано это было в первую очередь с политикой. Император совсем перестал появляться на публике.

— Нас ведь не поймают? — с опаской спросила я.

— Интересно, сколько раз за последние пять лет ты задавала этот вопрос? — с усмешкой спросил Аста-Аз, покачав головой и выводя штурвал в рабочее положение.

Мы вновь собиралась угнать шаттл с территории училища. Мы делали так периодически, и так же периодически отработывали наказания. Мы будто сами себе искали дополнительную работу.

— Боюсь, что я сбился со счета, — улыбнулся мне Эштон, пока азеанец поднимал шаттл вверх.

— Не понял, а где выход? — пытаюсь сбавить набранную скорость, спросил Аста-Аз и бросил испепеляющий взгляд на Матара. — Ты что, ангар закрыл?!

— Да не закрывал я ничего! — горячо воскликнул оросит и почесал подбородок. — Я его не открывал...

— Мракс! — выругался азеанец, пытаюсь снизить скорость и посадить шаттл.

Естественно, это ему так легко не удалось. Мы зацепились боком за стены высокого ангара, раздался скрежет металла, шаттл покосило вниз, Аста-Аз фактически потерял управление и мы приземлились на другой шаттл. Нас накренило и качало, именно в этот момент каждый понял, что вот сейчас нам точно влетит.

— Матар, ты чем думал?!

— А что я-то? — округлил глаза оросит. — Ты всегда координируешь действия, а тут промолчал!

— Потому что понадеялся на тебя, бестолкового! — горячо воскликнул Аста-Аз.

Я вздохнула, отстегнулась и аккуратно пошла в сторону выхода. Открыв шлюз, я скатилась по мягкому боку нижнего шаттла и оказалась на земле. Усмехнувшись и помахав рукой парням, которые все еще сидели внутри, направилась в сторону общежития, напевая веселый мотив.

Нужно еще отдохнуть перед отбыванием наказания.

В комнате я вновь жила одна — моя соседка со мной прожила всего полгода, потом её отчислили. Странно, но стоило мне пересечь порог комнаты, как на меня накатывала тоска и одиночество. Здесь я особенно ощущала пустоту в сердце. Подойдя к Бархатцу, я полила его и удобрила.

Сейчас растение с фиолетовыми лепесточками достигало в высоту двадцать сантиметров и действительно было живое. Бархатец закрылся от удовольствия, когда я его поливала, а потом вновь раскрыл бутон и погладил мои пальцы нежными листочками.

Все подарки Макса я убрала и сложила в дальний ящик, только от Бархатца отказаться не могла — он уже стал моим хорошим другом и утешением. Вздохнув, я села на кровать и откинула голову назад, посмотрев на белый потолок.

Экзамены и учеба остались позади, а впереди — присяга и военные сборы. Преддипломная практика у нас прошла еще зимой.

Взяв в руки планшет, я включила новостной поток и тут же поморщилась. Макс! Вновь он везде и всюду! Он заполняет собой всю голосеть!

После того как он меня предал и я очутилась на неизвестной планете в госпитале, мы больше не виделись. Мне удалось вернуться в училище, единственный, с кем я поделилась правдой, был Эштон. Макс появлялся в Фарэте редко, все время «тусовался» на других планетах, но я-то теперь знала, чем он занят.

Оппозиционер, который пытается вытянуть нашу конфедерацию из рук жадного до денег

регента, что не отменяет того факта, что именно из-за их деятельности погибли мои родители. Кто прав, а кто виноват — не рассудить никому.

На данный же момент я имею сухие факты: империя погрязла в нелегальной торговле не только зависимыми, но и наркотическими средствами. А еще от нас отсоединились тартарианцы, и никто им не смог бы сказать и слова против. Мы лишились сильных союзников, и теперь другие конфедерации поглядывают в нашу сторону, как на лакомый кусочек, оставшийся от целого торта со взбитыми сливками.

— Экстренная новость, — внезапно на планшете выскочило окно, которое появлялось, если только федеральный канал включал передачу. — Наш Император скончался сегодня утром в семь тридцать два по столичному времени Фарэта. Похороны пройдут завтра на главной площади.

Она говорила что-то еще, но я уже плохо слушала. Император был единственной надеждой. Теперь ничто не помешает регенту стать единоличным обладателем власти. Что ждет нашу конфедерацию в будущем, и что ждет меня в частности, как военнообязанную?

Даже подумать страшно!

— Фил, что делаешь?

В комнату, как всегда, без предупреждения зашел Эш, сел на кровать и приобнял меня за плечи. Я повернулась к нему и выдала «замечательную» новость. Лицо парня окаменело, тело напряглось.

— Эш, ты в порядке? — осторожно спросила я, потрепав друга по руке.

— Фил, ты знаешь, что это значит? — тихо сказал Эштон и в упор посмотрел на меня. — Либо мы все станем жить в сгнившей изнутри конфедерации, либо начнется гражданская война, которая продолжится воздействием извне.

Я понимала. Меня это тоже пугало не меньше его.

— Через три недели будет мой день рождения, — неожиданно сменил тему друг, — ты проведешь его со мной?

— Разумеется, Эш, — слегка улыбнулась ему я, хотя мои мысли были далеки от празднования.

Что будет с моим контрабандистом? Даже спустя столько лет я продолжала считать его своим. Мой муж. Мой возлюбленный. Пусть пройдет сотня лет, он будет для меня единственным. Но я его не простила, да и нужно ему моё прощение?..

— Фил, прости, но мне нужно позвонить кое-кому, — отведя взор, сказал Эштон и поднялся на ноги.

Оставшись одна, я вновь загрустила. Интересно, есть ли хоть одни супруги, которые три года избегали встреч друг с другом? Я ненавижу Макса настолько же сильно, насколько и люблю. Он испортил моё светлое будущее, навсегда забрав моё сердце.

За происшествие в ангаре нам, естественно, досталось. Убытки, которые понесли шаттлы, покрыли страховые компании, но мы должны были сегодня, в последний день перед отлетом на

практику, вычищать плац. Событие, скажу я вам, не самое радужное.

— Лиса, давай сбежим в город? — предложил мне Эштон, когда с утра пришел в мою комнату.

Я удивленно воззрилась на друга. А как же отработка наказания? Обычно у Эша не было привычки отлынивать от работы. За все пять лет совместного обучения он показал себя ответственным, умным и трудолюбивым парнем.

— С Матаром и остальными я договорился, — ответил фаэрт на невысказанный вопрос.

— Для тебя это важно? — неожиданно выпалила я, не сразу поняв, что попала в точку. — Хорошо. Я только переоденусь.

Сменив форму на гражданскую одежду — летние свободные брюки, приталенную футболку и солнцезащитные очки, я распустила волосы, собрала в рюкзак все необходимое, включая питьевую воду и расческу, и вышла в коридор. КПП мы прошли быстро, все-таки на пятом курсе можно было покидать училище в более свободном режиме, чем на первом.

Город сегодня был оцеплен каретами скорой помощи и полицейскими аэромобилями, которые патрулировали выделенные участки. Помимо них было и много военных не с бутафорским оружием, а с вполне опасным и современным. Видимо, регент был подготовлен к волнениям народа.

Мы пришли на площадь и встали на одну из множества платформ, которые были построены в форме амфитеатра, чтобы каждый городской житель мог видеть церемонию прощания с монархом. Рядом летали дроны, определяя личность каждого зрителя и записывая данные, отправляя их в главный правоохранительный корпус. Кажется, сегодня здесь было безопасней, чем в тихом поселении на дальнем конце Орской системы.

— Ты весь бледный, Эш, — взяв друга за руку, констатировала я.

— Все в порядке, — отмахнулся фаэрт, притянув меня к себе и обняв.

Неужели он настолько любил императора? Или это связано с его опасениями о нашем будущем? Точного ответа я не знала, поэтому позволила Эштону обнять меня.

Церемония проходила своим чередом, ничего не предвещало беды, экраны показывали в увеличенном плане шествие с вазой праха Императора, который поместят в фамильный склеп на главной площади. И вдруг экраны выдали ультразвук, после чего изображение резко сменилось, и зрителям показали несколько видеороликов.

На первом была нарезка кадров, где регент дает взятки крупным чиновникам. Второе видео констатировало сухие цифры в балансе страны — налоги, продажа зависимых и наркооборот. А вот третье видео...

Оно произвело фурор, так как с него говорил не просто человек, а мужчина, обличенный властью — капитан личной охраны Императора.

«Вы говорите, что наследник жив?» — спросил незнакомый голос, искаженный с помощью современных аппаратов съемки.

«Я сам помог ему сбежать. Он обязательно вернется. Только нужна вера народа. Ему как никогда будет нужна поддержка. Но и это еще не все. Жива и наследница», — ответил капитан.

«Наследница? Вы говорите о сестре принца Фималиона? Помнится, его мать погибла беременной».

«Это была официальная информация. На самом же деле она успела родить на одной из планет Орской системы и оставить там ребенка. Надо думать, она уже выросла, и сейчас её можно узнать по кулону, оставленному малышке её погибшей матерью».

На этом запись окончилась, экраны вновь начали передавать изображение замершей в оцепенении церемонии. Я тоже не могла и пошевелиться, услышав новые для меня факты.

Орская система. Девочка примерно двадцатипятилетнего возраста. Жена сына Императора была ороситкой, я это узнала из курса истории. Неужели?..

И кулон, который лежит у меня в комнате! Слишком много совпадений. Но разве можно поверить в то, что я потерянная принцесса? Это даже звучит невероятно!

— Фил, нам нужно уходить, — прошептал Эштон, развернув меня.

Я как сомнамбула двинулась следом за ним, пробираясь вниз сквозь шумную толпу. В ушах все еще звучали слова капитана. Бедный! Ему же не жить после этого! Скорее всего, его и в живых нет... Или успел сбежать с Фарэта? Хотелось бы верить. Ведь он подарил людям надежду, чтобы они сопротивлялись регенту и его приспешникам.

— Эш, что теперь будет? — тихо прошептала я, когда мы со всех ног убегали с площади.

— Ничего хорошо, Фил, ничего хорошо, — пробормотал Эштон, — особенно для военных...

Я не успела сообразить, когда меня резко дернули в сторону, и я оказалась в подъезде старого полуразрушенного здания. Мужчина в черной маске прижимал меня к стене, сдавливая горло предплечьем, и только по синим татуировкам на скулах я могла узнать его.

Зачем он их носит? Теперь я поняла. Ведь в привычном его состоянии «богатенького» мальчика этих татуировок не было. А когда видишь их на контрабандисте, то запоминаешь только вот этот яркий аксессуар и больше ничего — ни радужных глаз, ни формы глаз, ни длину носа. Ни-че-го!

— Отпусти, — прошипела я, схватившись за руку Макса и пытаюсь его оттолкнуть.

Ответить он мне не успел, так как в этот момент появился Эштон. Макс отступил в сторону, обороняясь от атак моего друга. Оба фаэрта были высокие и гибкие, а еще в совершенстве владели техниками ближнего боя. Никто из них не желал уступать, у меня же не было ни малейшего желания вмешиваться.

Я судорожно заглатывала воздух и терла горло, неотрывно смотря на моего контрабандиста. Если скажу, что не скучала по нему, то солгу. Но при этом во мне клокочет ярость, и сейчас она только усилилась. Он попытался убить меня?! Да за что?! Да, я свидетель, но я ведь за все эти три года ничего не сказала, ни словом его не выдала!

А он?! Он попытался меня убить! Дважды!

Тем временем Макс распылил какой-то порошок в глаза Эштону, и тот, пошатнувшись, отступил, а Оджифаэрс сбежал. Я бросилась к другу, достав из рюкзака питьевую воду и вылив её на салфетку, чтобы промыть глаза Эшу.

— Ты как? В порядке? — обеспокоенно спросила я, когда Эш проморгался.

— Да, — кивнул он и огляделся. — Идем скорее, нужно сматываться отсюда, пока нас не загребли в полицейский участок. Мне нельзя туда.

— Ты что, нелегал? — решила пошутить я, когда мы выбегали из здания.

— Хуже, — мрачно ответил Эш, взяв меня за руку, и мы вместе побежали к остановке поезда.

Я не поняла смысла его слов, но вдаваться в подробности не стала. Сейчас все мои мысли были направлены в сторону Макса и его странного отношения ко мне. Признаю, что наша встреча разбередила мне душу и старые раны закровоточили. Больше всего нам делают любимые люди.

На остановке была толпа народа, люди толкались, несколько человек чуть не упали за ограждения на наземных платформах, куда подъезжали поезда. И если бы рядом не было Эштона, в кольце рук которого я двигалась, меня бы здесь затоптали и не заметили.

Когда мы забились в вагон и встали в дальнем конце, Эштон поставил меня у стены, а сам навис сверху, чтобы меня не задавили. В таком положении мы и доехали до училища, и, когда вошли в мою комнату, Эштон тут же налетел на меня с вопросом:

— Что он от тебя хотел?

— Если бы я знала, — ответила я, помрачнев.

В моей голове все еще были мысли о наследнице и кулоне, теперь же меня съедали переживания о Максе и своих чувствах к нему. Эштон сжал челюсти и схватил меня за плечи, потрясывая.

— Когда ты выкинешь всякие глупости из своей головы?!

— О чем ты? — удивленно отозвалась я, поежившись от грубости друга.

— Прекрати его любить! — повторил Эш слова, которые когда-то уже говорил мне.

Я замолчала, удивленная напором фаэрта, а потом высказала чистую правду:

— Не могу. — Мой ответ был такой же, как и три года назад. На глаза навернулись слезы, и я призналась: — Он хозяин моего сердца, и как бы оно его ни ненавидело, оно будет принадлежать лишь ему.

— Дурочка, он этого не достоин! Это нечестно, что ты его продолжаешь любить!

— А сердца никогда не выбирают себе хозяев, и их выбор никогда не бывает честным, — прошептала я и скинула руки Эша. — Прости, но оставь меня одну.

Эштон, отступив, вышел из комнаты. Я безмолвно опустила на пол и закрыла глаза. Почему когда в моей жизни случаются кардинальные перемены, появляется Макс? И тут же его появление перечеркивает все, оставляет ярким воспоминанием лишь его пребывание. Это ненормально.

Я встала и подошла к шкафу, достав из коробочки свой кулон. Все такой же, как и пять лет

назад, когда мне его вручил отец. Он просил беречь его. Неужели он знал, кем я являюсь? И уверена ли я, что действительно прихожусь внучкой Императору? Звучит бредово, но разве есть другие объяснения странным обстоятельствам?

Передача на экранах говорит и еще кое о чем. Там был Макс, и, наверное, это он включил трансляцию. Интересно, а признание капитана навело его на какие-то мысли обо мне? Он ведь про кулон не знает, а без него все совпадения могут оказаться случайностью.

А что если он подумал обо мне и сегодня хотел поговорить на эту тему? Извиниться? Я ехидно усмехнулась, представив эту картину. Не спорю, отомстить мне ему хотелось. И лучшая месть была бы, если бы я действительно оказалась пропавшей наследницей.

Но если наследница я, то где-то рядом есть мой брат? Как бы мне хотелось знать ответы сразу на все вопросы!

А если мне всё же удастся выяснить правду, то что мне делать с полученными знаниями? Не уверена, что они принесут мне счастье.

Именно поэтому я вновь убрала кулон в коробочку и постаралась забыть о показаниях капитана, как о страшном сне.

6

Сборы, как и положено, проходили в военном лагере, спали мы в палатках, оборудованных солнечными батареями, обеспечивающими обогрев и электричество. Так как здесь я была курсанткой, а не девушкой, то ночевать мне пришлось в одной палатке с Эштоном.

Сам военный корпус, к которому мы прикреплены, так сказать, штаб-квартира, находился всего в трех километрах от нас. Там заседали офицеры, которые и проводили наши сборы.

По ночам я просыпалась от кошмаров и часто заставляла друга не спать. Он сидел и смотрел куда-то вдаль, иногда с кем-то переписывался по сети, но я не лезла к нему с расспросами. Может, на форумах общается? В конце концов, у него может быть девушка, пусть он мне ничего о ней и не говорил.

О событиях недельной давности мы решили не вспоминать. Я упорно делала вид, что вовсе никогда не встречала Макса, а Эш воображал, что впереди нас не ждет государственный переворот. Но при этом мы с ним точно знали, чью сторону примем. Оппозиции.

Именно поэтому мои мысли все чаще посещал Макс. Попытаться наладить с ним связь, забыв, что нас связывало в прошлом? Не могу. И если его первая попытка убить меня стерлась под натиском времени и тоски, то последняя была слишком свежа в памяти.

В конце концов, он не единственный оппозиционер, я уверена. Сейчас все больше набирают силу группировки из разных концов конфедерации и стекаются в столицу. Грядут перемены, и не сказать, что они меня сильно пугают. Наверное, хуже, чем сейчас, уже не будет. Империя дошла до точки невозврата, когда необходим новый путь развития.

Обо всем этом я размышляла вечером, лежа в палатке. Мышцы гудели, мы сегодня совершили марш-бросок по болотистой местности, все перепачкались и устали, но мыться пришлось в реке. Я принимала водные процедуры уже ночью, чтобы никто не видел, и сторожил меня

Эштон.

День действительно был тяжелый, внутри меня не давала покоя неизвестная тревога. В последнее время она стала моей неотъемлемой частью. Эштон вздохнул и выключил светильник.

— Давай спать.

Ночью нас разбудил вой сирены. Я поднялась и оделась в выданную эластичную форму, прицепив множество различных примочек и новшеств на костюм. Неужели внеочередные учения? Очень похоже на наше руководство.

Когда мы вышли из палатки в полной боевой готовности (всё-таки учения были для нас не первые), то побежали в сторону главной палатки, где выстраивались курсанты. И вот тут оказалось, что что-то не так.

Штаб-квартира была захвачена. Ближайший спецотряд сможет прибыть через сорок минут, а мы — максимум через семь. Видимо, оппозиционеры, которых с недавних пор даже официальная версия больше не называла контрабандистами, решили проникнуть в штаб-квартиру. Зачем — неясно, но по предположениям им нужны какие-то документы.

Мы переглянулись с Эштоном, подумав об одном и том же. Макс ли там? Или кто-то другой?

А что если Макс? Как я поступлю? Чью сторону принять? И в этот момент я поняла, что обязана отомстить мужу за все, что он сделал. За всю боль, которую мне причинил. Но как, если я не желаю поддерживать власть регента? Вся проблема заключалась в том, что я военнообязанная.

Мы разошлись по спейс-шаттлам, с помощью которых долетели до штаб-квартиры. Наши действия уже скоординировали командиры. За пять лет обучения меня научили не только пилотировать, но и принимать быстрые решения, доверять товарищам, обучили тактике ближнего боя и основам программирования. Еще много чему, казавшемуся мне раньше бесполезным, но вот на пятом курсе все соединилось в одну единую картину обучения, и я поняла, зачем было столько периферийных предметов.

Офицерский корпус был четырехэтажным, с развитой системой не только внешних и внутренних лестниц, но и тайных коридоров. Нам всем выдали голографические карты, чтобы мы не заблудились.

Работали мы попарно. Естественно, я была с Эштаном, и заходили мы на посадку с крыши с Матаром и Аста-Азом. Дверь оказалась заперта, так что пришлось с помощью программного чипа взламывать систему. Короткого замыкания хватило, чтобы открыть проход.

Спустившись по короткой лестнице, мы так же попарно разбрелись по коридорам. Но вот странность: нам никто не попадался по пути! Пройдя несколько потайных и явных коридоров, мы так никого и не встретили. И когда услышали шум за стеной, оживились.

Эш жестикуляцией показал мне двигаться с разных направлений, он — с тайного, я — с явного. Вот только стоило нам разделиться и мне дойти до нужной двери, как она оказалась заперта. Я вживила чип в систему и стала ожидать его действия, которое, к сожалению, затягивалось. Почему же так долго?..

Стоило Фималиону зайти, как я заблокировал все системы в этой комнате. Я говорил без прикрас, когда утверждал, что в компьютерах гений. Подчинить систему этого здания оказалось сложно, но выполнимо. И сейчас даже их супер-навороченные чипы не смогут взломать эту комнату. Прости, Лиса, но мне стоит немного поговорить с наследником.

— Файм, давно не виделись, — с усмешкой поздоровался я с другом детства.

И как я его раньше не узнал? Ведь повадки, привычка, речь — ничего не изменилось, кроме внешности. Над ней изрядно поработали хирурги. А как он виртуозно обошел опознавательную систему, имея линзы с сетчаткой глаза. Его история была продумана до мелочей, и без капитана я бы распутать клубок не смог.

— Макс! А я-то как рад, — широко улыбнулся тот, кто носил лживое имя Эштон Торифаэр. — Хочешь, я тебе врежу даже? Так сказать, за все хорошее. Ты не представляешь, как я хочу это сделать. Ты же мне позволишь?

— Не дождешься! — ответил я, держа дрон с энергощитом перед собой. — Лучше расскажи, какие твои дальнейшие действия. Я поддержку тебя всем, чем смогу.

— Нет, ты меня совсем не слышишь, — со вздохом отозвался друг детства. — От тебя я помощи не приму никогда. Прости, но даже наша старая дружба не сможет перекрыть твои последние грехи.

— Грехи? — фыркнул я. — О чем ты? Ты хоть представляешь, сколько зависимых я спас за последнее десятилетие? Да, были и промахи, например, как с Орео, но ведь больше удач. Например, раскрытие истинных дел некоторых чиновников и генералов, уничтожение кораблей с наркотиками, да и множество других, о которых рассказывать сейчас недосуг. Так о каких грехах ты говоришь?

— О том, сколько ты боли причинил моей сестре, — выплюнул Фималион, с ненавистью смотря на меня.

— О, — единственное, что ответил я.

Значит, он плохо знает Филисити и ошибается в ней. Как когда-то ошибался и я. Нетрудно догадаться после слов капитана, кем «Эштону» приходится ороситка, только, как оказалось, она больше умеет мстить, чем любить.

Я готов был вечность вымаливать у неё прощение за смерть её родителей и за резкие слова, сказанные мной в запале чувств, вот только она выбрала сладкое блюдо, которое обычно подают холодным.

— Даже не будешь отпираться? — с усмешкой переспросил Фималион.

— Файм, ты знаешь, что не в моих правилах оправдываться. Тем более, ты ведь все равно не поверишь в причастность своей сестры.

— Ты прав, — медленно кивнул наследник.

— Поэтому предлагаю опустить тему Филисити и договориться о сотрудничестве. Больше всего

я жажду, чтобы ты стал императором, — честно признался я, открыто глядя на друга.

Как смешны шутки судьбы! Еще три года назад я сгорал от ревности к этому фаэрту, а сегодня сгораю от ненавистой любви к его родной сестре.

Файм сверлил меня недоверчивым взглядом, а потом и спросил:

— Неужели ради связи со мной ты решил захватить штаб-квартиру?

— Вообще-то я собирался выкрасть тебя, а не просто наладить с тобой связь, — с усмешкой отозвался я. — Вроде как ты оказался случайным заложником. У тебя ведь день совершеннолетия меньше, чем через две недели?

— На самом деле я не буду против отправиться с тобой, — неожиданно признался Файм. — Только с одним условием: Филисити мы забираем с собой.

— Разумеется, — утвердительно ответил я и снял блокировку с комнаты.

Вот только Лисы там не оказалось. Побежала за подмогой? Судя по взгляду Файма, он пришел к такому же выводу и сказал:

— Её нужно перехватить раньше, чем она передаст кому-то сигнал.

— Насчет передачи можешь не переживать — во всем здании заблокирована сеть, как и кнопки выхода, — ответил я и кинул Фималиону голографическую карту. — Иди вниз, в подвалы, оттуда через тайный ход выйдешь к нашему кораблю. Филисити я найду и вернусь вместе с ней. Обещаю, что доставлю её в целостности и сохранности.

— Стой, — остановил меня наследник, — как тебе удалось завладеть целой штаб-квартирой?

— Не все военные жаждут власти регента, остались преданные и старой императорской фамилии, — серьезно ответил я и побежал по коридору.

Необходимо найти Филисити.

Филисити МакКаст

Я бежала по коридорам, все время натываясь на тела сокурсников, бережно прислоненных к стенам. Проверяя сонную артерию, я находила пульс, значит, их просто отстреливали парализаторами.

Здесь остался кто-нибудь в сознании? Эштону необходимо помочь! Неизвестно, что было в планах Макса, но я точно знала, что он может быть опасен. Значит, нужна помощь извне.

Но, как назло, коммуникатор молчал, не желая настраиваться на нужную волну, а все двери, идущие на выход, были заперты, словно они лишь позволили нам проникнуть внутрь, но выпускать не желали. Как же так? Целое здание с военными, которые просто «спали». Причем не все тела были с дробиками в шее, значит, усыпили их с помощью газа.

Наверняка, Макс действовал ни один, а еще был очень подготовлен. Пусть здесь находилась и не верхушка власти, но все-таки умелые офицеры. Сколько пройдет времени, прежде чем сюда подоспеет подмога из соседнего города, который находится на приличном расстоянии отсюда?

Думаю, осталось около пятнадцати минут.

Макс приближался, я отстреливалась от него, поэтому позади меня оставались покореженные стены. Он словно гонял меня.

— Лиса, может, поговорим?! — выкрикнул он, я же запустила в него лазерным лучом, который промчался мимо, не задев фаэрта.

— Катись в бездну, Оджифаэрс! — ответила я, прикидывая, через сколько сюда прилетит спецгруппа.

По подсчетам выходило около семи минут.

Заряд на моем бластере закончился. Я бросилась к лестнице, сбегая по ней вниз, а потом скрылась в тайном переходе.

Макс кинулся мне вслед, и мы вместе оказались в квадратной комнате с перевернутой мебелью и множеством бумаги. Значит, это хранилище, раз использовались даже бумажные носители информации.

Я привалилась к стене и поменяла зарядные устройства на бластере. Это последний. Если я использую заряд в воздух, то ничем хорошим для меня это не кончится. Только я выглянула из-за стены, как мимо пронесся лазерный луч. Перекатившись, я спряталась за покореженным оборудованием.

— Любимая, выходи. К чему эти игры? Я скучал!

Я знаю, как ты скучал. Именно поэтому отплачу тебе за свою боль сполна!

— Боюсь, что мы оба эмоционально неустойчивы для новой встречи! — прокричала я и выпустила несколько лазерных лучей в переключатель рядом с мужем.

Переключатель заискрил, прежде чем расплавиться, и противнику пришлось перебежками покинуть укрытие, пока я отстреливала его.

— Родной мой, как тебе встреча? Уже счастлив? Скука прошла?

— О да, с тобой скучать не приходится, милая! И да, встреча жаркая! Тебе удалось задеть ткань защитного костюма!

— Я старалась! — прокричала я и настроила свои очки на тепловидение, но мужа так и не нашла.

Куда он испарился? Где же ты, родной мой?

— Любимый, выходи же! Я жду!

В следующее мгновение к моему горлу приставили острое лезвие, и над самым ухом прозвучал голос, не суливший мне ничего хорошего:

— Я не заставлю тебя долго ждать.

Я похолодела. Как ему удалось?

Макс толкнул меня на стену, откинул лезвие в сторону и накрыл шею ладонью, нависнув сверху. Мы сверкали ненавидящими взглядами, готовые в эту же секунду испепелить друг друга.

И неожиданно Макс наклонился, запечатлев на губах жесткий поцелуй. Но как же я по нему скучала! Тело мгновенно отреагировало на мужа, и я тихо застонала, положив ладони на узкую талию мужчины.

— Личичка, — простонал Макс, отлепившись от меня, но так и не убрал ладонь с моего горла.

— Ненавижу тебя, — выдохнула я, не предпринимая никаких попыток вырваться.

Будь что будет! Пусть пошлет, пусть убьет, но я больше не могу так! Без него я не чувствую вкус жизни, я просто существую. Если он уже забрал моё сердце, пусть забирает и жизнь.

— Как бы я хотел, чтобы ты ушла и никогда не возвращалась, — прошептал Макс, освободив меня, но не сделав и шагу назад.

Он не собирается меня убивать? Ничего не понимаю!

— Помнится, ты мне уже говорил такие слова, — тихо прошептала я.

— Но ты вернулась.

— И ты встретил, — в свою очередь выпалила я, неотрывно смотря в глаза любимого фаэрта, которые начали становиться оранжево-красными.

Их цвет нельзя подделать! Так что же произошло тогда, на корабле? Почему все так обернулось?

— Все совершают ошибки. На то они и есть, чтобы на них учиться. Уходи.

— Скажи, это ты выпустил тот луч? — задала я жизненно важный вопрос.

— Я, — просто ответил Макс и вколол мне в шею иглу.

Сознание покинуло меня, и я обмякла в руках собственного мужа.

7

Лимаксион Оджифаэрс

Я сам себя не понимал. Когда бежал к кораблю с Филисити на руках, мне одновременно хотелось и сжать в объятиях спящую девушку, и придушить её. Наверное, я бы убил её, если бы так сильно не любил.

Стоило за моей спиной закрыться шлюзу, как корабль поднялся в воздух. Эштон протянул руки к Филисити, но я отвернулся от него, не желая отдавать свою ношу, вместо этого направился к свободной каюте под ошарашенным взглядом Сотар-онга.

— А она что тут делает?! — закричал он, и я бросил на него усмехающийся взгляд.

— А это принцесса, Чо.

Краем сознания я отметил, как посерело лицо роасана, будто он сейчас пожалел о чем-то. Последнее время между нами висело напряжение, и только три дня назад, когда мне удалось вычислить личность наследника и сложить все части головоломки, нам удалось помириться и придумать план. К счастью, у нас были нужные люди из высших офицерских чинов.

— Давно ты понял? — спросил у меня Файм, догнавший меня в коридоре.

— Про то, что Филисити принцесса — около двух недель назад, а про тебя буквально на днях, когда мне удалось пойти по следу, который мне указал капитан, — спокойно ответил я.

Девушка на моих руках оставалась неподвижной. Белая прядь падала на лоб, и мне хотелось убрать её, но я сдерживал этот порыв, напоминая себе, как она поступила со мной в прошлом.

— Филисити рассказала, что ты попытался её убить, — сообщил Файм, и я удивленно воззрился на него.

— Значит, она умышленно солгала. Я не только не пытался её убить, но и спас ей жизнь. Если бы я вовремя не перепрограммировал её шлюп, на котором она пыталась сбежать, то она бы взорвалась под лучами кораблей конфедерации, — в свою очередь ответил я, вызвав удивление на лице собеседника.

— У меня нет причин не доверять тебе, — задумчиво сказал он, — но и нет причин не доверять Фил. В юности мы с тобой были не разлей вода, и я сильно удивился, если не сказать, что безумно ревновал, когда ты встречался с Филисити.

— Ты давно узнал, что она твоя сестра?

— Три года назад, когда увидел кулон нашей матери, — признался Эштон, и помог мне открыть дверь свободной каюты.

Я с неудовольствием выпустил тело Филисити из своих рук и уложил девушку на кровать, на миг зависнув над ней и убрав белую прядь. Она была все так же прекрасна, как и три года назад. И это невольно наводило меня на воспоминания о нашей близости и совместно проведенных ночах, когда утром мы просыпались в объятиях друг друга.

Как ни крути, но она продолжает оставаться моей женой, хоть и не официально. Но, учитывая место, где мы сочетались узами брака, регистрация — лишь формальность.

— Я ничего не понимаю, Макс, — признался Файм, изумленно смотря на меня. — Расскажи мне подробнее о событиях трехлетней давности.

— Тут и нечего рассказывать, — оборвал я его, выпрямившись, — она просто не смогла простить мне смерть своих родителей.

— Подожди...

— Давай обговорим детали срыва инаугурации регента? — предложил я и направился к выходу.

Фималиону ничего не оставалось, кроме как последовать вслед за мной.

Филисити МакКаст

Очнулась я в незнакомой каюте, переодетая в стандартный комбинезон экипажа. Приподнявшись на локтях, я огляделась. Белые стены, потолок и немногочисленная мебель. Корабль Макса? Если это так, то нужно найти коммуникатор и позвонить Эштону, сообщить о своем местоположении.

Коммуникатор я ожидаемо не нашла, зато смогла принять душ.

Планировку корабля данного типа я знала, к тому же прошлая зимняя практика проходила именно на таком судне, поэтому уверенно двинулась в сторону конференц-зала, но каково же было моё удивление, когда я застала среди действующих лиц Эштона. Причем вел он себя раскрепощенно, словно сам и собрал команду Макса вокруг себя.

— Очнулась? — с усмешкой спросила Марго, окинув меня с ног до головы презрительным взглядом.

Я ответила ей не менее недружелюбно. Разговоры прекратились. Макс отвернулся, Сотар-онг тоже отвел взгляд, а вот Эш смотрел на меня с сожалением. Помимо них в комнате присутствовали и незнакомые мне гуманоиды, надо думать, все они оппозиционеры. Но как среди них затесался мой друг-фаэрт?

— Ты ей еще не рассказал? — спросил Макс, смотря на Торифаэра.

Тот отрицательно качнул головой, поднялся и подошел ко мне. Набрал несколько цифр на панели, и перед нами всплыл экран, выстроившийся в отражающую поверхность. Эш встал позади меня и приобнял, заставляя меня смотреть прямо в «зеркало».

— Помнишь, я обещал тебя познакомить со своей сестрой? — спросил он.

Я неуверенно кивнула, не зная, как реагировать на несвоевременный вопрос фаэрта. Что он хочет сказать и почему на нас смотрят с таким напряжением?

Сердце забилось быстрее, предвкушая ответ Эша. Вот только принесет он мне больше счастья или разочарование? Ведь вместе с знаниями приходит и ответственность.

— Фил, моя сестра — это ты, — выдохнул Эштон, словно убрал со своего сердца тяжелый груз.

И переложил его на меня. Я сглотнула, смотря в зеркальную поверхность на своего... брата.

Конференц-зал был погружен в тишину, кажется, был слышен только стук моего сердца. Я повернулась к Макс, встретившись с его серьезным взглядом. Он знал? Давно?

— Я понял это, когда увидел твой кулон, — ответил мне Эштон, словно оправдываясь. — Это кулон нашей матери, более того, это я подарил его ей.

— Мы... мы ведь... — начала я, но никак не могла продолжить.

Неужели это мне не снится? Еще недавно я думала о том, что могу быть принцессой, а теперь Эштон говорит, что он мой брат. Значит ли это, что наши родители — погибшие принц и принцесса Фаэра?

— Да, — ответил вместо Эштона Макс, поднявшись со своего места и подойдя к нам. — Ты — наследница целой Империи. Что будешь делать с этим знанием?

— В первую очередь — постараюсь посадить тебя за решетку, — огрызнулась я больше от

нервов, чем со злости, и увидела, как дернулась щека Макса.

— Коготочки еще не выросли, высочество, — фыркнул фаэрт, сложив руки на груди.

— Располосовать тебе лицо — хватит, — в свою очередь прорычала я и почувствовала, как на талии вновь смыкаются руки Эштона.

Что я делаю? Мне только что сообщили, что Эш — мой брат и я наследница Империи, а меня волнует только Макс, глаза которого вновь начали приобретать оранжевый оттенок.

Впрочем, можно сказать, что между мной и Эшем ничего не изменилось — я всегда считала его братом, а теперь узнала, что это на самом деле так. А о том, что являюсь наследницей, догадалась еще раньше, только старательно гнала от себя эту мысль, казавшуюся мне нереальной.

Я заметила, как взгляд Макс спустился к сцепленным на моей талии рукам фаэрта. На миг мне показалось, что он ревнует, но потом он будто одернул сам себя, вспомнил то, что еще недавно мне казалось сумасшествием — Эштон мой брат.

— Давайте успокоимся и поговорим, — развернув меня к себе, начал наследник. — Фил, прошу тебя, оставь свою ненависть. Сейчас мне нужна твоя собранность и серьезность, ты ведь умеешь быть беспристрастной?

Я сверлила Эштона взглядом, продолжая хмуриться и разглядывать его, будто увидела первый раз. Когда-то давно мне показалось, что он мне кого-то напоминает. Подумала, что Макса. Нет, он напоминал мне саму себя.

Изгиб бровей, форма глаз, пухлые губы — черты его лица грубее, массивнее, но при этом сходство все равно прослеживается. Я прислушалась к своему сердцу, поняв, что безумно счастлива обрести родного брата в лице лучшего друга. Казалось, что все правильно и только так и должно быть.

— Мы действительно внуки Императора? — неуверенно спросила я, положив ладони на грудь Эштону.

— Да, Филисити, — серьезно ответил Эштон. — И боюсь, что воссоединение семьи блекнет на фоне политической ситуации в конфедерации.

Вновь сглотнула. Значит, мои приемные родители изначально рисковали своей жизнью, приютив наследницу. И тем печальнее, что у этой истории такой конец.

Эштон подвел меня к столу. Сев в кресло между Максом и братом, я чувствовала себя не совсем уютно, поэтому жалась ближе к Торифаэру. Хотя о чем это я? Ведь теперь к нему нельзя применять ни фамилию, ни имя. Интересно, а как его зовут на самом деле? Эштон, вновь будто прочитав мои мысли, прошептал:

— Фималион.

— Приятно познакомиться, — неожиданно выпалила я, протянув руку.

Эштон пожал мою ладонь, и в этот момент я действительно почувствовала, что мы только познакомились. Стал объясним его опыт, рассудительность, ненависть к существующей

системе и тяга к экономике и политике, а не к техническим наукам. Будто я собирала пазл не по той обложке, а теперь мне показали исходный образец, и я за одну минуту сложила верную картину.

— Коронация будет происходить в Эриол-Холле через пять дней, — начал Макс, показывая здание с высоким шпилем на голограмме над столом. — Традиционно здесь стоит символ власти — четырехгранная чаша, запрограммированная на реакцию с кровью императорской семьи. Она возгорается сильнее, чем ближе наследник по крови к предшественнику. Регент — дальний родственник, пламя будет слабым, но этого хватит, чтобы провозгласить его Императором.

— Я примерно понял, что ты хочешь, — сказал Эштон, потеряв подбородок. — Но удастся ли тебе пробраться в Эриол-холл? В тот день он будет напичкан всевозможными ловушками.

— Я туда смогу пройти свободно, — ответил Макс, — на мое имя приглашение. На меня и на мою жену, — добавил Макс, многозначительно посмотрев на меня.

— Это нелогично, — вмешалась я, пожившись от его взгляда. — Мы с Эштоном пропали с военной базы, значит, мы заодно с оппозиционерами. Да нас уже занесли во враги народа и проверили всю подноготную.

— Вот именно, Филисити, — с широкой улыбкой сказал Лимаксион, откинувшись на спинку кресла. Остальные молча внимали нашим словам. — Но они не смогут остановить тебя, так как я уже зарегистрировал наш брак.

— Что не помешает им следить за нами. Мы будем под прицелом. И шага в сторону ступить не сможем, — сделала вывод я, хмурясь.

— Бинго! — воскликнул фаэрт и посмотрел на Эштона. — Пока мы с Лисой будем отвлекать внимание всей охраны на себя, ты под видом официанта сможешь подойти к чаше и воспламенить её, сорвав тем самым инаугурацию. Естественно, в зале будут еще проверенные люди, но в любом случае такое событие будет освещаться в прямом эфире. Так что люди увидят истинного Императора, наследника того, с кем соседние системы заключали союз и объединялись в Империю.

— Приедут тартарианцы, — добавил Данс, рука которого была загипсована, — как сторонние свидетели и еще несколько глав соседних конфедераций и систем, не входящих в состав Шестого межгалактического союза.

— Против такого регент ничего предъявить тебе не сможет, — заключил Макс. — Детали еще стоит проработать, но общий план есть...

Его речь жестоко прервал пилот, вбежавший в конференц-зал. Слегка склонив голову, он отрапортовал:

— Макс, у нас проблемы! Корабли конфедерации на хвосте!

Мы переглянулись, обменявшись изумленными взглядами.

— Как им удалось? — задал животрепещущий вопрос Сотар-онг, и Лимаксион резко поднялся со своего места, подойдя к шкафам.

Оттуда он достал какой-то датчик, а потом подключил его к компьютеру. На миг все в комнате

застыло, все следили за действиями фаэрта, пока у нас с Эшем в волосах что-то не запищало. Мужчины выругались сквозь зубы. Макс подошел к нам и с помощью звуковой волны уничтожил оба датчика.

— Каким образом следящее устройство оказалось у них? — задала закономерный вопрос Марго, сложив руки на груди.

— Боюсь, что регент параноик, и в этот раз ему это помогло, — пробормотал Лимаксион и повернулся к пилоту. — Сможешь вывести нас через астероидное поле?

— Я не смогу, — растерянно ответил парень, — а первый пилот сейчас не в том состоянии, чтобы держать штурвал.

Все посмотрели на перебинтованную руку Данса. Он перевел взгляд на Марго, но та отрицательно мотнула головой.

— Не смогу. Я никогда не была сильна в пилотировании.

— Филисити сможет, — уверенно заявил Эштон, приободряюще сжав мою руку. — Дар пилотирования ей дан свыше.

— Эш, но я проходила астероидное поле только на симуляторах! Нельзя так рисковать!

— Фил, зато ты каждый раз проходила его с лучшим результатом и на самом сложном уровне, — сказал Эштон. — Я верю в тебя. Ты сможешь.

— Одно дело симуляторы, другое — реальный корабль, — высказал верную мысль Чо.

— Решение нужно принимать быстрее, на хвосте корабля конфедерации, — поторопил пилот.

— Если крылья даны от рождения, то она даже в первый раз корабль состыкует, — посмотрев на меня в упор, приободрил Данс. — Я буду рядом и если что смогу подсказать. На таких кораблях летала? Систему знаешь?

— В прошлый раз была практика именно на таком судне, — ответила я спокойно.

В кресло второго пилота сел тот молоденький мальчик, который если что примет на себя пилотирование. Но я была уверена, что у меня получится. Еще двое мужчин сели этажом ниже за оружейные штурвалы, с помощью которых они будут отстреливать астероиды, уйти от которых не удастся.

Когда я сажусь за штурвал, то будто попадаю в другое пространство — реальность перестает существовать, останемся лишь я и свобода действий. Вот так и сейчас. Данс практически не вмешивался, лишь пару раз экспрессивно напомнил мне, что мозги у меня находятся в голове, а не... в другом месте.

Опыта мне явно не хватало, но мне на руку сыграло то, что я хорошо чувствовала габариты корабля — всё-таки месяц преддипломной практики не прошел просто так, и я выучила данную модель вдоль и поперек, привыкнув к ней.

— Ближайшая точка для гиперпрыжка найдена и передана в систему навигации, — отрапортовал второй пилот, и я быстро перевела данные, уверенно направляя корабль в точку перелета.

Когда мы оказались в другой системе, я наконец смогла спокойно выдохнуть, а вот Макс, наоборот, развел бурную деятельность. Отдавал команды и координировал дальнейшие действия. Нам необходимо было высадиться на их базе на одной из планет и сменить корабль.

Встав из-за штурвала, я побрела в каюту. Мне еще много о чем нужно было подумать. Первое — переосмыслить свою жизнь, ведь теперь выяснилось, что я наследница целой империи. Второе — решить, как мне относиться к Макс. Попытаюсь забыть или продолжать ненавидеть?

Ненависть сжигает меня изнутри, но и забыть я его не могу. Легче простить и продолжить безумно любить.

8

Мы с Эштоном много разговаривали, когда у него выпадало свободное время. Он рассказывал мне о своем детстве, родителях и о том, как они сильно ждали моего рождения. Я плакала, но все равно с улыбкой продолжала слушать обретенного брата.

Эштон много с кем общался. Оказалось, что оппозиционеров очень много во многих системах, и все они поддерживали истинного наследника. Естественного, громогласно о себе Эш, точнее, Фималион, не заявлял, но нужные люди уже обо всем знали.

Я увидела брата в его настоящем виде. Он снял вживленные под кожу импланты, возвращая естественную форму лица. И если и раньше в нашей внешности была схожесть, то теперь она увеличилась как минимум вдвое. И таким он казался более естественным.

Практически все дни до коронации мы провели в дороге. С Максом мы часто сталкивались случайно в коридоре, отлетая друг от друга, как ошпаренные. Я не понимала наших отношений. Я не чувствовала от него негатива, скорее... обиду.

Но за что? Это я должна обижаться на него и ненавидеть всем сердцем!

Не могу. Не могу его ненавидеть, ведь моя любовь всепоглощающа — она служит абсорбентом негативных эмоций.

На Фаэр мы летели на отдельном корабле в составе шести человек: Данс с Марго, которые, оказывается, вновь поженились, Сотар-онг, Макс и мы с братом. Сегодня, в день прилета, Лимаксион неожиданно зашел ко мне в каюту.

Я поднялась с кровати и подошла к нему, желая выслушать его и скорее выпроводить. Фаэрт пробежался взглядом по моей фигуре, подал мне пластиковую карточку и резко отвернулся.

— Это новые документы.

Вставив карточку в выемку на коммуникаторе, я прочитала измененные данные — теперь в графе имени и фамилии значилась Филисити Оджифаэрс. Как необычно звучит. А ведь я мечтала носить эту фамилию.

— Мы потом развестись сможем? — как можно более спокойным голосом осведомилась я.

— Если ты не забыла, то мы уже никогда не разведемся, — напомнил мне Макс и

многозначительно посмотрел на меня.

Против моей воли к щекам прилила кровь, и я вспомнила наше слияние под водопадом. Его поцелуй, шепот, слова. Все казалось таким настоящим и прочным.

— И что ты предлагаешь? — едко спросила я, приподняв брови.

Он не ответил. Вместо этого подхватил меня под мышки и прижал к стене, нависнув сверху. Я вцепилась в его плечи, чтобы не упасть и облизала губы. Это было моей ошибкой, словно призывающей мужа к решительным действиям.

Макс, переместив руки на мои ягодицы, резко наклонился и поцеловал. Настолько яростно, словно выплескивал свою обиду, что я расплакалась. Я ответила на поцелуй, несмотря на слезы, текшие по щекам.

Больно, как же больно. Почему жизнь к нам так несправедлива? Может, если бы я тогда в запале ссоры не сказала, что ненавижу его, он бы и не попытался меня убить. Он фаэрт, а они выше всего ценят семью. Вероятно, он решил, что я предала его чувства, и попытался убить меня?

У меня и раньше возникала эта догадка, только я не желала давать ей жизнь, словно недостойной. Мне было легче и проще ненавидеть Макса, чем позволять сомнениям и самобичеванию погубить меня изнутри.

— Слишком солено, — прошептал Макс, прислонившись лбом к моей голове. — Знала бы ты, как я ненавижу тебя... любить.

Я не осознала всего смысла его фразы, а он же отстранился и покинул каюту. Я же еще некоторое время глупо смотрела в одну точку, не зная, то ли я дура, то ли события трехлетней давности кто-то хорошо подтасовал...

На Фаэре наши пути с Фималионом разделились. Мы с Максом отправились в особняк его родителей, где я уже однажды была, а братс остальной командой в Эриол-холл, где они должны были подменить нескольких наемных работников.

Родители Макса не были удивлены моему возвращению, но явно не испытывали той теплоты, которая исходила от них в нашу первую встречу. Интересно, а Макс им что-нибудь рассказал? Ответ на вопрос я узнала позже, когда мы вошли в его комнату.

— Не переживай, я ничего не говорил родителям о твоём предательстве. Просто они видели моё подавленное состояние и не могли не заметить твоего отсутствия, поэтому сделали соответствующие выводы.

— Предательстве? — вспыхнула я, сложив руки на груди. — О чем ты говоришь, Лимаксион Оджифаэрс? Это ты попытался меня убить лучом, пущенным в шлюп.

— Я спасал тебя, глупая.

— Весьма оригинальный способ спасения, — поцокала я и отвернулась, не желая слышать его оправдания.

— Скоро к тебе придет стилист. Не выходи ни с кем на контакт. Родители улетят на церемонию

раньше. Я не хочу подвергать их потенциальной опасности.

Я не ответила, и Макс вышел. Через полчаса ко мне действительно пришел стилист, который полностью подготовил меня к инаугурации. К моему удивлению, выбор пал не на платье, а на красный брючный костюм, в дополнение к которому шли черные лаковые туфли на ремешках и серьги с колье, выполненные из капель темного агата и мелкой россыпи рубинов.

Волосы зализали назад в строгую прическу, сложив «ракушкой», а макияж был темным, вечерним. Смотря на себя в зеркало, я не узнавала собственную внешность. Во-первых, я выглядела гораздо старше и серьезней. Во-вторых, одежда была слишком яркой и вызывающей, словно её обладательница шла не на церемонию, а на войну.

— Прекрасная работа, — похвалил стилиста вошедший Макс.

Фаэрт был одет в синий костюм с черными галстуком и рубашкой. Волосы убраны на один бок и зафиксированы. Из украшений — тяжелые черные часы и запонки, инкрустированные бриллиантами. Я нахмурилась и оглядела нашу пару в зеркало.

— Мы очень вызывающе одеты.

— Надеюсь, взгляды периодически будут возвращаться к нам, — ответил Макс, когда стилист покинул комнату. — Лиса, если ты увидишь Фималиона, сделай вид, что не знакома с ним. И не возвращайся к нему взглядом ни в коем случае! Весь вечер ты должна любоваться только мной.

— Уверена, на инаугурации будет множество представительных мужчин, которыми можно будет любоваться, — фыркнула я и почувствовала, как на моей талии сжимаются мужские руки.

— Только попробуй, — угрожающе прошептал Макс на ухо, — и ты узнаешь, что такое ревность фаэрта.

Я уже знала. И от этого знания пошалить хотелось еще больше!

Отправились в Эриол-холл мы на аэромибеле Макса. Я поймала себя на мысли, что мне безумно нравится непринужденная атмосфера в салоне. словно и не было трех лет ненависти и злости, словно мы оказались на далеком спутнике на окраине Фаэра, где жаркие лучи Фара согревали нашу любовь.

— О чем думаешь? — спросил Макс, и я вздохнула.

— О том, что было бы, если бы мои родители не погибли.

— Хочешь, я тебе расскажу? — спросил Макс, но в моем согласии он не нуждался. — Ты бы никогда не сдала наше местоположение конфедерации, не оказалась бы под угрозой обстрела, ты бы спокойно окончила летное училище, и мы сыграли свадьбу. пышную, потому что её подготовкой занималась бы моя мама. А она не из тех, кто любит тихие семейные вечера. Как тебе перспектива? Уверен, что она лучше действительности, которую создала ты.

Я слушала его и не могла понять, что в наших версиях не сходится. Я не предавала его, это он с чего-то решил меня убить...

— Подожди, Макс, — ошеломленно отозвалась я, — ты хочешь сказать, что никогда не

приказывал мне покинуть своего корабля? Чо посадил меня в шлюп не по твоему приказу?

— Что за бред, Лиса?! — на миг оторвавшись от вождения, прокричал Макс и нахмурился. — И причем здесь Чо?

— Это он посадил меня на шлюп, Макс! Но если ты не отдавал приказа, то почему пытался меня убить?

— Я пытался тебя убить? Лиса, я ради тебя рискнул всем, думаешь, стал бы убивать?

— Я подумала о том, что ты пожалел обо всем, что между нами было. Будто игра не стоила свеч, — искренне ответила я. — Что насчет луча? Ты ответишь мне или нет, наконец?!

— Я спасал тебя! Я перепрограммировал твой шлюп, но для активации программы нужно было враждебное действие извне. Мощность была наименьшая. Если бы я хотел тебя убить, то сделал бы это. Ты бы погибла под обстрелом кораблей конфедерации.

Все это он выпалил на одном дыхании, и я поняла, что он не лжет. Но как же слова Чо? Неужели именно он предал Макса? И если так, то не предаст ли он сегодня моего брата?

Об этом подумал и Макс. Кажется, он тоже начал догадываться, что наша ссора — хорошо продуманный спектакль. Неужели роасан заставил меня ненавидеть собственного мужа? Я сжала от злости кулаки, давая себе обещание лично врезать Сотар-онгу!

— Кажется, я понимаю, почему он это сделал, — выдохнул Макс, но пояснить не успел: в этот момент в нас врезался другой аэромобиль, и нас откинуло в сторону.

Система безопасности была на высшем уровне — нас тут же обложило подушками и включился автопилот. Я даже испугаться не успела, когда дверь с моей стороны выбили, подушки вновь спустились, а меня попытались вытащить из аэромобиля.

Я пихнула похитителя каблуком, а в следующий момент его лоб прожег лазерный луч — кажется, у Макса в салоне случайно завалился бластер. Я передвинулась ближе к мужу, и он обнял меня рукой, выпустив в сторону два дрона с энергетическими щитами.

— Прикройте нас. За нами будет погоня, — сказал Макс кому-то в коммуникаторе, а потом увеличил скорость.

Я перебралась на заднее сиденье, где была дверь, и обхватила руками кресло фаэрта, опасаясь, что в любой момент могут вновь выбить дверь и уже ничто меня не спасет.

— Не бойся, — попытался успокоить меня Макс, — погони больше нет. А в резиденции нас никто не посмеет задержать без видимых причин.

— У них же нет этих самых причин? — решила уточнить я.

Макс не ответил. Значит, все возможно.

Мои страхи оказались беспочвенными. Нас действительно никто не ожидал, кроме швейцаров в дорогих красно-черных ливреях. Они постарались скрыть удивление при виде побитого аэромобиля, хотя не каждый день приезжают на подобном транспорте в Эриол-холл.

По красной ковровой дорожке мы направились к зданию, подсвечиваемому множеством

световых пушек. Эриол-холл был окружен гуманоидами из силовых подразделений, в основном роасанами и ящеррами, которые выглядели нарочито расслабленными в темном костюмах.

— Лиса, почему ты трясешься, как лист на ветру? — тихо прошептал Макс, обнимая меня одной рукой и не забывая улыбаться.

— Мне кажется, что нас в любой момент могут попросить пройти в закрытую комнату на допрос, — тихо ответила я, и Макс удивленно воззрился на меня.

— Зря так думаешь. Не имеют права. У меня дипломатическая неприкосновенность, дарованная нашей семье еще двадцать четвертым Императором. Так что так легко меня никто не может попросить куда-то пройти, — спокойно ответил Макс и жестко добавил: — А регент еще не Император.

Я все время ждала проблем, но их так и не последовало. Наши имена были в списке гостей, поэтому после проверки на отсутствие оружия нас пропустили в залитый светом холл, откуда мы проследовали к лифтам и поднялись на самый верхний сто шестнадцатый этаж.

Когда я выходила из лифта, подвернула ногу — такому результату послужил сломанный супинатор. Видимо, повредила каблук, когда отбивалась в автомобиле от похитителей. Макс подхватил меня, удерживая за талию, и прижал к себе теснее.

— Такой контакт позволяют нормы этикета? — на всякий случай осведомилась я.

— Мне плевать. Не зря я создавал имидж плохого парня, к тому же ты моя жена, а молодоженам свойственна близость. Те, кто нужен, за нами уже наблюдают во все глаза, независимо от расстояния между нашими телами, а на гостей мне, в сущности, наплевать.

— Шампанское из литтеллы, — предложил официант, и Макс взял с подноса два бокала.

Я поздно осознала, что это был Эштон, точнее, Фималион. Когда же я привыкну к его настоящему имени? Я отвернулась от брата, приняв бокал из рук мужа. Макс пригубил напиток и посмотрел в сторону. Я проследила за его взглядом, слегка кивнув его родителям.

Вкус шампанского напомнил мне наш первый новый год с Максом, когда существовали только мы и наша любовь. Сердце отчаянно забилось в тоске от теплоты воспоминания, и я сжала руку фаэрта. Лимаксион удивленно взглянул на меня, а я уткнулась лбом ему в грудь.

— Я так скучала по тебе, — прошептала чуть слышно, но Макс меня прекрасно услышал и прижал к себе крепче.

— Теперь ты никогда от меня не уйдешь. Не отпущу, — уверенно заявил фаэрт и приподнял мою голову, чтобы заглянуть в оранжево-красные глаза. — Оказалось, что нельзя доверять даже словам друга.

— Друзья часто ошибаются, думая, что делают добро, будто они знают, как лучше.

— Ты права, — согласился Лимаксион, пригубив шампанское. — Он сказал, что ты выбрала военную службу, а не меня.

— Наоборот, — возмутилась я, нахмурившись.

— Теперь знаю, — улыбнулся Макс, — и больше не поверю ни одному слову или поступку, пока

сам лично не услышу твою версию событий.

Душа воспарила к облакам. Теперь я была уверена в том, что события трехлетней давности — недоразумение, хороший спектакль, рассчитанный на двух зрителей. Но как же я рада, что мы расстались не на всю жизнь, а только на три года — мгновение из целой вечности любви.

Зал оживился. Зрители встали по двум сторонам зала, а с противоположной от входа стены открылось небольшое возвышение, скрытое до этого тяжелыми портьерами. Зазвучала тяжелая барабанная музыка, журналисты и блогеры мгновенно оживились, и по лестнице начал спускаться регент.

До этого я никогда не видела его вживую. Ничего выдающегося в нем не было — мужчина ста двадцати лет, с темными бровями, густыми длинными волосами, хищным взглядом и крючковатым носом. Он не был красавцем, но была в его внешности некоторая властность, которая привлекала внимание.

Чувствовалось напряжение, словно кто-то в любой момент готов был выпустить фокси, чтобы гости дружно его догоняли и ловили.

Вот только что если кто-то выпустит не фокси, а лазерный луч?

— Улыбайся, Филисити, — прошептал Макс, аплодируя вместе с другими гостями регенту.

Я тоже подключилась к аплодисментам, правда, без должного прилежания. Регент спускался с достоинством короля, придерживая полы расшитой золотом и драгоценными камнями мантии с меховой оторочкой. Каково это — быть центром внимания всей конфедерации?

Регент улыбался, полный уверенности в себе и своем величии. По периметру рассредоточились охранники, переговариваясь через коммуникаторы и следя за движениями каждого гостя в зале. Я поежилась, придвинувшись ближе к Макс, и пропустила тот момент, когда один из охранников выпустил лазерный луч в регента.

Зал охнул, гости приникли к полу. Регента окружили дроны с энергетическими щитами, полностью скрывая его фигуру.

— Что происходит, Макс?! — вскрикнула я, испуганно взглянув на своего мужа.

— Боюсь, что и среди силовых структур есть противники власти регента, — тихо ответил он, обнимая меня и смотря на охранника, которого уже скрутили его коллеги.

Тот вырывался и сыпал проклятиями, уверяя, что истинный наследник жив, а регент — зло, которое не должно властвовать. Его слова пробирали до мурашек, хотя зрелище было, мягко говоря, жутким.

Регента попытались увести, но он поднял руку вверх, призывая всех к тишине. Энергетические щиты смазывали его фигуру, гости находились в смятении и оглядывались по сторонам, ожидая опасности.

— Верноподданные, прошу вас успокоиться! — провозгласил будущий император и начал долгую и нудную речь о том, как важна сплоченность и преданность.

— Пройдемся с нами, — раздался позади нас голос, и на плечо Макса легла чья-то рука.

— По какому праву? — обернувшись и скинув чужую руку, презрительно спросил Лимаксион.

— Вас хочет видеть начальник охраны, — нашелся с ответом мужчина в форменном черном костюме. — Прошу вас без лишней суеты пройти со мной.

— Без суеты не получится, — громче добавил Макс, продолжая обнимать меня.

На нас стали оглядываться гости. Стараясь не выдать своего смятения, я подняла выше голову, будто сейчас я хозяйка положения.

— Господин Оджифаэрс, прошу вас, мне не хотелось бы применять силу.

— А вы попробуйте, — на весь зал объявил Макс, перебив речь регента.

Теперь и он обратил на нас внимание. На лицах родителей Макса читался легкий испуг.

— Мой сын, как и вся наша семья, обладает государственным иммунитетом, что запрещает вам уводить его без личного приказа Императора, — громко произнес Элитон и едко добавил: — А как мы все знаем, наша конфедерация временно лишена верховного правителя.

По залу пробежался шепоток. Охрана переглядывалась и не знала, что еще можно нам предъявить. Пока неуверенность охватила присутствующих, место сцены переместилось и дислоцировалось в другой части зала.

— Шампанское? — раздался громкий голос Фималиона, и множество взглядов устремилось к постаменту.

Из-за заминки никто не обратил внимания на официанта, который стоял рядом с чашей. Регент был огражден энергетическими щитами, но даже отсюда можно было предугадать, что он более чем удивлен.

Охрана двинулась к Фималиону, но Эшу понадобилось лишь мгновение, чтобы положить свою руку на чашу. По скарификатору побежала капля крови, которая скатилась на самое дно. Эштон убрал руку, и чаша вспыхнула ярко-красным огнем, пламя устремилось к потолку.

Зал охнул, и теперь никто не видел перед собой официанта. Все смотрели на наследника Империи. Охрана остановилась, не зная, как реагировать. Столп пламени доказывал, что перед ними истинный правитель, а значит, и подчиняться они должны ему.

— Фималион! Какая неожиданность! — воскликнул регент, убрав энергетические щиты, и распростер руки для объятий.

Первым среагировал мой муж. В руках регента сверкнул металлический клинок, и Макс, резко выхватив из кобуры охранника бластер, сделал несколько выстрелов, попав в ноги неудавшемуся правителю. Фималион отступил на шаг, уходя с траектории падения тела, и взглянул на нас.

Вновь раздались женские крики. Руки Макса завели за спину, но тот даже не сопротивлялся, неотрывно смотря на своего друга детства. Фималион сглотнул и посмотрел на меня.

Что он хочет сказать этим взглядом? Неужели он дает мне право принять решение о судьбе Макса? Конечно, он же не знает, что вся история трехлетней давности — одно большое недоразумение! И до сих пор не уверен, что Макс не пытался меня тогда убить!

Я отрицательно мотнула головой, и Эштон, подняв с пола металлический клинок, презрительно бросил, глядя на корчившегося от боли регента:

— Посадить его в камеру за попытку убийства наследника. Решение о его судьбе я приму позже.

И таким властным голосом это было сказано, что охрана, схватив бывшего правителя, оттащила его и вывела из зала. Гости медленно начали оседать на пол, но уже не от страха, а от благоговения перед новым истинным правителем.

Жестом руки Фималион позволил подданным подняться на ноги, и первыми заговорили главы систем и планет. Каждый из них выходил вперед со своей свитой и прикладывал два пальца к виску, произнося:

— Да здравствует Император!

Пламя за его спиной продолжало полыхать, пока каждый гость выказывал уважение и преданность монарху. Естественно, церемония была сорвана, и поэтому назначен новый день коронации, но этот день навсегда войдет в историю.

После глав систем присягу давали силовые структуры, начиная с высших чинов. Военные прикладывали кулак к сердцу, становясь на одно колено, и произносили вызубренную со студенческой скамьи клятву верности.

Недовольных брали под стражу. Мне не было их жалко, они сами выбрали своего господина — жаждущего власти и денег регента, который за время, проведенное подле Императора, сделал Фаэр коррумпированной и разрушающейся изнутри конфедерацией.

К моему счастью, Эштон решил не объявлять, что я его сестра. По крайней мере, сегодня.

Император и его семья жили в Эриол-Холле, занимая этажи с восемьдесят шестого по девяносто пятый. Как только перед Фималионом склонились в знак почтения, Макс отправил одному из опальных генералов, преданного старой власти, сообщение, поэтому сейчас здание было не просто под контролем военных структур, а под контролем людей, подчиняющихся самому наследнику.

Вечер шел своим сумбурным чередом. Мама Макса продолжала на меня коситься, но, видя заботу сына обо мне, утихала и ничего не высказывала.

— Идем домой? — прошептал Макс, наклонившись ко мне.

— Как же Эштон, то есть, Файм? — спросила я, приподняв брови.

— Он справится здесь, — уверенно заявил фаэрт, — и не переживай, поддержка у него будет.

Макс устремил свой взгляд в сторону, где стояли главы систем, входящих в состав конфедерации, а также Чо. Он был сыном губернатора Раоса, что многое объяснило, включая его стремление изменить нынешнюю политику. При регенте были завышенные налоги со всех подданных систем.

— Поговоришь с ним? — спросила я, и Макс отрицательно качнул головой.

— Пока не уверен, что наш разговор не закончится дракой, — ответил фаэрт и обнял меня,

уткнувшись мне в волосы. — Полетели домой. Я так соскучился по тебе.

Возражать я не стала, к тому же меня покинули последние моральные силы. Домом Макс назвал его городскую квартиру. Внутри я входила аккуратно, словно приоткрывала двери своего прошлого. Кажется, здесь даже запах знакомый.

— Обещай, что больше никогда не покинешь меня, кто бы тебе что ни говорил, — прошептал Лимаксион, прижавшись ко мне сзади, и поцеловал оголенное плечо.

— Только если ты пообещаешь, что никогда не отпустишь меня, — чуть слышно ответила я и развернулась в кольце родных рук, обхватив ладонями шею любимого мужчины. — Поцелуй меня.

Казалось, только это ему и было нужно. Макс прикинул к моим губам, подняв меня на руки. Мне пришлось обвить торс фаэрта ногами, чтобы не упасть. Мы целовались, словно сумасшедшие, вымещая всю боль разлуки друг на друге.

Я мстила ему каждым своим движением, доказывая, что без меня он — лишь половинка чего-то целого. Цельного. Единого.

А он показывал мне, что такое истинное единение.

9

Проснулись мы ближе к обеду, но никто из нас не хотел покидать теплую кровать. Мы переплелись ногами и руками, словно корни деревьев, и наслаждались незабываемой близостью друг друга, слушали биение сердец и ощущали, как счастье поселилось в этом доме.

Выбраться из постели нас заставил звонок. Над коммуникатором зажглась фигура обеспокоенного наследника. Я предварительно натянула простынь на грудь, Макс же нашел нужным прикрыть лишь бедра.

— Вижу, вы помирились, — констатировал брат, и я увидела, как на лице мужа проступает счастливая улыбка. — Надеюсь, тот, кто вас рассорил, получит по заслугам. Если ты его не накажешь, то это сделаю я.

— Только посмей вмешаться, Файм, — раздраженно ответил Макс, — это мое дело. Лучше расскажи, к чему такой ранний звонок?

— Регент сбежал, — со вздохом поведал Фималион, и мы с Максом переглянулись.

— Как ему удалось? — спросила я, нахмурившись.

— Тяжело контролировать толпу. Вчера были и те, кто не присягнул мне на верность, он успел улизнуть до того, как их посадили под стражу. Факт остается фактом — регента в камере не обнаружили. Значит, он готовит ответный удар.

— Усилить охрану. Когда назначена коронация? — спросил Макс.

— На шестой день после сорванной церемонии, — ответил Эштон и потер виски. — Мне нужно вздремнуть хотя бы пару часов. Жду вас во дворце к полудню.

Он отключился, и Макс, поцеловав меня, выбрался из постели. Я проводила его недоуменным взглядом, ведь у нас были еще как минимум три часа совместно проведенного времени.

— Нужно связаться с Сотар-онгом. Я не собираюсь так просто оставлять его ложь, — со стальными нотками произнес Макс и сжал челюсти.

— Я пойду с тобой. Мне тоже есть что ему передать, — уверенно заявила я, мысленно готовясь уговаривать мужа, но тот неожиданно согласно кивнул.

Собрались мы быстро и как-то слаженно. Словно не прошло трех лет разлуки, словно нас не разделяли сотни парсеков, словно мы были настоящими мужем и женой. Когда мы летели в аэромобиле, я развернулась к мужу и спросила:

— Скажи, ты сможешь купить мне диплом пилота? Я не хочу быть военной, — твердо ответила я, и Макс запустил пятерню в волосы, задумчиво сощурившись.

— Купить-то не проблема, но твой брат будет против. Файму будет выгодно иметь сестру-лейтенанта, которая с отличием окончила летное училище. Ты станешь неким символом для народа.

— Я не хочу быть символом, — в моем голосе прослеживалась грусть, — я хочу быть твоей женой.

Макс бросил на меня удивленный взгляд и неожиданно озорно улыбнулся. Его рука скользнула по моей ноге и сжала коленку.

— Значит, моя Лиса не хочет быть принцессой?

— К чему? Если я уже королева твоего сердца, — самоуверенно заявила я, и Макс задорно рассмеялся, взяв мою ладонь и поцеловав чувствительную кожу.

— Тогда нужно заранее поговорить с Файмом, чтобы он не делал объявление. Ты не против считаться и дальше погибшей принцессой? Но предупреждаю сразу, что внимания тебе избежать не удастся. Все же ты жена наследника крупной топливной компании.

— Ради тебя я готова потерпеть любые неудобства, ради сомнительного статуса — вряд ли, — рассудительно сказала я. — Мои дети и так получают все блага мира, так к чему им еще и родственная связь с Императорской семьей? Жизнь в Эриол-холле не для меня, как и интриги имперского двора. Но ты не против жены с «никакой» родословной? Ведь в глазах общественности наш союз — мезальянс.

— Кажется, мы прошли этот этап, — подмигнул Макс, вспоминая события четырехлетней давности. — И теперь никто не усомнится в серьезности моих намерений.

— Ты собираешься стать примерным мальчиком? — томно спросила я, и муж наградил меня шаловливой улыбкой.

— А это как захочет моя желанная супруга.

И я поняла, чего мне так не хватало. Ни один мужчина не мог подарить мне столько, сколько отдавал Макс. Он был не просто целым миром — он создавал для меня целый мир. Мне же оставалось только поддерживать в нем порядок.

Дверь своей квартиры открыл сам хозяин. Во мне бурлила такая злость, что я, изловчившись, тут же врезала кулаком по ухмыляющейся физиономии. Я бы хотела его добить, но меня перехватил поперек талии Макс, прижав к себе.

— Отпусти! Отпусти, кому говорят! Я ему еще не за все отомстила!

— Лиса, я не хочу, чтобы ты травмировала свои прекрасные руки о его кожу, — спокойно ответил муж, без видимых усилий удерживая меня на месте.

Да, все знают, что у роасан кожа жесткая. Вот и у меня сейчас кулак ощутимо побаливал. У-у, была бы моя воля, все лицо лазером располосовала!

— Что, сам хочешь ударить? — с усмешкой спросил Чо, смотря на Макса.

— Ты прав, — кивнул муж, а в следующую секунду дрон, подконтрольный фаэрту, выстрелил куда-то в стену.

Я поздно заметила, что там была живописная картина, нарисованная масляными красками, но сейчас она больше напоминала дуршлаг. Чо развернулся и посмотрел на уничтоженное произведение искусства, а потом взбешенно взглянул на бывшего друга.

— Ты труп, — мрачно ответил он и бросился на нас.

Макс оттолкнул меня в одну сторону, а сам ушел в другую. Между мужчинами завязалась драка, которая закончилась быстро — Макс использовал несколько боевых точек, и мощное тело Сотар-онга с грохотом упало на пол. Сам он был обездвижен, лишь зрачки метались по комнате в безмолвной злости.

Я обрадовалась такому исходу, потому что вступать в рукопашную с роасаном ой как опасно!

— А я ведь считал тебя другом, — с горько усмешкой произнес Макс, уперев ладони в колени и наклонившись к Чо. — Ты не можешь ответить, но уверен, что ты сейчас хотел бы сказать что-то об общем главе, а том, что я в присутствии Филисити терял голову и ты боялся за меня. Боялся за нашу общую мечту. Вот только ты не учел, что мы с тобой слишком разные. Ты пожертвовал своей возлюбленной ради великой цели, я же не готов отдать Лису, пусть даже для блага всей Вселенной. Удачи тебе, Чо, и забудь мое имя навеки, иначе лишишься всего, что имеешь, включая поста твоего отца.

Если бы Сотар-онг мог метать взглядом молнии, то этот дом уже взлетел бы на воздух. Макс взял меня за руки, приманил к себе дрон, дезактивировав, и мы пошли на выход. Уже во дворе, когда сотни аэромобилей проносились над нашими головами, я решила спросить:

— Чья это была картина?

— Мираны, его возлюбленной, — с грустью ответил Макс. — Она была художником, но он предпочел не подвергать операцию опасности, оставив в залог своих амбиций собственную девушку. Если бы я тогда знал...

— Не кори себя, — обхватив предплечье Макса руками, ласково сказала я. — Но почему ты решил уничтожить картину? Ради мести?

— Не совсем, — мотнул головой фаэрт. — Просто он её не достоин. Он не достоин даже памяти своей возлюбленной, так как предал её. Чо совершенно не представляет, что такое любовь.

— Когда-нибудь встретится та, кто научит его любить, — по-женски оптимистично заявила я, и муж рассмеялся, поцеловав меня в макушку.

— Полетели в Эриол-Холл. Нас там ждут.

Нас здесь действительно ждали. Эштон, окруженный различной техникой, сидел за столом со включенными волосами и растерянным взглядом. О нашем приходе наследнику доложили, поэтому он нас ждал.

— О, вы тут. Теперь мне спокойнее. Велю подать чаю.

Его высочество Фималион разительно отличался от однокурсника Эштона Торифаэра — умного и веселого парня, с которым было весело проказничать. Сейчас передо мной был молодой правитель, которого впереди ждут великие свершения.

Отдав распоряжения слугам, он встал из-за стола и прошел к небольшой мягкой зоне комнаты. Кабинет был просторным, с витражным окном и тяжелой кожаной мебелью. Мы расселись на диваны, Макс рядом со мной, приобняв за талию.

— Что решили с Чо? — осведомился наследник, закинув ногу на ногу.

— Если не дурак, то больше к нам не сунется, — сухо отрапортовал Лимаксион. — Файм, нам нужно поговорить о будущем Филисити. Я бы не хотел быть мужем принцессы.

Брови Эштона подлетели вверх, он склонил голову набок и вкрадчиво спросил:

— Ты самоубийца, что ли? В юности не замечал в тебе суицидальных наклонностей. Кто же высказывает в лицо будущему Императору, что он отказывается жениться на его сестре?

— Ты меня не так понял, — с усмешкой ответил Макс, явно забавляясь реакцией своего друга.

— Во-первых, я уже женат на Лисе и разводиться не собираюсь. К тому же, наш союз вечный, и только друг с другом мы будем удовлетворены в сексуальном плане, уж прости за такие подробности. Во-вторых, я лишь хотел сказать, что моя жена не хочет афишировать свою родственную связь с тобой.

— Эш, — поспешила я перебить мужа, пока тот окончательно не ввел моего брата в ступор, — то есть Фималион, не пойми нас превратно. Я люблю тебя, но вся эта дворцовая суета — не для меня. Мне хочется свободы, а не прицела камер. Понимаю, что жизнь с Максом — это некоторая публичность, открытость, но я готова заплатить такую цену за наше семейное счастье. Если я стану принцессой, то буду не просто медийной личностью, я буду символом, которому необходимо соответствовать статусу. Позволь мне не расставаться со своей свободой.

Несколько минут Эштон молчал, буравя нас недовольным взглядом. В итоге утвердительно кивнул.

— Хорошо, раз ты так хочешь. Но видеться мы будем часто. Слухи не поползут, так как раньше мы с Максом были хорошими друзьями. Надеюсь, эта традиция восстановится.

— Теперь мы еще и родственники, пусть общественность об этом знать не будет, — согласился муж. — Значит, этот вопрос решили. О регенте пока никаких новостей?

— Никаких, — качнул головой наследник, — но дел он мне оставил невпроворот. Ты мне будешь нужен в качестве информатора. Не везде мне разобраться, так как слишком много

было скрыто от моих глаз.

— Разумеется.

На следующие дни я потеряла из виду и своего мужа, и своего брата. Мы каждый день возвращались в Эриол-холл, а ночью улетали домой, где Макс вновь возвращался в мое личное пользование.

10

Надо думать, Макс прояснил ситуацию перед своими родителями, так как оправдываться мне не пришлось. Элитон и Никелла встретили меня с большим радушием, чем в нашу прошлую встречу, и мы провели несколько часов за разговорами и чаепитием.

Во время беседы господину Элитону позвонили сотрудники компании. Он изменился в лице, встал из-за стола и покинул нас на полчаса, но я успела услышать рубленые фразы, сказанные неведомому собеседнику. Улыбчивый тесть и глава компании «КосмоЭнерго» — это два разных фазрга.

Улетая в квартиру Макса, я с интересом разглядывала огни ночного города и думала, как окружающий мир зависит от обстоятельств. Фималион, естественно, еще не решил проблему люмпенизации общества, но сейчас, когда я уверена в его власти, мне легче, ведь у меня есть надежда на светлое будущее. С регентом её у конфедерации не было.

Коронация прошла в указанный срок без сучка без задоринки. Сначала была принесена клятва Императора служить своему народу верою и правдою, потом свои клятвы новому главе озвучили главы других планет и систем, и уже после них высшие военные чины присягнули на верность, некоторые повторно, с соблюдением необходимых церемоний.

Мы с Максом остались без внимания общественности, что неудивительно, если учитывать, что все высшие чины конфедерации собрались в одном зале. Император хоть был и молод, но встречен народом, как флагман надежды.

Я часто бросала украдкой на него взгляды и никак не могла понять, почему я приняла его за своего сверстника. Его слова и действия говорили об опыте прожитых лет. Моя благодарность к нему за заботу во время учебы сменилась настоящей нежной братской любовью.

Теперь у меня есть семья. У меня есть муж, его родители и, конечно, мой брат, пусть об этом никто и не знает.

Диплом я защитила еще спустя неделю. Мне хотелось попробовать себя в качестве пилота гражданского судна, и Макс не возражал. Он сам считал, что мне нужно самореализоваться и найти себя, а дети — это всегда успеется.

Через месяц моих законных каникул, пока я искала работу, мне позвонил брат и пригласил во дворец. Взглянув на часы, я с отчаянием поняла, что придется на ночь глядя тащиться в Эриол-холл. Макс вышел из душа, легко меня поцеловал и присел рядом, подтянув к себе.

— О чем печалишься, красавица? — игриво спросил муж.

— Боюсь вас расстроить, дорогой супруг. Я должна просить вас сопроводить меня к его

величеству, — в тон ему ответила я.

Со вздохом поцеловав ложбинку между грудей, Макс поднялся и принялся одеваться. Я тоже поспешила натянуть на себя джинсы и кофту, а спустя десять минут мы вышли в теплую летнюю ночь. До Эриол-холла мы долетели быстро, а в кабинете нас ждал сам венценосный родственник.

— Вы пришли? — Оторвавшись от бумаг, Фималион поднялся и обнял по очереди нас с мужем, а потом предложил сесть на диван. — Не хотите коньяк?

Мы с Максом переглянулись. Нечасто Император предлагал нам выпить, значит, разговор действительно предстоит серьезный, и немного промочить горло не помешает. Когда коньяк был разлит и продегустирован, Фималион начал:

— Лиса, твои приемные родители погибли не случайно.

Я застыла, Макс приобнял меня за плечи, прижавшись сбоку.

— Продолжай, — хрипло произнесла я, вцепившись в ладонь супруга ногтями.

— Они узнали про наследницу, — сгорбившись, сказал Император. — И узнали, что жила она именно в доме твоих родителей. Когда им не удалось получить от них информацию, они сбросили на Рассветное бомбы, чтобы тебе некуда было возвращаться.

Озвученное с трудом укладывалось в голове. Казалось страшным сном, который мог привидеться любому, но только не мне, не моим родителям. Но явь всегда оказывается страшнее снов.

— Моих родителей пытали? — чувствуя, как к горлу подступают всхлипы и встают комом, спросила я.

— Все может быть, — неопределенно ответил Фималион, старательно избегая моего взгляда. — В любом случае твой след потеряли. В космопорте билеты ты не купила, значит, и не улетела. Рейс, который был наиболее вероятен после допросов очевидцев, пострадал в результате действий контрабандистов. А потом Макс дал тебе новую личность, под которую не стали бы копать ввиду связи с Оджифаэрсами. Да и мало ли в мире девушек с твоим именем? Никто не думал, что ты добралась до столицы.

— Значит, родители погибли из-за меня? — прошелестели мои слова, пока глаза застилали слезы.

— Они сами выбрали свою судьбу, — жестко ответил Фималион, потянувшись ко мне и сжав мою руку. — Они великие люди. Воспитали принцессу доброй и смысленной девушкой и пожертвовали своими жизнями ради твоей безопасности.

— Я ведь ничего особенного не сделала, — шептала я, глотая слезы и проворачивая в голове картинки со своей жизнью. — Это ведь ты наследник! Я даже не стала объявлять о своем статусе, а они погибли за меня...

— Фил, представляешь, если бы со мной что-нибудь случилось? У народа была бы надежда на тебя, — продолжал говорить Император. — Ты моя поддержка и опора. Ты многому меня научила, и без тебя я не был бы тем, кто есть сейчас. Ненависть к регенту меня озлобила, превратила в юнца, жаждущего мести, — брат сильнее сжал мою руку и на минуту замолчал. —

И только любовь к тебе вернула меня к жизни. Возродила все светлые чувства в моей душе. Я обрел смысл. Каким бы я был Императором, если бы вместо сердца у меня была бы обуглившаяся деревяшка? Поэтому не говори мне, что твои родители зря пожертвовали своими жизнями.

Пока он говорил, по моим щекам текли слезы. Они жгучими дорожками сбегали вниз, забирая вместе с собой боль потери и разочарования и оставляя светлую тоску. Подавшись вперед, я обогнула стол и села к брату на колени. Он обнял меня и начал убаюкивать, словно маленькую девочку. Его пиджак остался безнадежно испорченным моими слезами.

— Успокоилась? — хрипловато спросил он, когда слезы прекратились и остались лишь глухие всхлипы.

Я не ответила. Муж безмолвно забрал меня у родственника, поцеловав в лоб, и попросил приготовить гостевую спальню. На ночь мы остались в Эриол-холле. Спала я плохо и урывками, все время монтируя в голове эпизоды из собственной жизни, преобразуя их в фильм, так или иначе связанный с императорской семьей.

Проснувшись раньше Макса, я приняла душ и отправилась искать брата. Благодаря слугам я обнаружила его в голографической галерее, где были представлены портреты всех членов королевской семьи прошлых поколений.

— Знаешь, — произнес Файм, не оборачиваясь ко мне, — а ведь мама хотела белокурую дочку, даже если бы это было невозможно. Мы в первую очередь должны были следовать законам, соответственно, тебя бы геномодифицировали и убрали все признаки ороситки. Все, чем бы ты была похожа на маму.

В этот момент он сделал шаг назад, будто приглашая меня посмотреть на цветную голограмму матери. Совсем молоденькой, может быть, всего на два десятка лет старше меня самой. Она улыбалась, держа на руках своего годовалого первенца. Фималион кривлялся, в его глазах затаился огонек озорства.

— Почему мы сразу не заметили, что так похожи? — совсем тихо спросила я, не в силах подавить тоскливую улыбку.

Пусть эта женщина передо мной меня не вырастила, но она смогла сделать все, чтобы отдать меня на воспитание хорошим гуманоидам. Конечно, я часто думала о том, что было бы, сложись моя жизнь по-другому — с моими биологическими родителями. Были бы мои детство и юность счастливее, чем сейчас? В любом случае я ни о чем не жалею и ценю то, что есть.

— Они были любящими родителями? — спросила я у брата, и тот счастливо кивнул.

— Самыми лучшими.

Мы замолчали. Казалось, слова были лишними. Фималион переключил изображение, чтобы показать и моего отца, и их общие фотографии, и снимки прошлого Императора с его супругой, и Файма в детстве. Я с удовольствием любовалась каждой их эмоцией, а когда ощутила, что тоска по родственникам слишком давит на меня, пришел Макс. Он будто почувствовал мое настроение и примчался принцем на белом коне.

— Сбежала от меня? — шепотом спросил супруг, обняв меня сзади за талию и прикусив мочку уха.

— Ты так сладко спал, что я не стала тебя будить, — отозвалась я, развернувшись в его руках и даря сладкий утренний поцелуй.

Завтракать в Эриол-холле мы отказались и отправились в город. Мне хотелось сегодня раствориться в его шуме, искупаться в атмосфере ушедшего праздника и понять, что груз печали и неопределенности будущего, нависший над Фаэром, растворился без обещания вернуться.

Уверенная, что мое подвешенное состояние просто так не растворится, я попросила Макса съездить со мной в торговый центр. Муж возражать не стал. Он относился к тому типу мужчин, которые не любили покупки, но готовы были пойти на некоторые жертвы в определенный период времени — раз в несколько месяцев.

Вот и сейчас, уставший и с поникшим взором радужных глаз, он шел за мной и думал лишь о том, когда его пытка подойдет к концу и экзекутор соизволит смилостивиться. Я хихикнула, взяла мужа за руку и кивнула в сторону фуд-корта.

— Перекусим? Хочу очень вредной пищи!

И кто бы видел, с каким воодушевлением воспринял мое предложение наследник компании «КосмоЭнерго», расхохотался бы!

Поев, я оставила Макса сидеть с покупками, а сама отправилась в дамскую комнату. Пока я окидывала безразличным взглядом толпу, аккуратно пробираясь в нужную сторону, случайно налетела на тартарианку. Всё ту же, всё там же.

— Я поняла, кто ты, еще в прошлый раз, — затараторила она, бросив испуганный взгляд мне за спину. — Вижу, что ты вместе с тем мужчиной, которого любила и любишь. Поздравляю!..

— Простите, — попыталась вмешаться я, нахмурившись, но незнакомка не дала мне сказать и пары слов.

— Нет времени объяснять. За вами следят. Сделай вид, что мы давно не виделись, и обними меня, а потом вернись к мужу и отправляйтесь домой, предварительно известив своего венценосного родственника. Кивни, если поняла.

Кивнула, хотя ничего не поняла. Кто за нами следит? Растянув губы в подобие улыбки, я обняла тартарианку, но когда отстранилась, муж уже был рядом, ухватив меня за локоть, и прожигал неприязненным взглядом девушку.

— Я не враг, — заявила она, развернулась и направилась к мужчине, ждущему её у выхода.

Он встретился с нами взглядом, кивнул и, дождавшись соплеменницу, скрылся вместе с ней в арке коридора. Макс потащил меня к другому выходу — к верхней парковке. Я практически бежала за ним, а когда сзади раздались выстрелы, то пригнулась, ускорив шаг.

Макс выставил дрон, энергетический щит которого прикрыл наши спины. Но на парковке к нам бежали и с другой стороны, а аэрмообиль был окружен неизвестными гуманоидами. Толкнув меня в сторону, Макс укрылся за ровными рядами машин, взламывая замок с помощью коммуникатора.

Пока он мучился с замком, я взяла у него бластер и отстреливалась из укрытия, надежно

спрятанная за энергощитом дрона. Макс открыл дверь аэромобиля довольно быстро и подтолкнул меня вперед, а сам уселся на водительское сиденье, моментально взмыв в воздух.

Дрон летал возле бака с топливом, чтобы не позволить вражеским бластерам попасть в него. Я взяла в руки коммуникатор и над ним высочила голограмма Императора.

— Привет, Фил! — радостно начал Фималион, но вскоре улыбка растаяла на его лице. — Что случилось?

Я вкратце рассказала, что произошло. Брату не составляло труда отследить наше местоположение. Макс петлял по городу, пытаясь уйти от погони. Аэромобиль уже был наполовину разбитый, и с каждой секундой мне становилось еще более страшно за свою жизнь.

— Что будем делать?! — панически спросила я, и Макс бросил короткий взгляд вниз.

— Ты же плавать умеешь?

Я машинально кивнула и взглянула вниз, где простиралась река, сильно уменьшенная в русле из-за водозабора. Я посмотрела на Макса, и он отстегнулся, выбив дверь со своей стороны. Я последовала его примеру, а минуту спустя мы погрузились в воду.

Нос обожгло водой. Я плотно закрыла рот, задерживая дыхание, и поплыла вслед за ждавшим меня мужем. Направлялись мы к трубам, через которые осуществлялся забор. Сердце сжалось в преддверии опасности перед турбулентным потоком воды, особенно если учитывать, что над нами кружили аэромобили.

Макс плыл следом за мной, проверяя, не тону ли я. Под конец, когда мы доплыли до труб, я сдалась и глотнула воздуха. Горло резанул холодный поток, и меня закрутило в вихре воды, перебрасываемой по трубе.

Если бы я могла, кричала бы. Несколько раз я больно приложилась плечом, чудом избежав ударов головой. Оказавшись в спокойном, укрытом высоким куполом водохранилище, я окончательно задохнулась и пошла ко дну.

Последней моей связной картинкой был силуэт Макса, спускающийся ко мне сквозь толщу воды.

Пробуждение было не из приятных. Все тело ломило, особенно жгло носовые ходы и горло. Хотелось выпить тепленького масла, чтобы успокоить будто шершавые внутренности.

— Она открывает глаза, — обеспокоенный женский голос раздался среди едва различимого шепота, и я больше почувствовала, чем увидела, как надо мной склонились люди.

Приоткрыв глаза, я в первую очередь нашла Макса. Он глядел в мое лицо, будто пытался найти хотя бы единственный признак опасности. Я хотела улыбнуться, приободрив его, но не могла даже пошевелиться.

— Отдыхай, деточка, — заботливо сказала Никелла, которая и была первой говорившей. — Все хорошо. Все хорошо...

Её шепот действительно заставил меня закрыть глаза и вновь погрузиться в дремоту. Когда я

очнулась второй раз, то в больничной палате был только мой муж. Он подошел ко мне и присел на стул, взяв мою руку и поцеловав ладонь.

— Ты меня испугала, — с грустной улыбкой проговорил он. — Прости, это я виноват. Мне следовало быть более внимательным к нашей безопасности.

— Все в порядке, — проговорила я одними губами, поэтому, прокашлявшись, уже повторила более естественным голосом: — Все в порядке. Что произошло?

— Регент. Он догадался, что ты являешься наследницей, и хотел шантажировать Императора тобой.

— И что с ним сейчас? — приподнявшись на подушках и хмурясь, спросила я.

— Казнен сегодня на рассвете. Больше беспокоиться не о чем. Шпионская сеть Фаэрта не просто так ест свой хлеб, — попытался усмехнуться Макс и пересел на кровать, погладив меня по щеке. — Лисичка моя, ты не представляешь, как я испугался. Никогда в жизни так не боялся, даже в тот день, когда мы с тобой... м-м... расстались на долгих три года.

— Долгих? — удивленно приподняла я брови. — Разве? Для меня они пролетели как одно мгновение. Ведь в жизни имеет значение лишь время, проведенное с тобой.

Он наклонился, чтобы запечатлеть на губах нежный поцелуй любящего мужчины.

Эпилог

Пять лет спустя

Я не узнавала Фарэт. Это была другая планета — она словно задышала по-новому. Проблема с зависимыми не была полностью решена — проверялись базы данных, кто получил клеймо за преступление, а кто — на незаконном основании. Зато люмпенов уже практически не было, а если и были, то они гордо называли себя «фриганы» и относились к новым молодежным течениям.

Жизнь стала другой — более неспешной и размеренной. Но стоило мне подняться в небо, как время закручивалось спиралью и бежало с невероятной скоростью. Там, в высоте, оно меняло свой ход.

Я была пилотом частных скоростных шаттлов, предназначенных для переправки особых грузов. Иногда опасность будоражила кровь, но я уже не могла бы работать на скучном гражданском судне.

— О чем задумалась? — спросил Макс, отбирая у меня сумку и беря за руку, чтобы повести меня на корабль.

— Об изменчивости времени.

— Ого, моя жена подалась в философствования? — едко осведомился Макс. — Кто кого меняет: время людей или люди время?

— Склоняюсь ко второму варианту, — в свою очередь ответила я. — Но мои думы не столь глобальные!

Мы летели на отдаленный спутник Фаэрской системы, где мы оба когда-то подарили друг другу свои сердца. Это место было для меня особенным!

Мастер Эж был в своем репертуаре. Пока мы с Максом вдвоем мылись в душе и вспоминали, как он увидел меня здесь обнаженной и пропал, дедушка моего возлюбленного добавил в мой защитный крем особый ингредиент, на который у его внука аллергия.

Если бы я знала, то не пользовалась бы им вовсе. Весь следующий и этот день Макс не подходил ко мне на расстояние меньше трех метров. Мастер Эж ехидно усмехался и подмигивал, да и я шутку оценила.

А вот когда действие крема окончательно исчезло, мы смогли посетить лесной домик. Здесь, после просмотра представления светлячков, мы не только упоенно целовались, но отдавались в объятиях друг друга этой странной магии любви.

— Ты когда-нибудь думал о том, что было бы, если бы мы никогда не встречались? — переплетя наши пальцы, спросила я в ночной тиши.

— Незачем предаваться пустым размышлениям, — в своей привычной спокойной манере ответил муж, огладив рукой мои бедро и живот. — Намного важнее то, что ты здесь и со мной. Остальное бессмысленно и тщетно.

А я думала. Пыталась вообразить, но никогда не получалось. Всегда всю иллюзию разрушал Макс своим присутствием. Он настолько въелся в мое сознание, что даже голова запрещает мечтать без него.

Я улыбнулась, придвинувшись ближе к мужу и положив голову ему на плечо. В жизни так много путей, но как я счастлива, что пошла именно этой дорогой. Любви и счастья.

Пятьдесят лет спустя

— Тебе не кажется, что она влюблена? — спросила я, хмурясь и смотря на свою дочь.

Сегодня в Эриол-холле устроили бал в честь полноценного укрепления Тартарии в составе Фаэрской конфедерации. На подписание договора прибыл сам принц — неженатый, образованный и весьма симпатичный.

Одетый в строгий черный костюм, похожий на военный, он производил впечатление серьезного гуманоида, который разбил не одно сердце, даже не замечая этого. Я поморщилась, взглянув на свою дочь.

Фиэлина в расшитом изумрудами насыщенном зеленом платье с пышной юбкой и убранными в высокую прическу темными волосами во все глаза глядела на принца, забывая даже дышать. Принц, конечно, парень видный, но их система брака мне категорически не нравится. Где это видано, чтобы у женщины было сразу несколько мужей?!

— И чего ты переживаешь? — устало спросил Макс. — Она же не мужчина. Это за сына я бы переживал, если бы он в тартарианку влюбился, а так... Ну заполучит она себе принца, умеющего читать мысли, так что в этом плохого? Он вторую жену взять не может из-за особых свойств энергетики.

— Он же легко прочтет любовь к нему у неё в глазах! — констатировала я со вздохом и с печалью взглянула на куколку-дочь.

Она была больше похожа на Макса, да и никакие генетические особенности ороситов в ней не проявились благодаря своевременному вмешательству. Ей двадцать — тот самый возраст, когда можно влюбиться без оглядки.

— Обещаешь, что никогда непустишь на подобный прием Яриола и Ялиона, — засопела я, говоря о наших пятилетних близнецах, и Макс негромко рассмеялся, чем привлек внимание принца.

Он слегка улыбнулся нам, отсалютовав бокалом шампанского, и повернулся к одному из послов Азеана. Интересно, каково читать мысли всех присутствующих в зале? Уверена, задача не из легких хотя бы в моральном плане.

Внезапно я поймала заинтересованный взгляд принца, брошенный на Фиэлину. Все, пропал мужик.

Конец

Заметки

[

←1

]

Мракс — здесь: уродливое чудище, обитающее на многих планетах конфедерации из-за легкого приспособления к разным условиям жизни. Черное, слизкое, с множеством щупалец и непробиваемой кожей как внутри, так и снаружи.

[

←2

]

Здесь: военное звание. Соответствует лейтенанту

[

←3

]

Здесь: военное звание. Соответствует прапорщику

[

←4

]

Здесь: военное звание. Соответствует подполковнику

[

←5

]

Иоттаба́йт — кратная единица измерения количества информации, равная 10^{24} байтам.

[

←6

]

Окроит — кисло-сладкий фрукт, выращиваемый в Орской системе. Имеет фиолетовую окраску и четырехгранную форму. Обладает полезными свойствами, укрепляет иммунитет и помогает снять мышечную боль.

[

←7

]

Генссор — здесь военное звание. Соответствует генералу.